Г 71 $\frac{8}{18}$
В. Шимановский
Очерки по истории
русских наречий
Варшава 1893

Глубокоуважаемому
А. С. Будиловичу
от автора

ГИ 8/18

ОЧЕРКИ
по
ИСТОРІИ РУССКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Черты южнорусскаго нарѣчія въ XVI—XVII вв.

В. ШИМАНОВСКАГО.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Франца Чернакъ
Краковское-Предмѣстье № 6.

1893.

ГМ 8/18

ОЧЕРКИ

по

ИСТОРІИ РУССКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Черты южнорусскаго нарѣчія въ XVI—XVII вв.

В. ШИМАНОВСКАГО.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Франца Чернакъ
Краковское-Предмѣстье № 6.

1893.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 21 сентября 1893 г.

Предметъ настоящаго труда — обозрѣніе особенностей живой южнорусской рѣчи XVI—XVII вв. и объясненіе ихъ въ связи съ особенностями другихъ нарѣчій русскаго языка и характеромъ памятниковъ, въ которыхъ онѣ встрѣчаются. Обобщенія дѣлаются въ такой мѣрѣ, въ какой это оказывается возможнымъ по количеству и качеству добытыхъ нами фактическихъ данныхъ. Въ изложеніи главное вниманіе было обращено на фактическую сторону на томъ основаніи, что она одна составляетъ нѣчто неизмѣнное — въ противоположность мнѣніямъ изслѣдователей, мѣняющимся въ зависимости отъ основной точки зрѣнія и характера матеріала.

А. Е. Крузе, принимавшему участіе въ чтеніи первопечатныхъ листовъ, приношу мою сердечную благодарность.

I. ИСТОЧНИКИ.

Извѣстно, что изслѣдователи памятниковъ древняго періода русскаго языка встрѣчаютъ не мало затрудненій въ томъ, что наши древніе памятники писаны на языкѣ древне-церковно-славянскомъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства многіе, даже основные вопросы по исторіи русскаго языка не рѣшены окончательно и по настоящее время, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы не возбуждать разнаго рода толкованій и недоразумѣній. Такъ какъ данныя живой народной рѣчи являются въ памятникахъ какъ бы обмолвкой переписчика или писца, то понятно, что представляется слишкомъ широкое поле для такъ называемыхъ „субъективныхъ толкованій", толкованій, направленныхъ къ подкрѣпленію той или другой предвзятой теоріи. Извѣстно также и то, что въ XIV — XV вв. и даже гораздо раньше, существованіе главнѣйшихъ русскихъ нарѣчій: велико- мало- и бѣлорусскаго не оспаривается даже самыми осторожными изъ изслѣдователей, а между тѣмъ даже въ XVI—XVII вв. тотъ же славянскій языкъ играетъ роль литературнаго. Хотя онъ значительно уже измѣнилъ свой древній типъ, воспринявъ въ себя значительное количество чертъ—фонетическихъ, морфологическихъ и даже стилистическихъ—того нарѣчія, которое имъ пользовалось, однако право языка литературнаго все же оставалось за нимъ. Такъ, напримѣръ, южнорусскіе писатели XVI—XVII вв. говорятъ въ своихъ трудахъ, что, кромѣ языка книж-

наго, существуетъ и „простая молва“; они находятъ, что было бы полезно „вырозумѣнія ради простыхъ людей“ имѣть книги св. писанія и на этой „молвѣ“; но они сами не обращаются къ ней потому, что „прекладаніемъ здавныхъ пословицъ на новые, помылка чинится немалая“ (Учит. Заблудовское евангеліе 1568—69 г. л. 4б). Нѣкоторые же не рѣшаются отступить отъ древняго преданія потому, что считаютъ народную рѣчь недостаточно достойной для выраженія при помощи ея научныхъ и религіозныхъ бесѣдъ. Въ силу сказаннаго разсмотрѣнные нами южнорусскіе памятники (отчасти также и бѣлорусскіе и великорусскіе), имѣющіе характеръ преимущественно религіозный, написаны на языкѣ церковно-славянскомъ. Основной характеръ ихъ правописанія тотъ же, который господствовалъ и въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ; сохраняются въ правописаніи даже юсы, звуковое значеніе которыхъ было темно даже для переписчиковъ XI в.; дѣлается попытка выдержать древнее правописаніе глухихъ гласныхъ и т. п. Но такъ какъ живой народный языкъ имѣлъ весьма мало общаго даже съ тѣмъ типомъ церковно-славянскаго, который въ то время былъ языкомъ литературы, съ другой стороны, такъ какъ условія тогдашней литературной и общественной жизни выдвинули на сцену литературной дѣятельности новаго дѣятеля — языкъ польскій, и такъ-какъ живая народная рѣчь все же должна была такъ или иначе отразиться въ тогдашнемъ литературномъ языкѣ, уже мертвомъ для всѣхъ славянъ, то отсюда объясняется смѣшеніе нѣсколькихъ принциповъ въ правописаніи памятниковъ: основа его—древняя церковно-славянская; къ ней примѣшиваются черты правописанія польскаго, и являются нѣкоторыя особенности, обусловленныя выговоромъ извѣстныхъ словъ въ народныхъ устахъ. По польскому образцу мы встрѣчаемъ въ памятникахъ іо для выраженія звука ё, рж или рш для выраженія польскаго шепеляваго Р.; этому же вліянію слѣдуетъ приписать постановку нѣкоторыхъ надстрочныхъ знаковъ надъ гласны-

ми, звучавшими въ народной рѣчи не такъ, какъ они, по существовавшему преданію, произносились въ старину, въ церковно-славянскомъ языкѣ, напр. крȏвїю Ог. 106, крȏви Ог. 341. Мес. 41а. 174а, убїору Ог. 356, лиѧѣгова Ог. 360, крȏль КР. 55б. 71а; зȏолахъ КР. 58б; пȇнкности КР. 106а, кролїов КР. 109б, пȇнкный КР. 174а. Знакъ ͡ очевидно ставится во 1-хъ, надъ сжатымъ гласнымъ, во 2-хъ, онъ обозначаетъ, что двѣ гласныя буквы употребляются для изображенія одного звука (въ словахъ, взятыхъ изъ польскаго яз. [1]). Въ угоду выговору нѣкоторыхъ звуковъ въ живой рѣчи были допущены немногочисленныя отступленія отъ древняго правописанія, такъ, появилось *ждж*, *жч*, *шч* вм. жд, шч вм. шт; изобрѣтенъ былъ знакъ Г для звука г = лат. h; въ тѣхъ же видахъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ ставится удареніе, что имѣетъ весьма важное значеніе для исторіи русской акцентологіи. Вообще же говоря, нововведеній въ правописаніи было весьма немного, зато всѣ они имѣютъ значеніе, какъ показатели чертъ народнаго говора. Само собой разумѣется, что степень отраженія чертъ народной рѣчи въ языкѣ извѣстнаго писателя обусловливается характеромъ памятника, который, въ свою очередь, въ значительной степени зависитъ отъ характера писателя. Въ этомъ отношеніи разсмотрѣнные нами памятники имѣютъ далеко не всѣ одинаковое значеніе и не всѣ представляютъ обильный матеріалъ для изслѣдованія. Слова акад. Ягича: „пока мы подбираемъ только камешки и укладываемъ ихъ въ родѣ мозаики въ картину, которой намѣчены до сихъ поръ только главныя очертанія [2]", вполнѣ примѣнимы и къ характеру нашей работы, основанному на данныхъ, извлекаемыхъ изъ памятниковъ русскаго языка, относящихся къ XVI—XVII вв.: намъ приходится довольствоваться указаніемъ на

---

[1]) Онъ употребляется, впрочемъ, и въ такихъ словахъ, какъ ю͡жъ Мес. 112а, б͡о Ап. 88б, т͡ы Ап. 97а.

[2]) Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, стр. 55.

самое существенное или, лучше сказать, на тѣ черты, которыя отмѣчены въ памятникахъ. Утверждать же, что отмѣчено *все* самое существенное, мы едва ли имѣемъ возможность, хотя черты народнаго говора въ памятникахъ позднѣйшихъ выступаютъ съ большой смѣлостью и опредѣленностью, чѣмъ въ памятникахъ древне русскихъ.

При составленіи „Очерковъ" авторъ пользовался слѣдующими памятниками (названіе ихъ въ текстѣ работы обозначается сокращенно): БА = Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ изд. прот. І. Григоровича М. 1824 г. часть I.

АБ = Акты, издаваемые археографическою коммиссіею, Высочайше утвержденною въ Вильнѣ т. II Акты брестскаго земскаго суда. Вильна 1867 г.

Ев. у = Книга зовомая евангеліе учителное. Напечатана въ Заблудовѣ (гродненской губ., бѣлостоцкаго уѣзда) въ 1568—69 г. Чертъ народнаго говора въ евангеліи попадается весьма мало.

Ев. = Экземпляръ евангелія XVI в., хранящійся въ виленской Публичной Библіотекѣ (по описанію Ф. Н. Добрянскаго № 40). Это евангеліе также представляетъ весьма мало чертъ народнаго русскаго языка. Замѣчательно въ немъ частое проясненіе Ъ въ предлогахъ, какъ въ группѣ галицко-волынскихъ памятниковъ, неразличеніе ъ и ь въ концѣ и срединѣ словъ и стремленіе строго выдержать правописаніе въ духѣ древняго церковно-славянскаго языка.

Прл. = Перло многоцѣнное, соч. Кирилла Транквилліона, архимандрита черниговскаго монастыря. Изд. въ Черниговѣ въ 1646 г. Всѣхъ листовъ въ „Перлѣ" 172, кромѣ „Предмовы до чителника", въ которой 3 листа. Въ книгѣ обозначаются ударенія.

Ном. = Номоканонъ, или законное правило, сочин. Памвы Берынды. Изд. въ Кіевѣ въ 1620 г. Въ концѣ книги, передъ оглавленіемъ, помѣта: „въ ст҃ѣй горѣ Аѳона писа(с)я". Всѣхъ страницъ въ книгѣ 140. Особенностью

въ ороографическомъ отношеніи является написаніе словъ типа *търът* черезъ *трът*.

КР. = Ключъ разумѣнія, свщенникомъ законнымъ и свѣцкимъ належачый, Іоанникія Галятовскаго, ректора и игумена Кіево-братскаго „монастыра". Изд. Кіево-печерской лавры 1659 г. Всѣхъ листовъ 253. На словахъ обозначены ударенія.

Каз. = Казаня, приданыи до книги Ключъ разумѣнія названой. Изд. Кіево-печерской лавры 1660 г. Всѣхъ страницъ въ книгѣ 149. Въ концѣ книги перечислены „Чуда" Пресвятой Богородицы (Отдѣльнаго изданія они не представляютъ). Какъ и въ предыдущей книгѣ, на словахъ обозначены ударенія.

Лекс. = Лексиконъ славенороссiй и именъ тлъкованіе—Памвы Берынды, изд. въ типографіи Кіево-печерской лавры въ 1627 г.

Слов. = Словарь книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII в. Приложеніе къ первой части сочиненія: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в. П. Житецкаго.

ЗБ. = Сіа книга нарицаемая зерца́ло бгословіи, соч. „еромонаха Кирила Тра́нъквиліо́на и проповѣдника слова бж҃іа"; напечатана въ „монастыру почаевъском" в' маетности его мл҃сти па́на Андрѣя Фи́рлѣя" въ 1618 г. Всѣхъ листовъ 84 + 29. Въ числѣ особенностей правописанія Зерцала слѣдуетъ отмѣтить употребленіе Ъ вм. Ь въ словахъ типа търьт. Мало попадается случаевъ замѣны *г* черезъ *ъг*, весьма рѣдка также мѣна *в* и *у*.

Пат. = Патерикъ кіевскій XVI в. (Въ описаніи Ф. Н. Добрянскаго № 39). Въ правописаніи патерика весьма замѣчательно употребленіе *ъ* вм. *ъ*. *Ъ* однако не всегда вытѣсняетъ ъ.

Мес. = Месіа правдивый ис҃ хс҃ сн҃ъ бж҃ій. соч. „оц҃а Інокентіа Гізіеля, архимандриты Кіево-печерской лавры, изд. той же лавры 1669 г.

Ог. = Огородокъ Маріи бцы розмаитыми цвѣтами словесъ и т. д соч. іеромонаха Кіево-печерской Лавры Антонія Гадивиловскаго. Лаврское изд. 1676 г. Всѣхъ листовъ 1128. Ударенія обозначены.

Ап. = Апокрисисъ, албо отповѣдь на книжкы о сборѣ берестейскомъ, соч. Христофора Филялета (Хр. Бронскаго). Изд. въ Вильнѣ въ 1597 г. Всѣхъ листовъ 210. Замѣчательно въ Апокризисѣ то, что слова иностранныя [1]) объясняются на поляхъ книги, причемъ иногда и при объясненіи употребляются варваризмы. Способъ написанія иностранныхъ словъ также иной: они обозначаются посредствомъ знаковъ ◡◡◡, стоящихъ почти надъ каждымъ слогомъ.

Об. = Описанье и оборона събору руского берестейского вроку 1596. Изд. „У Вильни" въ 1597 г. Это описаніе переводъ польскаго сочиненія П. Скарги „Synod Brzeski i jego obrona" (1597). Въ экземплярѣ виленской Публичной Библіотеки недостаетъ одного только послѣдняго листа. Въ орѳографическомъ отношеніи оно замѣчательно смѣшеніемъ ѣ и ъ. Писано оно на бѣлорусскомъ нарѣчіи, но съ сильной примѣсью малорусскаго; въ языкѣ этого памятника замѣтно также сильное вліяніе польской фонетики. По словамъ Ф. Добрянскаго (Путеводитель по виленской Публичной Библіотекѣ стр. 29), экземпляръ виленскій—единственный, библіографамъ неизвѣстный.

Син. = Синопсисъ, или краткое сказаніе отъ различныхъ лѣтописцевъ, соч. Иннокентія Гизеля, изд. Кіево-печерской лавры 1680 г.

Ст. = Статутъ великого князства литовского. Ввильни, друковано вдому Мамоничовъ, изд. 1588 г.

---

[1]) Огоновскій (Исторія литературы рускои I, 136), называетъ языкъ Апокризиса „макароничнымъ". „Макаронизма" однако здѣсь гораздо менѣе, чѣмъ во многихъ другихъ книгахъ того времени.

Сб. = Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной Библіотекѣ. Вып. I. Вильна 1884 г.

(Акты и грамоты относятся къ 1432—1548 г.).

Кот. = О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. Современное сочиненіе Григорія Котошихина, Изд. третье (Археографической коммиссіи) Спб. 1884 г.

Стг. = Стоглавъ, казанское изданіе 1862 г.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнные нами южнорусскіе памятники относятся къ мѣстности, занимаемой теперь губерніями: Кіевской, Черниговской, отчасти—Волынской и Гродненской (окрестности теп. Брестъ-Литовска и Заблудовье). Писаны они или малороссами по происхожденію или лицами, достаточно знакомыми съ малорусскимъ нарѣчіемъ [1]).

Главное вниманіе обращено на языкъ памятниковъ южнорусскихъ; данныя же другихъ памятниковъ приводятся лишь для сравненія (конечно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это оказывается необходимымъ). Изъ памятниковъ приводятся лишь данныя, характеризующія живой народный языкъ. Наслоенія же иноязычныя, не привившіяся къ народной рѣчи, а жившія лишь въ устахъ книжныхъ людей того времени, оставлены безъ вниманія, какъ не имѣющія прямого отношенія къ цѣли настоящей работы.

[1]) П. Берында родился въ Молдавіи, гдѣ языкъ русскій былъ въ употребленіи почти до конца XVII в. (Огоновскій Исторія рускои литературы 1. 187. 188). И. Гизель прибылъ въ Малороссію въ молодыхъ лѣтахъ См. Н. Ѳ. Сумцова Иннокентій Гизель стр. 2.

II. ЗВУКИ ГЛАСНЫЕ.

Звуки, замѣнившіе древніе глухіе гласные. Звуковъ глухихъ, сохранившихся отъ старины органически, въ южнорусскомъ нарѣчіи XVI—XVII вв. уже не было. Если въ памятникахъ этого времени мы находимъ написанія, представляющія ѣ и ѣ вмѣсто *о* и *е* или же такія, въ которыхъ надъ ъ и ь стоитъ знакъ ударенія (каково напр. Пересопницкое Ев. и другіе памятники) [1]), то эти написанія свидѣтельствуютъ не о существованіи глухихъ, а лишь о томъ, что писатели, придерживаясь въ ороографіи историческаго начала, не всегда удачно рѣшали вопросъ о томъ, что́ надобно писать въ данномъ словѣ— чистый или глухой гласный. Есть памятники этого времени, наглядно показывающіе, что ъ и ь были лишь знаками, ставившими иногда въ недоумѣніе грамотныхъ людей, таково напр. евангеліе XVI в. (Виленской Публичной Библіотеки), представляющее написанія: вдомь свой 17б; единь ib., повелѣ ити на онъ поль ib., придохь 22а, рку жателемь 27б; вообще замѣчательное неразличеніемъ ъ и ь въ концѣ и срединѣ словъ; таковъ Патерикъ XVI в. (той же виленской библіотеки), таково Описанье и оборона събору руского берестейского и др. памятники. Вообще, рѣшать вопросъ о существованіи глухихъ въ живомъ говорѣ на основаніи правописанія извѣстныхъ словъ—нельзя

---

[1]) Ogonowski. Studien auf dem gebiete der ruthenischen Sprache 48 со ссылкой на Потебню.

въ виду историческаго характера нашего правописанія, тѣмъ болѣе, что есть основаніе относить исчезновеніе глухихъ къ весьма раннему времени [1]). Весьма вѣроятно предположеніе, что въ тогдашнемъ живомъ говорѣ и слышались глухіе гласные, можно даже привести написанія въ родѣ умерїщвленіе Ог. 73, торъгають 3Б. 38а, чиръвономъ ib. 31б, изверьженья Ап. 72а и весьма многія другія, имъ подобныя, но во 1-хъ, связь между глухими гласными XI—XII в. и глухими XVI — XVII вв., конечно, не можетъ быть установлена, да и самый вопросъ о томъ, глухо ли звучитъ въ данномъ сочетаніи звукъ гласный или чисто, больше чѣмъ какой-бы то ни было другой, рѣшается съ субъективной точки зрѣнія [2]), во 2-хъ, нѣтъ никакой возможности придавать рѣшающее значеніе написаніямъ тѣхъ памятниковъ, которые не различаютъ даже *ъ* отъ *ь*, для которыхъ одинаковое значеніе имѣютъ *ъ* и *о*, *ь* и *е*.

Древніе глухіе въ XVI — XVII в. въ южнорускихъ говорахъ настолько уже лишились своихъ прежнихъ качествъ, что вполнѣ раздѣляютъ судьбу чистыхъ гласныхъ — *о* и *е*, именно: 1) *е*, образовавшееся изъ *ъ* въ такой же степени, какъ и исконное *е*, переходитъ въ *о*: чорнимъ Прл. 135а, чорный КР. 5а, човнъ КР. 142б, жовтый КР. 139а, жорнового КР. 25а. 2) как

[1]) Брандтъ. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка 54. Нельзя упускать изъ виду и того, что „правильное употребленіе" глухихъ въ корняхъ, наставкахъ и приставкахъ даже въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ продолжается лишь до конца X в. Некрасовъ. Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковнославянскаго языка стр. 43. Вопроса о времени исчезновенія глухихъ въ рускомъ языкѣ касались весьма многіе ученые, но едва ли онъ можетъ считаться рѣшеннымъ окончательно.

[2]) Такъ напр.; Колосовъ въ словѣ *Куреск* слышалъ чистое *е*, а Потебня — глухое. Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, стр. 7.

и исконное *е*, оно подлежитъ также переходу въ *и*: чирствость Ог. 18, чирвоного Ап. 166а (червоный КР. 5б, червоной Прл. 86б.), чиръвономъ ЗБ. 31б. (червоно ib. 32а), чирвономъ ib. 57а. 57б; обжирство Прл. 131а. ib. 119а., ib. 155а, обжирца ib. 145а, обжирцы Каз. 54а, обжирливый Каз. 70б. 120а. 126б. и т. д. [1]). Такимъ образомъ, глухіе гласные въ XVI — XVII вв. были уже замѣнены чистыми, какъ и въ современномъ языкѣ. Однако въ проясненіи глухихъ или устраненіи ихъ изъ состава словъ тогдашній языкъ не всегда слѣдовалъ тѣмъ законамъ, какимъ слѣдуетъ современный. Особенности перваго въ этомъ отношеніи сводятся къ слѣдующему:

1) Прояснившіеся глухіе занимаютъ не то мѣсто, какъ въ теперешнемъ языкѣ: лестци Ном. 26, четца Ном. 58.95, жерцы ЗБ. 32б, пришелци — пришелцами Ог. 45 (пришелецъ ib.) [2]), жерца Снп. 45 [3]), бервно Ап. 163а, Ев. 15б, берно Ап. 163а, оболчена Ев. 22б, оболкшися КР. 248б, оболкши Снп. 30, оболчена—нна Ог. 362—63, столкши Снп. 120 [4]). Замѣчательны также формы: пожерти́ Прл. 21а. 168б. КР. 38а. 77а. ЗБ. 59б, Ог. 58, Каз 14а, померти́ КР. 95б, умерти́ КР. 147б. 149а, роздертой КР. 44б., пожертый Ог. 50, пожерла́ Прл. 126а, КР. 20б,

---

[1]) Формы въ родѣ — чирвоный, чирствый можно объяснить и инымъ путемъ; появленіе въ нихъ *и* вм. *е*, можетъ быть, произошло на почвѣ иноязычнаго вліянія. Однако болѣе вѣроятенъ первый способъ толкованія.

[2]) Срв. пришлецъ въ Добриловомъ Евангеліи. Соболевскій, Очерки по исторіи русскаго языка, стр. 5.

[3]) Такія формы, какъ четца, жерцы и подобныя имъ, считаются нормальными при именительномъ — чтецъ, жрецъ. Ягичъ, Критическія замѣтки по исторіи рус. яз. 32, срв. Качановскій, Объ историческомъ изученіи рус. яз. 12.

[4]) Подобныя формы очевидно восходятъ къ корню съ слабой огласовкой: мьр, облък, тлък. Сильная огласовка даетъ формы: зволокъши ЗБ. 64а. оболоклася КР. 153б.

76б, ЗБ. 2б, пожерли Каз. 78а (но пожреніа Прл. 48а); наоборотъ: запрѣл'ся КР. 49а. 156б. запрѣлъ бы ся Прл. 134а, запрѣвся Прл. 97а, запрѣли ЗБ. 32б, запрѣлися КР. 158б, вм. заперся, заперлися и т. д.

2. Глухіе гласные проясняются тамъ, гдѣ теперь ихъ нѣтъ: лестивого Прл. 14б; прелещаетъ ib. 111б; 124а, прелéститъ ib. 138а, прелещаючи ib. 139а, прелестила ЗБ. 35а и только одинъ разъ — прел'щаетъ ЗБ. 36а; богатество ЗБ. 4б. 15а. 35а. 67а. 77б. 79б и т. д., богатества Ев. 27а, ЗБ. 32а, Прл. 123б. 158а и т. д. Вообще, слово это всюду имѣетъ суффиксъ еств, а не ств, какъ теперь.

3. Глухіе отсутствуютъ въ случаяхъ, въ которыхъ современный языкъ употребляетъ ихъ: чстилъ Об. 41а, нестрпимого Прл. 59а, крщенія Прл. 75а, омдлѣвши Каз. 90а, мдлостью Ап. 147б, множство Ог. 679, внутрѣности ЗБ. 20б, внутрностяхъ Ог. 7. 663, Мес. 64а, внутрней Ог. 341, внутрного Ап. 25б; внутрними Ап. 189а, повѣтрный Ог. 1126, срѣбрный Ог. 678, усхла Мес. 258б; новохрщеньца Об. 4б (новохръщенъства ib. 13а,—хръщенъцы ib. 16а, крвѣ КР. 81а, 176а; Каз. 61а, Ап. 153б, крви Каз. 100а, Ап. 207а, яблко, ябл'ко Ог. 986, яблка Ог. 3.346, зкрвавленый Ог. 35, крвавый ib. 666, трвога Ог. 57, трвожимося Ап. 176а, трвожимъ ib. 178а, трвало Каз. 74б, трвалъ ib. 79а, трваючи ib. 112б, брвяхъ Мес. 214а; д'ржали КР. 183а. Послѣднія формы всецѣло должны быть признаны заимствованіями изъ польскаго, гдѣ онѣ также не имѣютъ гласнаго при плавномъ; употребляются онѣ въ такихъ памятникахъ (Огородокъ, Ключъ разумѣнія, Казаня), въ которыхъ полонизмы составляютъ обыкновенное явленіе [1]).

4. Вмѣсто *о* и *е*, обыкновенно замѣняющихъ древніе *ъ* и *ь*, въ нѣкоторыхъ словахъ являются *ы* и *ѣ*:

---

[1]) Срв. Брандтъ. Лекціи по исторической грамм. русскаго языка. Стр. 53—57.

кривавыми Прл. 20б, 3Б. 29б, кривавы Прл. 43б, кривавыи Прл. 44а, 49б, 3Б. 6а. окрывавленную, окрывавленное КР. 5б (окривавлено ib. 73а), кривѣ КР. 48а. IIIа, дрижаня Прл. 159б, дрыжать КР. 50б. дрыженьемъ Ап. 147б., тривоженъ Ап. 96а, тривожило ib. 206б. трывати КР. 141б; трываютъ КР. 66б; трывало Ап. 12а, тривало Ап. 174а; проклинетъ КР. 82б, клинѣте Прл. 170б; гримитъ Ог. 36 на хрибтѣ Ог. 36. 31, звинятъ Ном. 123 Подобныя замѣны глухихъ встрѣчаются и въ памятникахъ, писанныхъ въ другихъ областяхъ [1]); извѣстны онѣ также и современнымъ говорамъ [2]). Изъ приведеннаго перечня видно, что словъ, въ корняхъ которыхъ исчезъ замѣститель древняго глухого звука, или же онъ замѣнился чрезъ *и* и *ы*, очень немного; замѣна *о* или *е* чрезъ *и* — *ы* имѣетъ мѣсто только при плавномъ *р;* (въ одномъ словѣ и при *л* и *в)*; въ польскомъ языкѣ такія слова не имѣютъ гласнаго при плавномъ (но krew—krwi, brew—brwi). Замѣтимъ также, что формы безъ звука гласнаго при плавномъ, съ гласными *и* и *ы* встрѣчаются рядомъ въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ; рядомъ съ ними встрѣчаются и общерусскія формы: крови Мес. 232а, Ог. 341, кровю Мес. 254б. КР. 36б, крове (род.) Мес. 232а, въ кровѣ Прл. 17а, кровѣю ib. 62б, кровъ Мес. 227а, кровь ib. 226а; крове, крови Мес. 232а. (хотя здѣсь же крви Мес. 192а). Впрочемъ, формы, представляющія здѣсь общерусское *о*, по всей вѣроятности, произносились съ сжатіемъ гласнаго звука при плавномъ: такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ думать на основаніи написаній, имѣющихъ надъ *о* надстрочный знакъ: кр̑овь Мес. 176а. 192б; кр̑овъ ib. 192б; Срв. также кр̑ви Мес. 81б; кр̑ови ib. 41а. Потебня (Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи 12—13) говоритъ, что „дрижати, кривавый,

---

[1]) Владимировъ. Докторъ Францискъ Скорина стр. 264.

[2]) Ogonowski.—Studien auf dem gebiete der ruthenischen Sprache, стр. 37. Срв. Колосовъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей 8.

крихта, тривати и под. обнаруживаютъ сильную примѣсь польскаго языка." Однако *и* и *ъ* не могли быть заимствованы изъ польскаго, который самъ не имѣетъ въ данныхъ словахъ этихъ гласныхъ (въ польскомъ: drżeć, krwawy, trwać, млр. крихта = польск. okruch, okruszyna). Образованіе ихъ надобно представлять иначе: слова эти попали въ малорусскій изъ польскаго, но такъ какъ въ первомъ не было своихъ собственныхъ такихъ сочетаній, для него неблагозвучныхъ и трудно выговариваемыхъ, то для удобства выговора и былъ вставленъ гласный *И*, который, слѣдовательно, долженъ быть признанъ евфонической вставкой, явившейся здѣсь внѣ всякой зависимости отъ природы звука согласнаго. Эту роль *и* играетъ и въ другихъ сочетаніяхъ, таковъ, нпр., характеръ его въ сочетаніяхъ зі Львова, піді Львовомъ[1]), или обидрали Прл. 5а, обыдрали ib. 7а, обидрала Прл. 118б. Что такого рода сочетанія развились на лексической почвѣ польскаго языка, видно изъ того, что они теперь слышатся только въ русскихъ говорахъ, сопредѣльныхъ съ польскими. Чередованіе здѣсь *и* и *ъ* объясняется какъ качествомъ р, такъ и близостью въ это время звуковъ *ъ* и *и*[2]).

5. Въ ряду другихъ случаевъ проясненія глухихъ отмѣтимъ: растергнути Прл. 33а, 109б; растерглъ КР. 6а при весьма многочисленныхъ примѣрахъ, представляющихъ о: торгнено Ап. 202а, торгало ib. 201б; торъгнулися ЗБ. 3а, восторгати Ев. 23б. и т. д.

6. Изъ словъ второго полногласія встрѣчается лишь жерела Ап. 165б, 175б, 206а, Об. 13а для перевода польскаго жрудло. Довольно многочисленнымъ написаніямъ, представляющимъ глухіе по обѣ стороны плавнаго, нельзя придавать значенія въ виду того, что глухіе потеряли въ это время всякое звуковое значеніе.

---

[1]) Ogonowski. Studien auf dem gebiete der ruthenischen Sprache 35.

[2]) Въ памятникахъ встрѣчаются еще и другія слова безъ гласнаго при плавномъ, но, какъ явные полонизмы, не оставившіе слѣда въ современной рѣчи, они не приводятся.

Переходъ однихъ гласныхъ въ другіе.

1. Переходъ *у* въ *о* находимъ въ весьма немногихъ примѣрахъ: херовими Прл. 89б, ЗБ. 21а, (при херувими ЗБ. 18б, херувимѣхъ Прл. 90а), ходожества Прл. 1а, емманоилъ ЗБ. 8б, 25а; пéрфомъ Прл. 118а, перфоми ib. 126б (перфумахъ КР 58б), розознаетъ Об. 25а. Обратный же переходъ—

2. *О* въ *у* и *е* въ *ю* весьма распространенъ Здѣсь прежде всего обращаетъ вниманіе переходъ *о* въ *у* и *е* въ *ю* въ окончаніяхъ род. и дат. п. мн. ч. существительныхъ мужс. и ср. р.: гробувъ Прл. 123а, непріятелювъ ЗБ. 53а, погановъ ЗБ. 5а, слувъ ib. 11а. хорувъ ib. 14б. 27а; вязнювъ Прл. 66а, народувъ Прл. 24а, полъкувъ Прл. 5б, бокувъ Прл. 29а, котлувъ ЗБ. 76б, бг҃ословцувъ Прл. 10а, 129б, крулювъ Прл. 46а, 135б, 138а, красномовцувъ Прл. 135б. Бг҃ословцумъ Прл. 50а, діяволумъ Прл. 143а, згордителюмъ Прл. 151б, справцумъ ЗБ. 27б; любителюмъ ib. 29б, дарумъ ib. 33б, хорумъ ib. 45б, пріятелюмъ ib. 46б, соглядатарумъ ib. 76а, народумъ ib. 77а, родумъ ib. [1]). Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько отдѣльныхъ словъ, представляющихъ *у* вм. *о* также въ закрытыхъ слогахъ: кукуль Прл. 137б, кунь ib. 140б, дубръ ЗБ. 5б, 25а, буль ЗБ 20а, 39а, брунь ЗБ. 28а, знадвуря ЗБ. 50б, пулночи КР. 99а, панюй своюй КР. 218б. Сюда же относятся и нарѣчія: ѿтуль Ог. 4а, 5а, 358, 376; дотуль Ог. 972, потуль. Об. 15а, 46б, 48а, покуль Об. 23а, ѿкуль-инуль Ог. 59, Об. 12а[2]) (ѿколь Ог. 3а, 26, доколь Ог. 81 и т. д). Въ слогахъ открытыхъ такая мѣна *о* на *у* встрѣчается

---

[1]) Формы этихъ падежей на увъ, ювъ, умъ, юмъ встрѣчаются и теперь. Качановскій. Объ историческомъ изученіи рус. языка, 17. Соболевскій. Очеркъ русской діалектологіи. III. 25, 27 и др.

[2]) Эти нарѣчія и донынѣ употребляются въ такой формѣ въ бѣлорусскомъ. Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 91.

весьма рѣдко: яблука Каз. 17а, яструбы Ог. 39, Каз. 88б. яструбовъ Каз. 88б, яструба Мес. 70а, (изъ ястроба КР. 18б), курупатва ЗБ. 17а; Микула Снп. 141, Ѳкуля Ап. 9а, 97а. (Въ послѣднемъ словѣ *у* легко объясняется вліяніемъ аналогіи). Нельзя не отмѣтить и того обстоятельства, что въ памятникахъ, въ которыхъ мы находимъ указанную мѣну *о* на *у*, не рѣдкость встрѣтить слова польскія съ такой же огласовкой: круль Прл. 63а, покуй КР. 161а, ЗБ 28а, лужко ЗБ. 41а, жрудло іѢ. 50б, стружове ЗБ. 69б и под. Въ перечисленныхъ примѣрахъ *у* сохраняло въ выговорѣ свой характеръ и не произносилось какъ *о*, что можно заключить на основаніи теперешняго произношенія такихъ словъ. Совершенно въ такомъ же положеніи находится и *ю* на мѣстѣ древняго *е*, и нѣтъ не только никакой надобности, но даже и возможности и для болѣе ранняго времени (до XIV в.) предполагать въ подобныхъ сочетаніяхъ выговоръ *ю* какъ *ё*, какъ готовъ допустить акад. Ягичъ [1]). Что подъ *ю* писцы и писатели не скрывали звука ё, это видно во 1-хъ, изъ того, что въ данномъ положеніи, по закону соотвѣтствія звуковъ, долженъ былъ явиться звукъ *ю*, а не какой-либо иной, во 2-хъ, въ современной рѣчи въ такихъ словахъ слышится *ю*, въ 3-хъ, наконецъ, въ памятникахъ XVI—XVII вв. ё обозначается посредствомъ іо, какъ воіовали КР. 83а, рыбіомъ іѢ. 96а, пліовати іѢ. 133б; иногда же звукъ ё выражался просто черезъ о, какъ третого Каз. 51б. Очевидно, не было причины въ это время изображать одинъ звукъ посредствомъ начертанія, принятаго для изображенія другого звука. Мы не говоримъ уже о томъ, что предположеніе мягкости шипящихъ въ XIV в. не опирается на вѣскія доказательства. Нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что появленіе у—ю ограничивается лишь незначительнымъ количествомъ падежныхъ формъ и нѣко-

[1]) Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, 38.

торыхъ отдѣльныхъ словъ, что въ настоящее время въ закрытыхъ слогахъ вмѣсто древнихъ *о* и *е* слышатся *у* и *ю* лишь въ говорахъ, подверженныхъ вліянію языка польскаго [1]). При такомъ положеніи дѣла не трудно и самое появленіе *у—ю* считать не чисто русскимъ фонетическимъ явленіемъ, а занесеннымъ извнѣ въ тотъ періодъ времени, когда Польша оказывала сильное давленіе не только на жизнь южныхъ и западныхъ русскихъ областей, но и на языкъ народа. Въ этомъ еще болѣе убѣждаютъ случаи перехода основныхъ *о* и *е* въ *и*, замѣняемое нерѣдко на письмѣ черезъ ѣ. Мы можемъ привести слѣдующіе примѣры такой замѣны: пойдна́ти Мес. 123б, ѣднаются КР. 250б, (ѣднаючи ib. 149а, при еде́нъ ib. 234а), тилко Прл. 3а, 139б; 140а, 153б и т. д. килка Ог. 21. КР. 141б, 156а, 95б (встрѣчается и тылко Прл. 6а, КР. 4а, 114а, 126а), обжирство КР. 131а, 202а, ЗБ. 33б; обжиръства ЗБ. 28а; обжирца КР. 145а, обжирцы Каз. 54а, обжирцами Ог. 5, обжирливый КР. 54а, чирствость Ог. 18; камѣнь Прл. 126б, звѣлъ ib. 132б; здѣсь же могутъ быть приведены такія формы, какъ шалбирство Ап. 201а (шалбѣръ Мес. 60б), кацирства Ап. 99б, (при качеръства Об. 52б,) изъ нѣм. Ketzerei), убири Об. 16а (но уберахъ ib. 19б, убіоръ Ог. 350), обидрали Прл. 5а, обидрала ib. 118б; подiймутъ Прл. 161а; въ ній Ог. 1004, на нимъ Ап. 82а, по ним Мес. 79а, в нимъ Ап. 122а (два раза) Въ этомъ отношеніи замѣчательна также форма Свиндельда или Свядольда Снп. 41, указывающая на то, что *е* въ закрытомъ слогѣ произносился какъ и. Сюда же относятся нѣкоторые изъ приводимыхъ г. Житецкимъ примѣровъ: пійде, убиръ, зтѣкъ [2]).

---

[1]) Многочисленные примѣры *у* и *ю* вм. *о* и *е* собраны въ Очеркѣ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе г. Соболевскаго стр. 13, 14, 16, 21 и др. (Страницы обозначены по отдѣльному оттиску).

[2]) Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., стр. 124. Не всѣ примѣры сюда отно-

Встрѣчая въ одномъ и томъ же памятникѣ замѣну основныхъ *о* и *е* черезъ у и ю, мы естественно склонны считать лишь послѣдній звукъ явленіемъ чисто русской фонетики на томъ основаніи, что онъ и по настоящее время слышится въ народной рѣчи, или вовсе не подвергавшейся вліянію иноязычныхъ элементовъ, или уже давно освободившейся отъ такого вліянія. Какимъ путемъ совершился переходъ древнихъ *о* и *е* въ *и*, памятники не даютъ указаній. Вѣдь нельзя же считать „документальнымъ подтвержденіемъ" [1]) образованія *и* изъ *о* черезъ посредство *оо* формъ въ родѣ воовьця, воовьчихъ: эти формы, если не считать ихъ явившимися по „прихоти" писца [2]), находятъ естественное объясненіе въ обыкновенномъ поясненіи древнихъ глухихъ въ предлогѣ *въ*, слившемся съ именемъ существительнымъ (ср. увесь, ввесь). Еще менѣе кажется намъ возможнымъ для объясненія различныхъ явленій южно-русскаго вокализма прибѣгать къ явленіямъ фонетики чешской или польской и строить цѣлый рядъ звуковъ, въ концѣ концовъ давшихъ *и*; каждый языкъ и каждое нарѣчіе имѣетъ свои собственные законы благозвучія, и аналогія здѣсь не примѣнима. Мнѣ кажется, что возможно допустить непосредственный переходъ обоихъ звуковъ *о* и *е* въ *и*: динамическое движеніе

сятся: горщ*икъ* не представляетъ перехода о въ и, а образованъ посредствомъ суф. ик.; род. п. горщика, а не горщка, какъ въ Огор. 13; не подходятъ и примѣры, представляющіе въ предл. пад. ы, въ родѣ по тымъ: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ морфологическимъ явленіемъ, смѣшеніемъ предложнаго и творительнаго падежей. Мѣна здѣсь *ъ* и *и* свидѣтельствуетъ о твердости звука, между тѣмъ *и*, образовавшійся изъ *о* и *е*, мягокъ. Приведенное нами тылко образовалось не безъ вліянія польской фонетики.

[1]) Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія, стр. 119.

[2]) Проф. Соболевскій считаетъ возможнымъ сказать такъ о нѣкоторыхъ совершенно тожественныхъ явленіяхъ правописанія. Очерки по исторіи русскаго языка, стр. 97.

звуковъ, при которомъ возможны ступени *о—и* (наборъ — набирать, напоръ — напирать, моръ — умирать и т. п.), въ связи съ образованіемъ формъ по аналогіи, помогли звуку *и* вытѣснить о и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *и* органически и не могъ бы развиться. Такое толкованіе появленія *и* оправдывается во 1-хъ, показаніями русскихъ памятниковъ (древняго и средняго періода), не представляющихъ дифтонговъ, во 2-хъ, не выдвигаетъ на очередь вопроса о количествѣ гласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, вопроса, который, за неимѣніемъ фактическихъ данныхъ, не можетъ быть рѣшенъ окончательно не только относительно древнерусскаго языка, но даже и относительно общеславянскаго [1]).

Вопросъ о времени измѣненія основныхъ *о* и *е* въ *и* рѣшается не всѣми изслѣдователями одинаково. Житецкій (Очеркъ литературной исторіи 119) отодвигаетъ образованіе оо къ начальной эпохѣ древнерусской письменности, но не подтверждаетъ своего мнѣнія фактическимъ матеріаломъ. Соболевскій, какъ извѣстно, это перегласованіе звуковъ ставитъ въ непосредственную связь съ исчезновеніемъ глухихъ ъ и ь, которое онъ также относитъ къ концу XI в. [2]). Однако въ памятникахъ XI в. мы не находимъ никакого указанія на это звуковое явленіе; появленіе „новаго ѣ" въ галицко-волынскихъ памятникахъ

---

[1]) Миклошичъ (Vergleichende grammatik 1^2, 200), разсмотрѣвъ различныя явленія въ области динамическаго движенія славянскихъ звуковъ, не безъ основанія замѣтилъ, что о долготѣ и краткости гласныхъ въ слав. яз. могутъ быть высказываемы лишь предположенія.

[2]) Очерки по исторіи русскаго языка, 71. Теорія проф. Соболевскаго объ удлиненіи гласныхъ послѣ исчезновенія глухихъ вызываетъ много недоумѣній и не раздѣляется многими филологами. (Ягичъ, Шахматовъ, Житецкій, Качановскій и др.) Исторически она также не оправдывается. Грушевскій. Очеркъ исторіи кіевской земли стр. 427—432. Въ послѣднемъ своемъ трудѣ „Изслѣдованія въ области русской фонетики" А. Шахматовъ,

относится лишь къ концу XII в., въ концѣ же этого вѣка появляются и единичные случаи постановки *ю* вмѣсто ѥ, которыхъ однако слишкомъ мало для того, чтобы можно было безошибочно строить на основанiи ихъ свои предположенiя. Несомнѣнные случаи появленiя на мѣстѣ древнихъ *о* и *е* другихъ звуковъ относятся лишь къ XIII в.; къ этому времени надобно относить и начало перегласованiя этихъ звуковъ. Конечно, могло быть и такъ, что въ живой рѣчи измѣненiе звуковъ *о* и *е* началось раньше, чѣмъ оно попало въ письменность, но говорить объ этомъ можно только гадательно; съ одинаковой степенью вѣроятности возможно и предположенiе, что явленiе правописанiя въ этомъ случаѣ не отстало отъ появленiя новаго звука въ живой рѣчи.

Изъ другихъ измѣненiй, которымъ подвергается звукъ *е*, отмѣтимъ.

1) Переходъ *е* въ *о* въ словахъ: попѣлъ Прл. 138а, ЗБ. 43а, попелъ КР. 76б, попеломъ Каз. 147б, ястроба КР. 18б (изъ ястреб—Ог. 36[1]), сокира КР. 237а (отъ древней формы секыра=лат. sēcuris), мачохи Ап. 178б (мачехи Снп. 144, Ном. 35), полынóмъ Мес. 180а, 180б (пелинемъ ib. 180а), стромленiемъ ЗБ. 48б; кароцами КР. 62а[2]),

---

не придавая значенiя нѣкоторымъ случаямъ употребленiя новаго *ѣ* въ галицко-волынскихъ памятникахъ, относительно другихъ думаетъ, что *ѣ* выражалъ дифтонгическое сочетанiе; равнымъ образомъ, по Шахматову, и *ю* вмѣсто древняго *е* употреблялось для обозначенiя дифтонгическаго сочетанiя (Р. Ф. В. 1893, 2 стр. 229, 275, 295). Въ этихъ случаяхъ дифтонгъ произошелъ на мѣстѣ болѣе древняго долгаго звука. Но памятники, по нашему мнѣнiю, не даютъ никакого основанiя для такихъ заключенiй.

[1]) О формѣ этого слова см. Соболевскiй. Лекцiи по исторiи русскаго языка [2]. 84.

[2]) Это слово весьма замѣчательно: у Котошихина оно имѣетъ форму корѣта, напр. стр. 36, 32 и др. По словарю Даля, карýца употребляется въ Новороссiи. Можетъ быть, здѣсь удобнѣе говорить о переходѣ *у* въ *о*.

а также формы дат. и предл. пад. мѣстоименій: собѣ Прл. 1б, КР. 4а, Каз. 20; тобѣ Прл. 7а, 15б, 32б и т. д.; сюда же относится форма преизволеніемъ ЗБ. 22а и произволеніемъ ib. 40б. Въ началѣ словъ *е* переходитъ въ *о* лишь въ Овдокию Об. 35б и опанчѣ Снп. 37 (у Котошихина - въ япанчахъ стр. 32). Формы попелъ и тобѣ—собѣ встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности.

2) Отъ этой мѣны, обнимающей явленія единичныя, отличаются случаи постановки *іо* (=ё) вмѣсто *е*: запліовано КР. 73б, воіовали ib. 83а, Каз. 123а, воіовалъ КР. 243б, пліовати КР. 133б, вылïотъ КР. 143а, веліорибови КР. 162а, веліориба ib. 162б; обычаіовъ КР. 83а, краіовъ ib. 86б. 232б, пріятеліовъ КР. 211а, напоïовъ Каз. 71а и т. д. Замѣчательно, что формы род. п. мн. ч. на *ёвъ* (= *іовъ*) встрѣчаются въ памятникахъ, имѣющихъ въ томъ же падежѣ и окончаніе *увъ*; окончанія же *ёмъ* для дат. падежа мн. числа, которое соотвѣтствовало бы умъ—юмъ, не встрѣчается. Послѣ шипящихъ, уже отвердѣвшихъ, ставится въ этомъ положеніи *о*: въ нашой Прл. 4б; бичовати, бичованя ib. 6б., настоящомъ времени ib. 19, настоящого ib. 56б; вечоръ ib. 91б. Ог. 46, охочо Ог. 651, шостая Ап. 10а, чоломъ ib. 18б и т. д. Условія перехода е въ ё въ южнорусскомъ нарѣчіи въ этихъ случаяхъ, какъ извѣстно [1]), не могутъ быть подведены подъ какое-либо общее правило.

3) *Е* стоитъ вмѣсто *и*: истенный Прл. 28а, 35а, истенное Прл. 79а. 127а, секѣру Каз. 148а, секѣра Ап. 170а [2]), (срв. сокеръ двѣ АБ. II. 7), сеноду Ап. 4а, сеподѣ—сеподовъ ib. 4б. сенодовые ib. 84б.; въ Флеренцеи Об. 45б (Флеренъцыи ib. 44б, вфлерентіи ib. 45а), досто-

---

[1]) Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка [2]. 61.

[2]) Отъ этой формы слова происходитъ фамилія Секеринскій, Siekierzyński, существующая и въ настоящее время.

енствъ Ап. 21а, достоенства ib. 78а, достоенство ib. 112а [1]), вообще, въ этомъ словѣ суффиксъ ин-ств весьма часто замѣняется черезъ ен-ств, равно какъ и въ словѣ старшепъство Ап. 36а, 87а; обшерная Мес. 72б (пол. obszerny), Аѳенскій КР. 5б; троецкимъ Ап. 203б (троецкому Стг. 415), взаемную ЗБ. 53б, яечками Ог. 32, яечо́къ ib. 35. Не всѣ изъ приведенныхъ примѣровъ объясняются одинаково; въ корняхъ словъ *е* стоитъ вмѣсто *и* очевидно вслѣдствіе того, что оба звука выговаривались твердо; въ иныхъ изъ нихъ мы видимъ не тѣ суффиксы, которые употребляются въ настоящее время; наконецъ, въ нѣкоторыхъ (троецкимъ, взаемную, яечокъ) е явилось подъ вліяніемъ аналогіи [2]).

4) Случаевъ обратнаго перехода, постановки *и* вмѣсто *е* немного: кариту КР. 5б, Гедїона Ап. 28б. 30а, генисаритскую Ев. 30б. Сюда относятся также перечисленные раньше случаи постановки *и* вм. *е*, образовавшагося изъ древняго ь, а также случаи смѣшенія предлоговъ *при* и *пре*: притерпѣвый Ев. 21а, преведъ ЗБ. 25а, притерпѣлъ ib. 61а.

5) Вмѣсто *е* стоитъ *а* въ словахъ: кашталяна Ап. 28б, кашталяномъ ib. 29а,—*нъ—нахъ* ib. 192б; пралаты Ап. 154б (прелатъ ib. 164б), барълогу ЗБ. 83б. Въ первыхъ двухъ словахъ *а* явилось по закону уподобленія звуковъ.

6) Вмѣсто *а* находится *е* [3]) въ бесурманить Об. 55б, бесурманятъ Ап. 64б, бесурманомъ Снп. 204, бѣсурма-

---

[1]) Срв. достоенъ Добрилова и Типографскаго N. 6 евангелія. Соболевскій. Очерки по исторіи рус. яз. 6, 14.

[2]) Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка 56—57.

[3]) Въ этомъ словѣ можно говорить о переходѣ *а* въ *е* лишь съ точки зрѣнія современнаго выговора этого слова; по замѣчанію академическаго словаря (Словарь рус. языка вып. I, столб. 122), корень этого слова представляетъ звукъ *у* (основ. видъ бусурманъ изъ *мусульманинъ*), но историческая справка Словаря не вѣрна. Замѣна *у* другими звуками начинается значительно раньше 30 годовъ нашего вѣка.

номъ ib. 202, бѣсурмянскаго ib. 204 (бисурманскихъ ib. 200), срв. бесерменство Стг. 57. (пол. bisurman).

7) Вмѣсто *е* стоитъ *я* въ цѣломъ рядѣ существительныхъ сред. р: уроженя Прл. 2б, пристямъ тв. ед. Прл. 25б, щастя вин. ед. Прл. 157б. КР. 51а, здоровя КР. 76а, веселя им. ед. КР. 24а, заложенямъ тв. ед. ЗБ. 5а, уваженямъ ЗБ. 6б, за позволенямъ ЗБ 18б; листямъ тв. ед. ЗБ. 48а, нароженямъ тв. ед. Прл. 59б, на омытя Прл. 84а и т. д. [1]). Надобно замѣтить однако, что памятники не всегда представляютъ здѣсь *я*; есть случаи сохраненія древняго *е*: сконченіемъ КР. 116а, камѣнъемъ КР. 147б. Особенно многочисленны случаи сохраненія древняго *е* въ Казаняхъ Галятовскаго: насѣнемъ Каз. 36а (насѣнямъ ib. 37а), караніе Каз. 43а, сконченіемъ Каз. 121а. подякованіе Каз. 122а и т. д. Кромѣ этихъ случаевъ, *я* вм. *е* находимъ въ суятный Прл. 3б; суятній ib. 119а, суятѣ ib. 121б, мѣдяными Каз. 46б, Целястина Об. 37а. Слово же тятивой КР. 4а удерживаетъ древній звукъ.

Что касается природы звука е, то онъ въ это время былъ уже звукомъ твердымъ, занимавшимъ средину между отвердѣвшимъ *и* и нѣсколько сузившимся и приблизившимся къ *и* звукомъ *ѣ*. Объ этомъ свидѣтельствуетъ взаимная мѣна этихъ звуковъ (п. п. 3 — 4). Особенно характерны въ этомъ отношеніи показанія Апокризиса и Обороны. Они польское слово Synod передаютъ черезъ сынодъ, сенодъ и синодъ. Очевидно, въ сознаніи писателей польскій звукъ у (= ы) одинаково хорошо могъ быть передаваемъ при посредствѣ всѣхъ этихъ трехъ буквъ. Въ качествѣ твердаго звука *е* вліялъ такъ и на предшествующіе согласные, и потому болѣе древнія формы будьте, прибудьте и под. въ это время уже звучали будте, прибудте—съ твердымъ *д*. По своему характеру онъ, повидимому, приближался къ тому звуку, который слышится въ рѣчи буковинскихъ

---

[1]) Срв. Татаровя и Чуваша им. мн. Кот. 105, дворяня Кот. 140, 147, гречаня Кот. 165.

русскихъ[1]) и въ теперешнихъ полтавской и черниговской (южной ея части) губерніяхъ.

Звуки А и О.

Чистые звуки *а* и *о* произносились въ южнорусскомъ такъ же, какъ они произносятся и теперь. Изъ явленій, характеризующихъ какъ взаимное отношеніе этихъ звуковъ, такъ и отношеніе ихъ къ другимъ звукамъ, отмѣтимъ:

1) Переходъ *о* въ *а* въ словахъ: манастыра КР. 73б, манастырѣ ЗБ. 34б, манастыремъ Пат. 18б. 21а, манастыревъ Пат. 18а, карабль Ев. 17б, 18б. 26а, 29б, карабля Пат. 6а, Манамаха Пат. 1б, Манамахъ Пат. 12а, гараздъ Ап. 123б, балванови Каз. 5а, балъваномъ ЗБ. 69б., балваны Ог. 644, манисто Ог. 639. Во всѣхъ приведенныхъ словахъ *а* явилось слѣдствіемъ уподобленія звуковъ, кромѣ манисто, въ которомъ видимъ обычную замѣну иноязычнаго ŏ посредствомъ *а*; въ словѣ же балвохвальство находимъ *а* по примѣру балванъ.

2) Случаи перехода *а* въ *о*: ходотайствомъ Ог. 9, ходотай, ходотайца Ог. 358, ходотайствовати Мес. 244б (4 раза) и вообще это слово всегда употребляется съ *о* послѣ *д*; воляются Ном. 40, упитона (прич. пр. вр. отъ упитать) ЗБ. 48б, Осколдъ Снп. 22, Мес. 172а, Осколду Снп. 25 (срв. названіе рѣки и при ней станціи Осколъ). Здѣсь же должны занять мѣсто слова иноязычныя, издавна замѣнившія *а* на *о*: погане Ог. 110, поганина Мес. 157б, олтаръ Ап. 63а (всегда съ *о* и съ удареніемъ на первомъ слогѣ), полаты Снп. 66, 119, Офанасе" Об. 31а, Оръмяны ib. 44а. Какъ видно изъ перечня, только въ двухъ словахъ (Осколдъ и ходотай съ производными) переходъ *а* въ *о* можетъ быть объясненъ уподобленіемъ звуковъ. Причина появленія *а* въ другихъ словахъ—неясна. Здѣсь же

---

[1]) Ягичъ. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, 47.

приведемъ формы: споитъ Ог. 5б, споивать Об. 10б, споены Ап. 7а, споенье Ап. 41б; споенои іb. 120а, сохранившія старинное *о*, между тѣмъ какъ въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ оно перешло въ *а*; древне *о* также въ кождій Мес. 67б., кождая Об. 21а.

Приведенные примѣры взаимнаго перехода *а* и *о* имѣютъ характеръ спорадическаго явленія, не обнимающаго сколько-нибудь значительнаго количества случаевъ.

3) Аналогичныхъ случаевъ перехода *я* въ *е* въ южнорусскихъ памятникахъ не наблюдается; такіе случаи, какъ свезаніе Прл. 85а, десетма КР. 10а, двадцеть іb. 22б. и подобные объясняются вліяніемъ бѣлорусскаго вокализма, и чѣмъ сильнѣе въ памятникѣ обнаруживается это вліяніе, тѣмъ больше случаевъ перехода *я* въ *е*, такъ напр., Оборона представляетъ весьма многочисленные случаи перехода *я* въ *е* [1]). Объясненіе этого явленія заключается, повидимому, въ томъ, что гласный *е* въ эту пору пересталъ быть мягкимъ, приблизился къ твердымъ звукамъ категоріи *ъ—и*, и такимъ образомъ не было физіологическаго основанія для чередованія *я* и *е*. Впрочемъ, и основаній чисто фонетическаго характера для перехода *я* въ *е* и обратнаго нѣтъ въ виду того, что и переходъ *а* въ *о* и *о* въ *а* имѣетъ характеръ звукового явленія не развившагося [2]).

---

[1]) Спорадическіе случаи перехода *я* въ *е* находимъ и въ великорусскихъ памятникахъ: мѣсеца Стг. 45, десетину Стг. 280, десетинники іb. 304 (десятинникомъ іb. 305), тысечь Кот. 98, мѣсечное Кот. 123, помѣсечно Кот. 138, 154, 155, тысецкой Кот. 171, 172, Резанскимъ Кот. 162, заечьи Кот. 64, заечья іb. 93.

[2]) *е* вм. *я* въ словѣ *нѣлзе* Ап. 11б. образовалось изъ древняго *ѣ*, уже въ XI в. бывшаго въ этомъ словѣ; отношеніе между *ѣ* и *я* здѣсь таково же, какъ и между *ѣ* и *я* въ род. п. ед. ч. сущ. жен. рода. Въ настоящее время въ живой рѣчи оно не употребляется, вмѣсто него говорятъ „неможна"; (пропущ. бывшее въ старину въ этомъ сочетаніи слово рѣчь (изъ

4) Въ словахъ палаете Прл. 51а, палаючой КР. 121а, палали Ог. 94, палаючимъ Ог. 644, палаючего Ог. 652 видимъ переходъ *ѣ* въ *а*, а въ словѣ хвытаютъ Ап. 185а — обратный переходъ. Переходъ безударнаго *а* въ *ѣ* — явленіе хотя мало распространенное, но все же встрѣчающееся въ велико- и бѣло-русской рѣчи въ настоящее время [1]; въ малорусскомъ онъ, повидимому [2]), мало распространенъ. Разсмотрѣнные нами памятники также не представляютъ примѣровъ этого перехода. Въ виду этого чередованіе *а* и *ѣ* въ приведенныхъ примѣрахъ можетъ быть объяснено и безъ помощи фонетики; такъ, въ палать могло явиться изъ полногласнаго поломень (Ап. 206б) *о* и затѣмъ оно, по требованію уподобленія, могло перейти въ *а* (полать — палать, какъ корабль — карабль, гораздъ — гараздъ и др.); *ѣ* же въ хвытать возможно считать занесеннымъ изъ первичной формы корня *хѣт* [3]).

5) Въ нарѣчіяхъ: всѣгды ЗБ. 27б, завсѣгды ib. 89а. Ап. 128а. 148б, негдысъ Ог. 355, туды-сюды Ап. 120а, иногды Ап. 144а, тогды ib. 146б. Об. 51б, иногды Об. 23б [4]), — видимъ не замѣну *а* посредствомъ *ѣ*, а образованіе посредствомъ суффиксовъ, отличныхъ отъ употребляемыхъ въ теперешнемъ языкѣ.

польск. rzecz: неможная рѣчъ естъ Мес. 131а, неподобная рѣчъ ib. 236б, што есть неподобна Ап. 59а, и то подобна Ог. 375).

[1]) Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго яз. 93—94. Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи 52.

[2]) Приводимыя Огоновскимъ (Studien 44) лемковскія донниськы, равно какъ здалекы, оддалекы могутъ быть разсматриваемы какъ образованія аналогичныя.

[3]) Вмѣсто формы хватать въ южнорусскомъ употребляется упрощенная — хапать Ап. 168б, отъ которой образуются: хапляй Мес. 129б, хапаетъ Ап. 121б. хапаютъ ib. 165б.

[4]) Примѣры *ѣ* вм. обыкновеннаго *а* изъ памятниковъ великорусскихъ: тогды же Стг. 47, куды Стг. 236. Кот. 91, 96. 98. 101. 119 и т. д. откуды Кот. 135, туды Кот. 56, ниоткуды Стг 411. Изъ западно русскихъ: тогды Сб. N. 6, 13 и 22.

6) Нарѣчія поки — поты Ог. 13. Мес. 49б, также представляютъ *ы*, явившееся по аналогіи съ другими нарѣчіями, оканчивающимися на *ы*.

Звукъ Ѣ — И.

Какъ самостоятельнаго звука, *ѣ* въ XVI — XVII вв. уже не было въ южнорусскомъ нарѣчіи; онъ существовалъ только въ качествѣ буквеннаго знака для обозначенія въ огромномъ большинствѣ случаевъ звука *и*. (Говоримъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, весьма, впрочемъ, рѣдкихъ, *ѣ* употребляется вм. *е* по старинной памяти). Вотъ нѣсколько примѣровъ такого употребленія *ѣ*: подобѣе Прл. 2а, въ любвѣ ib. 15б, вѣкторіею ib. 63а, фѣгуръ ib. 38б, фѣгуры Мес. 160а, алхѣмѣстовъ Прл. 77б, алкирѣку Прл. 2а, странствѣе Прл. 28а, пришествѣемъ Прл. 28б, сошествѣе Прл. 68б, копѣемъ Прл. 84б, 94а, фамѣліи Мес. 90а, бѣблѣи Мес. 165б, кронѣкахъ Мес. 213а, дефѣнитиве Мес. 232б и т. д. Вообще, случаи употребленія *ѣ* вм. *и* такъ многочисленны, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ совершенномъ тожествѣ *ѣ* и *и*. Вмѣсто же древняго *е* въ слогахъ открытыхъ *ѣ* или совсѣмъ не употребляется, или же въ нѣкоторыхъ памятникахъ употребляется чрезвычайно рѣдко: новое доказательство того, что *е* въ это время былъ уже звукомъ твердымъ, и поэтому сознавалось неудобство замѣнить его на письмѣ знакомъ, обыкновенно употреблявшимся для обозначенія звука мягкаго. Нѣтъ недостатка также въ примѣрахъ, представляющихъ вмѣсто *ѣ* обыкновенную въ то время его замѣну — *ї*: прїихати Мес. 422б, ӥлъ ib. 201а, прїихавши Мес. 40а, прїихалъ Мес. 41б, или вм. ѣли Прл 126а, идѣня = ѣденія Прл. 138а, выстеригаймося КР. 23а, ӥздити Мес. 120б. Замѣчательно также то, что въ Мессіи правдивомъ иногда надъ *ѣ* ставится надстрочный знакъ, показывающій, что *ѣ* уже не произносился такъ, какъ онъ произносился въ дан-

номъ словѣ въ старину: тѣ̑ло Мес. 228б. 81б. Срв. также стихи:

Предвѣчному естъ б҃гу тое мило,
Если онъ ѡзметъ ѿ Дв҃ци тѣло. Мес. 423а.

Многочисленность въ памятникахъ примѣровъ, представляющихъ взаимную мѣну *ѣ* и *и*, безспорно говоритъ о томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со звуковымъ явленiемъ, уже вполнѣ закончившимъ свое развитiе и вполнѣ установившимся. Потебня [1]) считаетъ ошибочнымъ утвержденiе, что въ XVII в. *ѣ* всегда уже произносился какъ *и*. Однако данныхъ для этого нѣтъ; на основанiи данныхъ, находимыхъ въ памятникахъ, мы имѣемъ полную возможность утверждать такъ.

Приведенныя данныя правописанiя важны и въ другомъ отношенiи: встрѣчая написанiя: камѣнь Прл. 126б, звѣлъ ib. 126б, сѣм'десятъ Мес. 211а, привѣлъ ib. 218а, камѣньми ib. 212б и весьма многочисленныя другiя, представляющiя *ѣ* вмѣсто *е* въ слогахъ закрытыхъ, мы, конечно, должны заключить, что *е* въ данномъ положенiи произносился иначе, чѣмъ въ другихъ, въ которыхъ онъ не замѣнялся чрезъ *ѣ* на письмѣ.

Вопросъ о томъ, когда въ южнорусскомъ нарѣчiи *ѣ* сталъ произноситься какъ *и*, какъ и весьма многiе другiе въ исторiи русскаго языка, и до сихъ поръ вызываетъ разнообразныя рѣшенiя. Акад. Ягичъ думаетъ даже, что въ древнѣйшее время въ Кiевской землѣ совсѣмъ не было замѣны *ѣ* чрезъ *и* [2]), вопреки мнѣнiю Соболевскаго, полагающаго, что говоръ полянъ имѣлъ (или могъ имѣть) замѣну *ѣ* чрезъ *и* [3]). Мнѣ кажется, что мнѣнiе Ягича по-

---

[1]) Разборъ сочиненiя П. Житецкаго. Очеркъ звуковой исторiи малорусскаго нарѣчiя въ Отчетѣ о двадцатомъ присужденiи наградъ графа Уварова, стр. 780.

[2]) Критическiя замѣтки по исторiи рус. языка 25.

[3]) Лекцiи по исторiи русскаго языка [2]. 40. Впрочемъ, мнѣнiе г. Соболевскаго по этому вопросу какъ-бы двоится: онъ признаетъ возможнымъ считать нѣкоторыя написанiя описками.

коится на весьма шаткомъ основаніи: нѣтъ никакой возможности отрицать существованіе извѣстной примѣты въ живомъ говорѣ на томъ только основаніи, что на нее нѣтъ указанія въ одномъ какомъ-либо памятникѣ; вѣдь есть древнѣйшіе памятники несомнѣнно южнорусскіе, знающіе эту замѣну; можно указать на два Сборника Святослава, XIII словъ Григорія Богослова [1]), Златоструй XII в. Если численность случаевъ перехода *ѣ* въ *и* въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ не велика, то во всякомъ случаѣ нисколько не меньше той, если можно такъ выразиться, минимальной нормы, которая позволяетъ дѣлать выводы, все же основанные на точныхъ фактическихъ данныхъ: вѣдь показанія нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ не особенно щедры относительно чертъ живого народнаго говора. Такимъ образомъ, я нахожу возможнымъ утверждать, что уже въ XI в. древній *ѣ* въ живомъ народномъ южнорусскомъ говорѣ мѣстами произносился какъ *и*, а такъ какъ въ тѣхъ же южнорусскихъ памятникахъ въ древнѣйшее время встрѣчаются случаи замѣны *ѣ* и черезъ *е*, то само собой является заключеніе, что *ѣ* въ динамическомъ отношеніи нисколько не отличался отъ этого послѣдняго. Разъ мы признаемъ это, то не увидимъ необходимости строить теоріи, старающіяся объяснить свойства древняго и новаго (поставленнаго въ памятникахъ вмѣсто основного *е*) *ѣ* при помощи недоказанныхъ предположеній о долготѣ и краткости звуковъ. Такого рода пріемъ, по совершенно справедливому замѣчанію Житецкаго, ведетъ только къ тому, что „къ одной малоизвѣстной величинѣ присоединяется нѣсколько новыхъ, еще менѣе извѣстныхъ.“ (Очеркъ литературной исторіи 122.) Видѣть возникновеніе на южнорусской почвѣ новаго *ѣ* тѣмъ болѣе нѣтъ основаній, что памятники, въ которыхъ такой *ѣ* встрѣчается, весьма

---

[1]) Beiträge zur russischen grammatik Шахматова, Archiv VII. 73—76. Будиловичъ. Изслѣдованіе языка... XIII словъ Григорія Богослова, стр. 24.

непослѣдовательны въ его употребленіи, и их правописаніе носитъ весьма замѣтный характеръ искусственности; если же мы приймемъ во вниманіе и то обстоятельство, что новому *ѣ* этихъ памятниковъ мы не всегда находимъ соотвѣтствіе въ живой рѣчи, что въ тѣхъ же памятникахъ рядомъ встрѣчаются написанія (хотя, правда, рѣдко), представляющія переходъ древняго *е* въ *и*, то конечно, должны будемъ заключить, что новый *ѣ* не выражалъ долгаго звука, явившагося на смѣну краткаго *е*.

Звуки Ы — И.

Памятники XVI — XVII вв. представляютъ довольно многочисленные случаи смѣшенія на письмѣ *ы* и *и*, и въ этомъ отношеніи выдѣляются изъ числа другихъ памятники, написанные уроженцами Черниговской области, въ которой еще и теперь не произошло полнаго совпаденія въ одномъ звукѣ древнихъ *ы* и *и*, какъ это мы видимъ въ другихъ южнорусскихъ говорахъ [1]); по памятникамъ видно, что писатели никакъ не могли сладить со знаками *ы—и* и постоянно употребляютъ одинъ вмѣсто другого. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого смѣшенія: висового Прл. 1а, яковимъ ib. 2а, виславити ib. 30а, вибѣлены ib. 54б, виведены ib. 48б, виводитъ ib. 50а, визволяете ib. 52а, посилаетъ ib. 3б, сылу ib. 10а, 10б; накормы ib. 18а, Ассырыйское Мес. 57б, сѣмены Мес. 87б, пшеныцу Мес. 154б, жизны Ог. 111, бысерей Ог. 379, и весьма многіе другіе. Въ памятникахъ, не принадлежащихъ перу уроженцевъ Черниговской области, случаи взаимной мѣны на

---

[1]) Отличительной чертой черниговскаго говора является болѣе мягкое, чѣмъ въ „украинскомъ" говорѣ, произношеніе основного *ы*, особенно послѣ звуковъ губныхъ, и болѣе твердое произношеніе *и*, образовавшагося изъ основныхъ *о* и *е*. Нельзя поэтому признать вполнѣ точнымъ замѣчаніе объ этомъ Черниговца, приводимое въ Очеркѣ русской діалектологіи, III. 16.

письмѣ *ѣ* и *и* или совсѣмъ неизвѣстны, или попадаются гораздо рѣже: очевидно, традиціонное церковно-славянское правописаніе мѣшало отраженію въ памятникахъ письменности чертъ живого народнаго говора. Но что и въ другихъ областяхъ распространенія южнорусской рѣчи древнее *и* было вытѣснено *ѣ*, это очевидно какъ изъ явленій теперешней живой рѣчи, такъ и изъ явленій правописанія болѣе древнихъ памятниковъ, изъ которыхъ уже самые древніе знаютъ эту мѣну[1]), причемъ замѣчательно, что постановка *и* вмѣсто древняго *ѣ* послѣ гортанныхъ впервые встрѣчается въ памятникахъ, писанныхъ на югѣ Россіи[2]). Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что въ южнорусскихъ говорахъ въ настоящее время *ѣ* является только вмѣсто основного, древняго *и*; новое же *и*, образовавшееся изъ *ѣ* или изъ *о* и *е* въ слогахъ закрытыхъ, звучитъ въ настоящее время мягко и не смѣшивается съ *и*. Такъ, полагать должно, было и въ старину, потому что въ памятникахъ мы не встрѣчаемъ *ѣ* вмѣсто *и*, образовавшагося изъ *ѣ*, *е* и *о*. Единственное исключеніе, повидимому, составляетъ *ѣ* въ мѣстномъ падежѣ муж. и ср. р. прилагательныхъ и мѣстоименій въ такихъ формахъ, какъ в'которымъ КР. 242а, в'дитиннымъ вѣку ib. 249б, в'еднымъ пустымъ дому ib. Каз. 135б, рядомъ съ формами: на высокимъ мѣстцу Каз. 141б, в'женскимъ слабымъ сосудѣ Ог. 669. *Ы* въ мѣстномъ падежѣ жен. р. прилагательныхъ и мѣстоименій не встрѣчается. Приведенные примѣры постановки *ѣ* вмѣсто *и* представляютъ только кажущееся отступленіе отъ общаго правила: въ нихъ мы имѣемъ дѣло не съ фонетическимъ, а съ морфологическимъ явленіемъ, встрѣчающимся и въ великорусскомъ[3]) и въ бѣ-

---

[1]) А. Шахматовъ. Beiträge zur russischen grammatik въ Archiv für slavische philologie VII, 77.

[2]) А. Шахматовъ. Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в., стр. 169.

[3]) Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. 231.

лорусскомъ [1]) нарѣчіяхъ. Въ современномъ польскомъ выговорѣ этой формы (въ варшавскомъ нарѣчіи) также не находимъ отличія между падежами творительнымъ и предложнымъ, представляющими окончаніе ym—im. Различеніе окончаній этихъ падежей въ зависимости отъ рода — мужескаго или средняго, встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ грамматикахъ [2]), не находитъ оправданія ни въ живомъ говорѣ ни въ исторіи языка.

Переходъ звуковъ гласныхъ въ согласные.

Здѣсь мы можемъ указать лишь на случай перехода *у* въ согласный *в* и наоборотъ. Примѣры, относящіеся сюда, настолько многочисленны и восходятъ къ такой ранней порѣ [3]), что приводить ихъ нѣтъ никакой необходимости: эта черта южно-русской рѣчи уже давно отмѣчена, и въ изслѣдуемое время памятники представляютъ весьма обильные примѣры ея отраженія въ письменности. Нельзя однако не отмѣтить того страннаго обстоятельства, что о времени появленія этой черты въ живомъ южнорусскомъ говорѣ существуетъ между изслѣдователями разногласіе, съ недавняго, впрочемъ, времени. Еще не такъ давно изслѣдователи [4]) согласно видѣли мѣну *у* на *в* въ такихъ примѣрахъ, какъ угодити — вгодити, уселенная — вселенная, но проф. Соболевскій въ Очеркахъ и Лекціяхъ по исторіи русскаго языка категорически заявляетъ, что этой черты въ южнорусскомъ говорѣ въ XI в. не было

---

[1]) Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 136, 140.

[2]) S. Popliński's. Grammatik der polnischen sprache, neu bearbeitet von prof. W. Nehring, стр. 64. A. Małeckiego, Gramatyka języka polskiego mniejsza стр. 62.

[3]) Лекціи по исторіи русскаго языка [2] Соболевскаго (passim).

[4]) Срезневскій. Славянорусская палеографія 115. Будиловичъ. Изслѣдованіе языка XIII Словъ Григорія Богослова, 24. Ламанскій. О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. стр. 92.

(судя по дошедшимъ до нашего времени кіевскимъ памятникамъ). Мнѣ думается, что мнѣнія изслѣдователей, допускающихъ существованіе указанной примѣты въ XI в., нисколько не потеряли своей убѣдительности послѣ разсужденій объ этомъ предметѣ г. Соболевскаго: въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ необходимости отрицать различіе префиксовъ *въ* и *у* въ приведенныхъ словахъ, встрѣчающихся съ префиксомъ *въ* даже въ Синайскомъ Требникѣ, Супрасльской рукописи и Маріинскомъ Евангеліи [1]), какъ не станемъ мы отрицать различія префиксовъ въ глаголѣ, напр.: вбить и убить, но неразличеніе значенія этихъ префиксовъ, встрѣчаемое въ древнихъ кіевскихъ памятникахъ, конечно, представляетъ діалектическую черту южнорусской рѣчи. Къ тому же литературная исторія древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятниковъ не можетъ пока похвалиться точностью и опредѣленностью своихъ выводовъ, а это, конечно, имѣетъ значительную долю вліянія и на приговоры, касающіеся вопросовъ діалектологическихъ.

Приставка, вставка, выпаденіе и сокращеніе гласныхъ звуковъ.

Въ началѣ словъ приставляются слѣдующіе гласные звуки:

1) Звукъ *и* въ формахъ прошедшаго времени глагола ити: ишла Прл. 91б, 96а, ишолъ КР. 20б, 45б, 82а, 248б, Каз. 34б, 62а и т. д., ишли Прл. 95б, Ап. 63б. Въ формахъ, представляющихъ сложеніе глагола съ предлогами, *и* сокращается въ *й*: дойшолъ КР. 3а, дойшло Ог. 7б, пайшолъ Ог. 6, внійдемъ Ог. 11а, выйшовши Мес. 8а, выйшолъ Мес. 124а, 174б. Изрѣдка *й* вмѣсто *и* находимъ и въ формахъ прошед. врем. этого глагола, не сложенныхъ съ предлогомъ: йшолъ Ог. 643, 64. Это *и*, являющееся

[1]) Соболевскій. Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика, стр. 29.

въ данной формѣ глагольной и теперь въ южно-русскомъ нарѣчіи, частью и въ великорусскомъ [1]), извѣстное въ бѣлорусскомъ начиная съ XV в. [2]), обязано своимъ происхожденіемъ вліянію формъ настоящаго времени, представляющихъ *и*.

1б) Иного происхожденія *и* въ формахъ: из'зѣли Прл. 126а (= съѣли), из'зилъ КР. 5б. (з'ѣлъ ib. 63а), искидае КР. 20б, изъ иншыми Каз. 111а, иссобою Ап. 81б. Здѣсь *и* явилось безъ видимаго вліянія какой-либо формы—въ качествѣ благозвучной приставки для облегченія произношенія группы согласныхъ. Въ такой роли *и* является въ южнорусской рѣчи уже начиная съ XIV в. [3]).

2) Такой же причиной объясняется появленіе приставочнаго *о* въ началѣ словъ: окромъ Прл. 5б. Ап. 98а. 109б; опрочъ Ог. 653, 993 и т. д.: послѣ исчезновенія конечныхъ гласныхъ въ этихъ, ставшихъ нарѣчіями словахъ, односложная ихъ форма была менѣе удобной для произношенія, чѣмъ форма съ приставочнымъ *о*. Впрочемъ, въ приведенныхъ двухъ словахъ, встрѣчающихся въ такой формѣ и въ памятникахъ великорусскихъ [4]), *о* объясняется удовлетворительно и инымъ способомъ: съ отпаденіемъ конечныхъ гласныхъ древнія слова *кромѣ*, *проче—прочее* потеряли значеніе знаменательныхъ частей рѣчи и перешли въ разрядъ служебныхъ, соединившись при этомъ съ предлогомъ *о*. Приставочное благозвучное *о*, предшествуемое *в*, видимъ также въ словѣ вовторокъ Ап. 34а, а *въ* вувторокъ Прл. предм. 2б *о* перешло въ *у*.

---

[1]) Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, стр. 126.

[2]) Недешевъ. Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и формальныхъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ, стр. 24—26.

[3]) Ягичъ. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, 61; срв. Владимировъ. Докторъ Франциискъ Скорина, 265.

[4]) Опричь Стг. 294. 300. 302, опроче ib. 294, опрочѣ Стг. 304. 334. 335, опослѣ Стг. 358, окромѣ Стг. 73, окромъ Кот. 54, окромь ib. 120, окромѣ ib. 70, 105 и т. д.

3) *У* приставляется только передъ звукомъ *в*: увесь Прл. 3а. КР. 176б. ЗБ. 19б; увойти ЗБ. 2а. 11а. Въ этомъ положеніи *у* по общему правилу можетъ быть замѣнено и черезъ *в*: в'весь КР. 17б. 11а. 147а и т. д., в'войшла КР. 227а. Приставку *у* здѣсь можно объяснить такъ называемой морфологической абсорпціей: *у* (= *в*) былъ первоначально самостоятельнымъ предлогомъ и только впослѣдствіи слился въ одно нераздѣльное цѣлое со словомъ знаменательнымъ.

Въ качествѣ вставочныхъ гласныхъ являются:

1) *О* и *е* корабе^x КР. 172б, Алеξандеръ Снп. 148. 191, Марокъ (= Маркъ) Об. 45а, поховъ КР. 142б. Ог. 380, мітовъ Каз. 144б[1]); любовою Каз. 124б, хоругóвъ (першая) Ог. 96. Мес. 70а[2]) и нѣкоторыя другія существительныя, представляющія вставочные *о* или *е* въ родит. п. мн. ч. (о чемъ рѣчь будетъ ниже). Въ приведенныхъ словахъ вставочные звуки объясняются вліяніемъ аналогіи словъ, представляющихъ въ подобныхъ формахъ органическое проясненіе древнихъ *ъ* и *ь*. Странное положеніе занимаетъ *о* въ словѣ Исиодоръ Об. 18а. 46б. Оно попало сюда, вѣроятно, подъ вліяніемъ аналогіи сходныхъ словъ, въ родѣ Ѳеодоръ.

2) Въ словахъ: Еверыгерт^s, Еверигертъ Мес. 53а, Селиверстрови Ап. 146а—видимъ вставочное *и*, а въ араматъ вм. арматъ Прл. 166а—вставочное *а*.

Изъ гласныхъ, которые могутъ выпадать, отмѣтимъ: 1) а, *и* въ началѣ словъ, сложенныхъ съ предлогомъ *из*: збавителя Прл. 14а. 54а, скоренилъ, справилъ ib. 25б, сповѣдь КР. 7а. 31а, сповѣди КР. 46б. 97а. Каз. 21а, на сповѣди КР. 187а, сполнилися КР. 137б, сполнило Мес. 190б, збавлены Каз. 131б, менуемо Ап. 156а, меновати ib. 172; меновалъ Об. 7б; мѣлась Ог. 2а, мѣли ib. 3б, мѣти

---

[1]) Такъ звучатъ эти слова и въ настоящее время. Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ, 344; прим. 8.

[2]) Съ нимъ срв. Углицкое херувофь (Сравнительная морфологія, 431) и хоруговь Стг. 147.

ib. 11 [1]) награвался Мес. 254б. Такимъ образомъ, вслѣдствіе того обстоятельства, что *и* является и въ качествѣ приставки и можетъ отпадать, различіе между предлогомъ *изъ* и *съ* (обратившимся въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ *з*), не чувствуется въ живой рѣчи.

б) *И* отпадаетъ также въ началѣ иностранныхъ словъ, начинающихся двумя гласными звуками: еромонаха ЗБ. 1а, еронимъ Ап. 62а. 74б. 81а. 126б (иеронимовомъ ib. 139а), есифа ЗБ. 24а, ерозолимскій Об. 28б, Исусъ ib. 29б; еремся Ап. 56а, па Ердани Прл. 11а (но—Игнатей—Игнатея Об 38б. 39а)

2. Въ срединѣ словъ выпадаютъ гласные:

а) *И*, сократившееся въ *й*, въ приставкѣ *най*, употребляемой для образованія превосходной степени: начастѣй Прл. 165б, наболшихъ КР. 153б, наперъвѣй ЗБ. 1б. 9а, наяснѣйшій Ог. 59, на́вышшого Ап. 61б, на́святшихъ ib. 64а. 80б, на́тяжшое ib. 99б и т. д. Въ этомъ положеніи *и* изрѣдка выпадаетъ и въ великорусскихъ памятникахъ, напр.: наяснѣйшему Кот. 39, наболшимъ Кот. 43 [2]), и часто въ бѣлорусскомъ—Сб №№ 7, 10, 13, 15, 18, 19.

б) *О* выпадаетъ въ мѣстоименіи который: котрая КР. 9б. Мес. 422, котрую КР. 23б, котрыѣ КР. 195б, котрому Мес. 421б и въ словѣ Салмонъ—Салмона Ев. 7а.

в) Весьма рѣдки случаи выпаденія суффикснаго *е*, въ существительныхъ на *енъ*: по степняхъ ЗБ. 51б, степню род. ед. Ап 182б, хотя—нѣякогось степени Ог. 982 и вообще—эти существительныя удерживаютъ *е* въ косвенныхъ падежахъ.

г) *О* и *е* иногда опускаются въ сложеніи словъ: вышменитые Ог. 13, животдавецъ Ог. 5, вышъреченыи Ог. 41, путьшествіе Ог. 45, вышъреченую Сип. 207.

---

[1]) Срв. Владимировъ. Докторъ Франциск Скорина 264. Карскій. Къ исторіи и т. д. Р. Ф. В. XXIII, 225.

[2]) Буслаевъ (Историческая грамматика I[5], 154) говоритъ здѣсь о частицѣ *на*, а не *наи*. На этой частицѣ, какъ видно изъ примѣровъ, въ нашихъ памятникахъ ставится удареніе.

д) Изъ отдѣльныхъ словъ отмѣтимъ: Михала Ап. 54а. 55а, нижли́ Ог. 354, нѣжли іb. 969 при нижели Ог. 32, нѣжели́ іb. 35.

з) Примѣры, представляющіе отпаденіе конечныхъ гласныхъ: ктожъ Прл. 30а, тогожъ Прл. 40б, комужъ Прл. 63б, якожъ КР. 14б, зась КР. 17б. 20а (за́ся ЗБ. 10а), ради бъ КР. 58б, ль = ли Ев. 13б, нѣжъ КР. 199б, нижъ Ап. 123а, тожъ ЗБ. 28б, опрочъ Ог. 653, 993, болшъ Ог. 667. 994, нужъ Ог. 1003, тоть = тоти Ог. 1005. 1008, чомужъ Ап. 63а, кромъ Ап. 77а, хочъ Ог. 7, правдать Ог. 79, авжежъ Ап. 42а Изъ приведеннаго перечня видно, что выпадаютъ звуки: *е*, *я*, *ы*, *и*, древнее *ѣ* и *о*. Что касается самого процесса выпаденія, то по памятникамъ нельзя прослѣдить той послѣдовательности, въ которой звуки гласные дошли до постепенной потери въ извѣстномъ положеніи своей звуковой самостоятельности. Конечно, весьма естественно предположить, что, прежде чѣмъ выпасть, гласный подвергся сокращенію, сравнялся въ количественномъ и качественномъ отношеніи съ „полугласными". Но такое сокращеніе звуковъ гласныхъ можетъ быть съ точностью установлено лишь относительно *и*, такъ-какъ памятники представляютъ формы: найбольше Ап 68б, найученъшими іb. 126б; наймилшему ЗБ. 2а, найдолгшаго Ог. 40, найперше КР. 21а [1]). Другіе же гласные звуки не представляютъ посредствующихъ ступеней, и выпаденію напр. *ы*, судя по памятникамъ, не предшествовало сокращеніе этого звука въ *о*; равнымъ образомъ мы не можемъ указать, какимъ путемъ изъ древняго *который* вышло *котрый*, и теперь живущее въ такой формѣ въ народной рѣчи. Въ виду этого хотя объясненіе различныхъ грамматическихъ формъ посредствомъ исчезновенія звуковъ можетъ показаться объясненіемъ „мало вѣроятнымъ и грубо механическимъ" [2]),

---

[1]) Сокращеніе *и* послѣ гласныхъ знаютъ и бѣлорусскіе памятники. Недешевъ. Историческій обзоръ, стр. 25.

[2]) Такимъ это объясненіе кажется акад. Ягичу. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, стр. 57.

но, за неимѣніемъ лучшаго, я предпочитаю остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что о количествѣ гласныхъ въ разсматриваемое время не можетъ быть и рѣчи.

Случаевъ стяженія гласныхъ памятники представляютъ весьма немного: *заживаш* Прл. 4а, *немáш* Мес. 26а. 195а, твого Каз. 125б, свого Каз. 128б, мои вм. моеи Прл. 39а, свои Прл. 44а. 58б, твой Прл. 78б. Первыя два слова могутъ быть признаны заимствованіями изъ польскаго рядомъ съ другими, заимствованными также въ стяженной формѣ, напр.: сваволнои Прл. 101а, сваволнимъ ib. 135б. Что же касается формъ притяжательныхъ мѣстоименій, то онѣ представляютъ не стяженіе звуковъ гласныхъ, а являются образованіями морфологическаго характера; стяженія въ нихъ не могло быть уже потому, что полныя формы представляютъ ударяемое *е*, напр. своéго КР. 244б. Ог. 341, моéй Снп. 143, (хотя ей род. ед. КР. 20б), своéи Прл. 1а, но своéго Прл. 39 [1]). Такимъ образомъ, стяженія въ собственномъ смыслѣ разсмотрѣнные нами памятники не знаютъ.

Выпаденію подлежатъ только безударные гласные.

Въ заключеніе обзора измѣненій, которымъ подлежатъ гласные звуки, приведемъ перечень словъ, встрѣчающихся въ полногласной формѣ. Въ перечень войдутъ не всѣ слова, но лишь тѣ, которыя въ настоящее время или употребляются въ сокращенной формѣ, или же совсѣмъ вышли изъ употребленія или же особенно характерны: розголосили Мес. 62б, боронилъ Мес. 76а, оболокъ Мес. 72а, оболокомъ ib. 114а, оболоклися ib. 157а, нагороду (= награду) ib. 157б. Ог. 50, 367, поперевертал Мес. 181а, боронитися Мес. 191а, боронитъ Прл. 138а, упережаючихъ Мес. 197а, попередили Ап. 4а, Володымера Мес. 216а, черевѣ Мес. 256а, розголошала Ог. 673, ворочается (= возвращается) Ап. 112а,

---

[1]) Въ Перлѣ читаемъ также: по воли своей Прл. 50а, збавителя мóего ib. 54а, панства своего ib. 63а; срв. донéго, понéго Каз. 60а. 62а.

волочемъ Ап. 172а, зволокши ib. 173а, волокучій ib 184а, волочачій ib. 202а, наворочати КР. 34б. Ог. 664, огорожалъ Ог. 640, дорогость ib. 642, оборочалъ ib. 643, приоболоченна Ог. 974, головную (= главную) Ог. 1004, заборонено Ог. 1005, Берестьи Ап. 51а, поздоровяютъ Ап. 53б, уволочати Ап. 71а, охороняетъ Ап. 76а, посоромоченья Ап. 137б, оболокалъ Ап. 133а, череды Ап. 159а, чередою ib., оголошеня Ап. 201а, поломень Ап. 206б. и весьма многія другія. Въ стяженной формѣ въ духѣ церковно-славянской фонетики полногласныя слова не употребляются (весьма немногочисленные примѣры употребленія ихъ въ такой формѣ, напр. красту Ном. 114, окраставѣетъ ib., посрамоченъ ЗБ. 26а и др., объясняются просто заимствованіемъ), но сокращенная форма въ духѣ польской фонетики — съ однимъ *о* послѣ плавныхъ, употребляется весьма часто. Вообще, памятники древняго и средняго періодовъ русскаго языка представляютъ гораздо болѣе полногласныхъ формъ, чѣмъ современный языкъ,—замѣчаніе, относящееся ко всѣмъ парѣчіямъ русскаго языка.

III. СОГЛАСНЫЕ.

Отвердѣніе согласныхъ. Одной изъ самыхъ выдающихся особенностей южнорусскаго консонаптизма въ разсматриваемое время является твердость согласныхъ, въ болѣе раннюю эпоху исторіи русскаго языка бывшихъ въ такихъ сочетаніяхъ мягкими. Отвердѣніе коснулось звуковъ различныхъ категорій, именно: 1) твердо произносятся звуки плавные *р*, *л* и — весьма рѣдко — *н*, какъ можно видѣть изъ примѣровъ: а) въ мору Прл. 4а. 100а. КР. 72б, цесаръ Прл. 63а, кесару зв. п. Снп. 32, пастыру зв. п. Прл. 63а, позру Прл. 69а, узру ib. 80б. 146а, косаръ — косаромъ Прл. 135б, внутръ ib. 105а. 109б. Каз. 66а, звѣрами Прл. 147б; творать Ев. 5а, сотвору Каз. 63а, вѣратъ КР. 113а, теперъ КР. 165а 192а, вѣхоръ КР. 183б, повѣтра (=повѣтрія) Каз. 21а, Игоръ Снп. 25, Игора ib. 26, Игорови ib. 27, Игоромъ ib. 32, Игору ib. 86, прыстояло Об. 2а, прывести ib., прымаса ib. 3а, трохъ Мес. 426а и т. д. Относительно такого употребленія *р* южнорусскіе памятники сходятся съ бѣлорусскими[1]), но современное южнорусское нарѣчіе существенно отличается отъ бѣлорусскаго, и теперь не различающаго мягкаго *р* отъ твердаго, тогда какъ почти всѣ южнорусскіе говоры такого смѣшенія не знаютъ; исключеніе представляютъ лишь говоры, пограничные съ обла-

¹) А. Владимировъ. Докторъ Францискъ Скорина 269.

стью распространенія польскаго или бѣлорусскаго нарѣчія, напр. говоръ русскихъ люблинской, сѣдлецкой, волынской губ. и др. [1]). Какъ на вѣроятную причину этого явленія, можно указать на сосѣдство польскаго языка, потому что во 1-хъ, оно развилось именно только въ пограничныхъ областяхъ, въ которыхъ польскій элементъ если не преобладаетъ этнографически, то все же весьма силенъ, во 2-хъ, жители теперешнихъ привислинскихъ губерній русскаго происхожденія, уроженцы центральныхъ русскихъ областей, живя постоянно среди польскаго населенія, незамѣтно для самихъ себя утрачиваютъ чистоту родного языка, — и неразличеніе мягкаго *р* отъ твердаго, такія реченія, какъ горатъ, говоратъ, являются въ ихъ говорѣ одними изъ первыхъ.

Отъ приведенныхъ случаевъ слѣдуетъ отличать твердость *р* въ формахъ: вѣрте Прл. 146б, скорбъ Ном. 53б., чтырма КР. 74б, верв КР. 128а, червъ ib. 150б; здѣсь твердый *р* явился вслѣдствіе твердости слѣдующаго за нимъ слога. Здѣсь же замѣтимъ, что написанія съ твердыми гласными послѣ *р* встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, напр. въ Остромировомъ Евангеліи [2]), обоихъ Сборникахъ Святослава, XIII словахъ Григорія Богослова и др. [3]).

б) Твердое вмѣсто общерусскаго мягкаго *л* представляютъ: болъше Каз 4а (болше ib. 9а), полъзу ЗБ. 6б, зрителъную ib. 12б, безначалъномъ ib. 14а, хулъниковъ, персоналъное ib. 18а, хулъницы ib. 25б, хулъная ЗБ. 46б, наймилъшимъ, наймилъшей ib. 55б, нераздѣлъного

---

[1]) Данныя, касающіяся этого вопроса, собраны въ Очеркѣ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе А. Соболевскаго (въ разныхъ мѣстахъ Очерка).

[2]) М. Козловскій. Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова Евангелія—28, 30.

[3]) А. Будиловичъ. Изслѣдованіе языка XIII словъ Григорія Богослова—24.

ib. запалъчивость ib. 58б, неволъникъ ib. 58б, фалъшивую ib. 60а, силъное ib. 62а, силъный ib. 64а, несмертелъныхъ ib. 78а, нерозмыслъне Ап. 4б, (умыслъне ib. 103а), незумыслъного Ап. 134а. Нѣкоторые памятники въ такихъ случаяхъ опускаютъ *ъ:* безначална Ог. 62, началства ib. 97, палцами Каз. 64а, палцовъ ib. 64б, неволникомъ ib 106, неволникови ib. 347, милшимъ ib. 644, родителкою ib. 968, ползу ib. 1003, или же употребляютъ его очень рѣдко, какъ напр. свѣдителъ Ог. 2. сп҃сителъ Ог. 344. Такое же опущеніе *ъ* въ этихъ сочетаніяхъ видимъ и въ Перлѣ многоцѣнномъ и Ключѣ разумѣнія. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что твердый *л* является передъ суффиксомъ сравнит. степени и вообще передъ шипящими и свистящими *з* и *ц*, передъ суффиксомъ *н* (=*ън*) и *ств* (=*ъств*); онъ, очевидно, образовался послѣ утраты звукового значенія *ъ* подъ вліяніемъ твердости слѣдующаго слога. Отвердѣніе *ц, ж* и звуковъ шипящихъ способствовало, въ силу закона уподобленія, и отвердѣнію *л*, хотя первые случаи твердости *л* передъ указанными суффиксами относятся къ XI в. (уже въ Сборникѣ Святослава 1076 г. читаемъ: родитьлъ 155, полза 154, елма 118 и др.) и встрѣчаются весьма часто въ памятникахъ такъ называемаго галицко-волынскаго типа.

в) *н* также звучитъ твердо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, а иногда и въ современномъ южнорусскомъ нарѣчіи произносится мягко: менше Каз. 12б, меншое ib. 41б, меншій ib. 68а, найменшый ib. 93б, посланъцы ЗБ. 4а (=теп. посланьци), млынъская ЗБ. 5б, окиянъского ЗБ. 5б; выгнанъци ЗБ. 27б, шатанъскимъ ib. 28а, мешканъцы ib. 35а, мешканцовъ ib. 35б; млынъскій ib. 38б; поганъскимъ ib. 56а, подобенъство ib. 58б; дѣанъскихъ ib. 65б; сіонъское ib. 75б; материнскую Ог. 3б; сіонского Ог. 16, поганскихъ ib. 50, воинскихъ ib. 54, безпеченство ib. 74, христіанъства Ап. 116б. Формы съ *ь* послѣ *н*, какъ шатаньского Ап. 142б, ЗБ. 38б, сіоньской ЗБ. 53б, сіоньскои ib. 55а, сіоньскомъ ib. 61б; сіоньскому ib.

62б, встрѣчаются гораздо рѣже. Очевидно, относительно мягкости *н* современная рѣчь, сохраняющая передъ древними суффиксами *ъск, ъств* мягкость *н*, отличается отъ рѣчи 16—17 вв.

2. Иного характера и происхожденія твердость губныхъ, которые въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности сочетались съ мягкими гласными и только впослѣдствіи, какъ-бы слѣдуя общему стремленію языка къ отвердѣнію согласныхъ, стали соединяться съ твердыми гласными. Относящіеся сюда примѣры весьма многочисленны и обнимаютъ какъ имена, такъ и глаголы, именно: а) въ повелит. накл. единств. и множ. числа не осталось слѣда мягкаго *ь*, который является въ другихъ нарѣчіяхъ русскаго языка: избавъ Прл. 14б, выбавъ ib. 18а, разсипъ ib. 35а, мовъ ib. 98б. 99б. КР. 247а. Каз. 126б. 128б; збавъ ЗБ. 8б; ставъте ЗБ. 28а, бавтеся Прл. 168а; б) въ твор. п. ед. ч. муж. и ср. рода древнее *мь* перешло въ *мъ*: косаромъ Прл. 135б; л'вомъ ib. 42б; отрочаткомъ ib. 43а, обувомъ КР. 131а; вѣхромъ Каз. 51б, сѣръчыстымъ ЗБ. 2б, безначалъномъ ib. 14а и мн. др., в) изъ отдѣльныхъ словъ приведемъ: скорбъ КР. 53б, скорбми Ог. 43, голубъ Ев. 10а; голуба Мес 219б, голубы ib. 224а, неудобъ ЗБ. 27а, любовъ Прл. 33а. 89а. КР. 105б. Каз. 63б. 64а и т. д.; цр҃ковъ Прл. 52а. КР. 89а, кровъ Прл. 84б. КР. 89а. Каз. 201б. Мес. 131б, червъ КР. 13а. 150б; вервъ КР. 128а, обувъ (м. р.) КР. 131а. Каз. 92а; чювъствы ЗБ. 20б; чювъства ib. 78а.

3. Не менѣе многочисленны примѣры, показывающіе, что и шипящіе были тверды. Шипящіе отвердѣли, какъ и губные, въ глагольныхъ и именныхъ формахъ: а) въ повелит. накл единств. и множ. числа: утѣшъ Прл. 21б; даждъ КР. 7б. 68а. 101б. Каз. 28а; виждъ КР. 87а. 175б. ЗБ. 62а, перебачъ КР. 104б, яждъ КР. 160б. Ог. 47, обачъ Каз. 97б, рачъ ЗБ. 84а, приближъся Ог. 42, уважте Ог. 29, б) во 2-мъ лицѣ единств. ч. наст. времени: хочъ Прл. 9а, творишъ Прл. 28а, преглядаешъ, ис-

питуешъ ib. 30а, радишъ ib. 43а. послугуешъ ib., узришъ ЗБ. 20а. в) Имена существительныя муж. и ср. рода, оканчивавшіяся въ старину на *ь* послѣ шипящихъ, представляютъ въ разсматриваемый періодъ *ъ*: нощъ Прл 54а. ЗБ. 11а, ночъ КР. 154б, помощъ Ном. 26, помочъ КР. 2а. Каз. 115б, дождъ КР. 101б. 189б. Ог. 25, дожчъ КР. 116б, вождъ КР. 133а, желчъ КР. 134а, пѣчъ КР. 217б, ложъ ЗБ. 26б. Твердые гласные стоятъ послѣ шипящихъ даже послѣ исчезновенія ета: за помочу КР. 228б. (но—жолчю Мес. 180а), облича (=обличья) ЗБ. 8б.

г) Въ корняхъ, флексіяхъ и суффиксахъ послѣ шипящихъ вмѣсто древняго *и* въ огромномъ большинствѣ случаевъ стоитъ *ы*: болшый КР. 76б. 79а, шырокая ib. 248б, найменшый Каз. 93б, сѣръчыстымъ ЗБ. 2б, жызнь ЗБ. 83б, жыдъ Мес. 34б. 35а. 41б, иншый Мес. 140а, учынилъ ib. 139б, нашы ib. 156б, ушы ib. 207а, речы ib. 223а, печы ib. 239а, ночы ib. 256б. и т. д.; *я*, *ю* и *ы* также иногда ставятся послѣ шипящихъ, но основанія для ихъ постановки въ живой рѣчи не было, какъ можно судить по общему характеру соединенія шипящихъ съ гласными звуками.

4. Гортанные *г*, *к* и *х*, уже въ XI в. [1]) въ южно-русскихъ памятникахъ, допускавшіе сочетаніе съ мягкими гласными (*ѣ*—*и*), въ нашихъ памятникахъ могутъ соединяться и съ *ы*: великыми ЗБ. 24б, глухыхъ, другый Ап. 7б. и др. Особенно многочисленны случаи постановки *ы* послѣ гортанныхъ въ Апокризисѣ: пыхы Ап. 7а, глухыхъ, другый ib. 7б, грѣхы ib. 18б, пересторогы ib 46б, другыхъ ib 106б, убогый ib. 108а, заморскыхъ ib. 117а. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что гортанные чаще соединяются съ *и*, чѣмъ съ *ы*.

---

[1]) Соболевскій (Лекціи по исторіи русскаго языка [2]. 114) относитъ начало этого явленія къ первой половинѣ XII в. Мы не видимъ никакой необходимости не придавать значенія показаніямъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о гораздо болѣе раннемъ появленіи этой черты гортанныхъ.

5) Въ перечисленныхъ 4-хъ пунктахъ твердость согласныхъ имѣетъ общій характеръ и можетъ быть подведена подъ общіе законы. Памятники, сверхъ указанныхъ случаевъ, представляютъ примѣры твердости согласныхъ лишь въ извѣстныхъ ихъ сочетаніяхъ и положеніяхъ, въ другихъ же сочетаніяхъ согласные могутъ выговариваться и мягко; такъ мы, съ одной стороны, находимъ будте Прл. 159б. Ог. 23, сядте Прл. 160б, подъ вліяніемъ твердости слѣдующаго слога, а съ другой — допровадь Прл. 27б, равнымъ образомъ злостми ЗБ. 29б, людми Ог. 43. Приводимъ нѣсколько отдѣльныхъ словъ, представляющихъ твердые согласные вмѣсто теперешнихъ мягкихъ: самъ (=сямъ) Ог. 90, тмы Прл. 49б. ЗБ. 63а, тму ЗБ. 36а, судбы Каз. 94а, судбамъ ЗБ. 63а, прозбы Каз. 130а, в'весъ ЗБ. 21б, весъ Ог. 74, увесъ ЗБ, 9б. 14а. 29б. 32б. 33а и т. д., досытъ (= пол. dosyć) Ог. 59, доситъ Ог. 59, Мес. 149а и т. д., засъ Ог. 73, 1124, хотя послѣднія три слова весьма часто имѣютъ на концѣ и *ь*; стоялесъ Ог. 81, естесъ Ог. 974. Нерѣдко также имена числительныя, оканчивающіяся теперь на *ть*, въ памятникахъ представляютъ *тъ*: дванадцятъ КР. 99а. 186а, дванадесятъ Ог. 639.

Изъ разсмотрѣнія приведенныхъ случаевъ ясно, что общій характеръ южнорусскаго консонантизма, отличаясь твердостью, обусловливается, между прочимъ, и свойствомъ гласныхъ, отвердѣвшихъ и въ такомъ же смыслѣ повліявшихъ и на согласные,—здѣсь дѣйствовалъ законъ уподобленія одного слога другому. Главная роль въ этомъ отношеніи принадлежитъ *ы* (основному и образовавшемуся на южнорусской почвѣ изъ *и*) и *е*, которое въ это время уже никогда не произносилось мягко и, слѣдовательно, могло способствовать лишь отвердѣнію предшествующаго согласнаго.

Мягкость согласныхъ.

Здѣсь можно указать на мягкость лишь одного согласнаго — *ц*: праци Прл предм. 1б, овци род. ед. Прл.

28б, обручницю Ном. 67, седмицю ib. 114. 116. 118 и т. д. одинадцяти КР. 25б, на улици КР. 58а, двадцять КР. 73а. 114а, двападцять КР. 99а. 186а. Мес. 422а, на правици Мес. 230б, мѣсяць Прл. 3а, трци Мес. 41б. Относительно указанія на мягкость *ц* южнорусскіе памятники рѣзко отличаются отъ памятниковъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ, изъ которыхъ особенно послѣдніе (напр. Статутъ 1588 г. и весьма многіе другіе памятники) представляютъ чрезвычайно большое количество случаевъ постановки *ъі* и вообще твердыхъ гласныхъ послѣ *ц*; не рѣдкость и въ великорусскихъ памятникахъ встрѣтить *ъі* послѣ *ц*, напр. всердцы Стг. 23, всолнцы ib. 21, въ корчемницы ib. 65, къ пречистой Богородицы ib. 81, оцыстится ib. 152, или: царицы Кот. 37, сыщетца Кот. 43, зъ гонцами Кот. 47, серца ib. 50, срв. также процесыахъ Кот. 72 и т. д. Въ южнорусскихъ памятникахъ твердые послѣ *ц* попадаются лишь тамъ, гдѣ замѣтно вліяніе языка польскаго, такъ въ Апокризисѣ встрѣчаются написанія: на коронацыи 32а, фундацыи 38а, федїрацыи 69б, кондыцый 80б; въ Оборонѣ: дыспутацыю 15а и мн. др. Но такого рода написанія не отвѣчали выговору *ц* въ живой народной рѣчи, въ которой этотъ звукъ всегда произносился мягко, какъ можно утверждать на основаніи правописанія памятниковъ, содержащихъ черты народнаго говора [1]).

Кромѣ *ц* встрѣчается въ памятникахъ еще нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на мягкій выговоръ согласныхъ: слоня (великого) (пол. słoń—słoniowy) Мес. 233а, слонїовая, слонїовои ib. 209а. цр̃кв'яхъ Мес. 218а. Об. 19а. 43б, (въ другихъ памятникахъ это слово измѣняется по твердому склоненію), махометяны Снп 57, (махометяновъ Мес. 42а).

Не безынтересно здѣсь же отмѣтить и тотъ фактъ, что мягкость согласныхъ обозначается въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Спорадически *ц* звучитъ теперь твердо и въ нѣкоторыхъ южнорусскихъ говорахъ. А. Соболевскій. Очеркъ русской діалектологіи III. 18. 19. 20. 21. 29. 30 и др.

памятникахъ весьма своеобразно; нѣкоторые писатели съ трудомъ отличаютъ согласный, мягко произносимый, отъ согласняго, за которымъ слѣдуетъ ъ, по этому встрѣчаются написанія: пянства Каз. 84б, пі̑етъ іb. 92б, вѣхані̑е іb. 132б, бютъ КР. 50б, пяницкихъ Ог. 5, б'ютъ Ог. 1123 и даже пьенкною ЗБ. 82б. (при обычномъ написаніи этого слова черезъ *іе* послѣ *п*). Такого рода выговоръ мягкихъ согласныхъ я наблюдалъ въ рѣчи русскихъ урожепцевъ Люблинской губ. (въ Холмской Руси) и пограничной съ нею части Волынской губ.

Удвоеніе согласныхъ.

Удвоеніе согласныхъ, свидѣтельствующее объ усиленномъ ихъ выговорѣ, происходило отъ слѣдующихъ причинъ: 1) ётъ, стоявшій послѣ согласнаго и передъ мягкими гласными, уподобился первому, какъ л'ляти КР. 173б, выллялъ іb. 252б, розел'ляна ЗБ. 1б, выллялн Мес. 220а, вылляти іb. 208б; встрѣчаются въ такихъ случаяхъ и написанія съ однимъ согласнымъ и надстрочнымъ знакомъ, какъ напр. нал'явши КР. 80б. и др. Особенно многочисленны должны бы быть случаи написанія двухъ согласныхъ въ окончаніи существительныхъ, которыя въ старину оканчивались на *іе*, а въ разсматриваемое время на *я* или *е* съ предшествующимъ согласнымъ; но въ написаніи этихъ существительныхъ встрѣчается лишь одинъ согласный, иногда даже не сопровождаемый надстрочнымъ знакомъ, какъ створенямъ Прл. 2а, уроженя іb. 2б, росказаня іb. 4б, щастя іb. 32б. 157б, камѣнямъ тв ед. Мес. 34б. Естественно поэтому думать, что выводъ, будто „отсутствіе ъ ясно указываетъ на то, что въ этихъ формахъ произошелъ уже процессъ удвоенія согласныхъ“ [1]), покоится лишь на основаніяхъ, въ данномъ случаѣ весьма

---

[1]) П. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія, стр. 92.

шаткихъ, аналогіи: вѣдь и въ настоящее время не во всѣхъ мѣстахъ распространенія южнорусской рѣчи слышится здѣсь удвоенный согласный; утвержденіе же, что удвоенные согласные въ малорусскомъ правописаніи XVII в. пишутся рѣдко, вѣрно только отчасти, и не понятно, почему бы писатели избѣгали удвоенія согласныхъ лишь въ правописаніи именъ существительныхъ, допуская его въ другихъ здѣсь приводимыхъ случаяхъ.

2) Исчезновеніе древнихъ глухихъ въ корняхъ, суффиксахъ и приставкахъ является второй причиной удвоенія согласныхъ: изъзѣли Прл. 126а, из'зути КР. 130б, с'семо́ Каз. 79б, иззуй Каз. 72а, воззовутъ Каз. 117б, вышше Прл. 35а. 69а. 69б. КР. 220б, вышъше Прл. 38а. ЗБ. 9б, найвышшымъ КР. 29б, найвышшый КР. 32б, перевышшати КР. 134б, превышшаетъ Каз. 24б. КР. 220б.

3) Удвоенный согласный является также въ причастіи прошедшаго времени страд. залога (примѣры ниже) и въ разныхъ формахъ существительныхъ,—напр. фляше^п^цѣ КР. 210б, и прилагательныхъ причастій, въ которыхъ коренной звукъ измѣняется подъ вліяніемъ законовъ смягченія и уподобленія звуковъ, какъ напр. уччоный, уччона КР. 163б, въск^с^ршшимъ Ог. 27.

4) Наконецъ, приставочные согласные являются также и передъ однородными и однозвучными согласными: в'весь КР. 17б. 41а. 71б. 177а и т. д., в'войшла КР. 227а. Въ послѣднемъ случаѣ *в* можетъ быть замѣнено и посредствомъ *у*. Въ словѣ же вувторокъ (=теп. вівторокъ), видимъ, по всей вѣроятности, соединеніе обѣихъ приставокъ (срв. стр. 33).

Смягченіе звуковъ согласныхъ.

Смягченію подвергаются тѣ же согласные, что и въ теперешнемъ южнорусскомъ нарѣчіи, и при тѣхъ же условіяхъ, которыя остаются въ силѣ и теперь.

1—а) Гортанные *г*, *к* и *х*, кромѣ смягченія при словообразованіи, свойственнаго всѣмъ нарѣчіямъ русскаго

языка, смягчаются и передъ мягкими флексивными гласными, что свойственно, только бѣлорусскому и малорусскому: матцѣ дат. ед. КР. 216а, повазѣ ЗБ. 71б, о грѣшницi м. р. Прл. 108а, опоцѣ КР. 73б, в'колысцѣ КР. 214а, власце ЗБ. 3а, страсѣ ЗБ. 10б, при ласце ib. 3б, фляшеⁿцѣ КР. 210б, частоᵀцѣ Мес. 230а, в'дошцѣ Каз. 141б, на округѣ Ог. 10, в'дорозѣ Ог. 45, на дорозѣ Ог. 656, лодце Ог. 348.

б) Исключенiе представляютъ формы мѣст. п. ед. ч. муж. и ср. р. (а въ современномъ нарѣчiи и дат. мѣст. п. ед. ч. ж. р.), которыя подъ влiянiемъ остальныхъ падежей удерживаютъ тематическiй согласный безъ измѣненiя, поэтому являются формы: на высокимъ мѣстцу Каз. 141б, при царскимъ убiору Ог. 356, на сеймѣ варшавскимъ Ап. 30а, на римъскимъ синодѣ Ап. 70а. Замѣчательно, что въ дат. мѣст. п. ед. ч. ж. р. памятники не представляютъ формъ со сжатiемъ гласнаго *о* (если предположить, что напр. форма высокiй—дат. п. ед. ч. ж. р. образовалась изъ высокой) или же съ замѣной древняго *ѣ* чрезъ *и*: вѣдь извѣстно, что формы въ родѣ *морьскѣй*, *женьскѣй* встрѣчаются уже въ первыхъ памятникахъ русской письменности, напр въ двухъ Сборникахъ Святослава. Такъ какъ мягкiй выговоръ гортанныхъ передъ гласными *ѣ* и *и* восходитъ къ XI в., то нѣтъ препятствiй для предположенiя, что такiя формы должны были существовать очень рано; если же онѣ не отмѣчены болѣе поздними памятниками, то причина этого заключается въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ влiянiемъ аналогiи, вытѣснившей старинную форму мѣстоименнаго склоненiя прилагательныхъ и замѣнившей ее формой, вновь образованной по образцу формъ мѣстоименiя *тотъ*.

в) Встрѣчаются немногочисленные случаи несмягченiя гортанныхъ и при образованiи сравнит. степени, какъ дорогшого Ог. 32 (дорожшее ib. 24, дорожше ib. 7), найдолгшаго Ог. 40. Они, какъ и предыдущiе, объясняются влiянiемъ аналогiи.

г) Весьма также немногочисленны случаи смягченія гортанныхъ не въ духѣ русской фонетики: патріарше дат. ед. Ап. 95б (патріарсѣ ib. 130а), ве влошехъ Ап. 107б. Об. 47а, потѣше Ап. 124б. Они свойственны памятникамъ, въ языкѣ которыхъ южно- и бѣло-русскіе элементы обильно успащаются и польскимъ, изъ котораго они и представляютъ заимствованіе. Современные южнорусскіе говоры такихъ формъ не знаютъ.

2 - а) Зубные *д* и *т* смягчаются въ *ждж — жч, щ, шч* и *ч*: дожчъ—дожчу Каз. 64а. Каз. 53а, 88а, дожчами Каз. 56б. 59б, выѣжджалъ Каз. 62а, поижджаютъ Ог. 2, ежджоно Ап. 121а, проежджатися Ап. 100а, з'ежджаючися Ап. 115б, з'ежджатися ib. 138б, уежджалъ Ап. 169а, дощъ Каз. 132б; поошчреніи Прл. 48а; неищучая Ап. 178а, недаючая ib; ненасыченого ib. 183б, волокучій ib. 184а, волочачи ib 202а, грѣшачого Ог. 988, возносячогося ib. 342. Само собой разумѣется, что въ памятникахъ попадаются формы, представляющія смягченіе зубныхъ въ духѣ церковно-славянской фонетики.

б) Передъ суффиксомъ сравнит. степени зубные, подобно гортаннымъ, иногда не смягчаются: намолодшого Ап. 128а, ядовитшая ib. 210б, пренасвятшого Об. 44б. Несмягченный зубной представляетъ и форма обезчестени Ап. 163б.

3) Въ смягченіи согласныхъ губныхъ памятники не представляютъ формъ, отличныхъ отъ современныхъ. Отмѣтимъ неорганическое смягченіе въ формахъ: куплютъ ЗБ. 70а, хапляй Мес. 129б, ламлетъ Прл. 50а. Довольно многочисленные случаи несмягченія губныхъ, попадающіеся въ памятникахъ, изобилующихъ полонизмами, не были свойственны живому народному говору и представляютъ заимствованія изъ языка польскаго.

Переходъ однихъ согласныхъ въ другіе.

1) Однимъ изъ самыхъ наиболѣе часто встрѣчаемыхъ въ памятникахъ видовъ уподобленія согласныхъ является

переходъ шипящихъ, стоящихъ передъ свистящими, въ свистящіе, переходъ, обусловленный выпаденіемъ древнихъ глухихъ или звуковъ, замѣнившихъ послѣдніе. Въ этомъ случаѣ шипящіе, перешедши въ свистящіе, могутъ и совсѣмъ выпадать или вытѣснять слѣдующій за ними согласный. Процессъ такого перехода иногда можетъ быть прослѣженъ въ одномъ и томъ же памятникѣ; такъ, отъ лат. пол. формы папѣжъ (польск. papież) черезъ посредство формы папежского Ап. 173а образовалась форма папезскомъ Ап. 170а, а отъ нея—папескую Ап. 55а, папѣскую Ап. 40б, при существительномъ папествѣ Ап. 186а. 187б, и только отъ этой послѣдней —употребляемое теперь—папскій. Благодаря этому процессу, шипящіе въ древнихъ сочетаніяхъ *жъст - жъск*, *чъск—чъст*, *шъск—шъст* обратились въ *з*, *ц* и *с* или совсѣмъ исчезли: князство Прл. 54б. КР. 46б, князтва Прл. 126б, князска Ном. 95, бозства Прл. 7б, бозтву ib. 1а, убозтво Ог. 20. 91, товарпства Ог. 358, товариство ЗБ. 25б. 42а (товаришства Ап. 5б), птаства Ог. 112 (изъ* пташьства отъ птахъ), владыцство Ап. 21б, пророцтвъ Ап. 132, свѣдоцътвъ Ап. 54а, учаснец'твомъ ЗБ. 21а, присязтва ЗБ. 42а, бозкіми ib. 48а, робацтво Ог. 20, мнозтва Ог. 22 (множество Прл. 147а), калѣцтво Прл. 4а, поетицкого Прл предм. 1а, поетицского Прл. 1а, геретицтвомъ Прл. 9а, дѣдиство Прл. 46б, дѣдицство Прл. 49а, купецтва Ап. 163б, убозства Ап. 180а. 188а, убоства Мес. 167а, богаствѣ Прл. 13а, суботсво Прл. 142б (богацства Прл. 211а), политицкій Прл. 77а, египецкой ib. 112б. Подобный процессъ, способствовавшій образованію изъ согласнаго + *с* суфф. *ъск*, *ъств* слитнаго звука, извѣстенъ уже новгородскимъ памятникамъ XIII — XIV вв.[1]). Довольно многочисленные случаи перехода шипящихъ въ свистящіе или исчезновенія ихъ представляютъ теперь названія урочищъ, напр. Бускъ изъ Бужьскъ—Бужескъ, Дорогускъ, Слуцкъ изъ Случьскъ

[1]) А. Шахматовъ. Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII—XIV в., стр. 144.

(отъ рѣки Случи), Друцкъ изъ Davучьскъ (на р. Другѣ), Клецкъ изъ Клечьскъ—Клеческъ и т. д.[1]).

Въ такой формѣ слышатся подобнаго рода слова и въ современномъ южнорусскомъ нарѣчіи.

Переходъ шипящихъ въ свистящіе находимъ и въ склоненіи существительныхъ: фляше^н^цѣ КР. 210б, хотя въ этомъ положеніи вмѣсто *ц* иногда попадается и *т*: кутцѣ Прл. 128б, часто^т^цѣ Мес. 230а. По всей вѣроятности, оба написанія не служатъ указаніемъ на различный выговоръ въ этомъ положеніи звукового сочетанія; различіе въ написаніи можетъ быть объясняемо трудностью подыскать способъ написанія, вполнѣ точный и соотвѣтствующій выговору звука въ живой рѣчи. Кромѣ указанныхъ случаевъ, объясняемыхъ дѣйствіемъ закона уподобленія звуковъ, не находимъ примѣровъ перехода шипящихъ въ свистящіе. Весьма многочисленныя заимствованія изъ языка польскаго, представляющія *ц* вмѣсто *ч*, не вошли въ живой организмъ народной рѣчи.

2) Случаи обратнаго перехода—свистящихъ въ шипящіе немногочисленны: шмарагдовый КР. 32б, шкриптѣ Ап. 10б, кришталь ЗБ. 70б, (но кристаль—кристалю ib. 67а), качеръства Об. 52б, Корша (или Хорса) Снп. 49, кришталомъ Мес. 101б, крышталѣ ib. 101б, шатаньского Ап. 142б. Об. 22а (отъ пол. ф. szatan = сатана), шкло Мес. 85б, шкляницахъ Ог. 5, шкляно^м^ Мес. 230а, (срв. м. Шкловъ Мог губ.), чепъ Снп. 96 (отсюда слова: чипляться, одчыпыться), чачкою Ап. 193а (отсюда фамилія Чачковъ), рожа Ог. 3б; рожчкою КР. 134б (розчка ib. 149б), рожчку КР. 193а (уменьшительное отъ розкга Ап. 152б, розка Прл. 115а), роздражнитися Ап. 178б, подражняючую ib. 210б.

3) Изъ случаевъ перехода одного изъ шипящихъ въ другой отмѣтимъ постановку *ш* вмѣсто *щ* въ словѣ

---

[1]) Больше примѣровъ можно найти въ Очеркахъ русской исторической географіи Н. П. Барсова, стр. 116, 118, 124—126 и др.

товаришъ КР. 180а, товариша іb. Каз. 78б и товаришитися КР. 58а и наоборотъ — дощчками Мес. 214а, дощчкахъ Ап. 209б.

4) Свистящій *с* переходитъ въ *з* въ предлогѣ *съ*: згрѣшити Прл. 41б, знищала іb. 49б, зморенный іb. 88а, з'мѣсца Мес. 16а, здоброи волѣ Мес. 35а. 39б, з'старого Мес. 27а, зводителѣ Мес. 59б, з'едночила Мес. 80б, згинули Мес. 89б, з'непріятелями Мес. 119а и весьма мн. др., а также въ словѣ прозбу Прл. 13а. 44а, прозба Прл. 153б, прозбы КР. 70б [1]). Замѣчательно однако, что предлогъ *съ* не всегда еще переходитъ въ *з*; въ нѣкоторыхъ формахъ находимъ и древнюю его форму, равно какъ и предлогъ *роз* иногда является въ формѣ *рос*, какъ рос'судку ЗБ. 2а. Ап. 112а, с'першими Ог. 92, спѣване іb. 98, спѣвають Ог. 102, стислое іb. 105, смыслившыи Ог. 344, стрвожилася Ог. 981, (трвожится 995), съ рабинею іb. 1122, с книгъ Ап. 33б, с прешкоженьемъ іb. 145а. Слово мер*ск*ими Прл. 13б, представляетъ *с* вм. *з*.

Губные. Въ отдѣлѣ губныхъ отмѣтимъ взаимную мѣну *ф* и *хв*: волфы Ев. 8а, волфовъ іb. 9а, префалный

---

[1]) Приводимый здѣсь переходъ *с* въ *з* не есть исключительная особенность южнорусскаго нарѣчія, она встрѣчается и въ великорусскихъ памятникахъ, напр. збогодухновеннымъ, здушеполезнымъ Стг. 26, зговору Стг. 54, зборы іb. 70, здравъ іb. 85, здѣяти іb. 118, збираются іb. 147. зъ жестокимъ. Кот. 132, зъ городовъ, зъ десять сотъ Кот. 138, зъ бояры іb. 142, зъ самыхъ іb. 153, зговору іb. 166, зговоръ іb. 169, зъ жилцами Кот. 35, зъ двора Кот. 38, зъ гонцами, зъ столникомъ, зъ бѣды, зъ думными людми іb. 47. Наше теперешнее правописаніе, возстановившее *съ*, идетъ въ разрѣзъ съ народнымъ произношеніемъ этого предлога; народному произношенію сдѣлана уступка лишь въ немногихъ словахъ: зданіе, здѣсь, здоровъ. Всего послѣдовательнѣе здѣсь галицкое произношеніе, которое всегда, внѣ всякой зависимости отъ слѣдующаго согласнаго, представляетъ форму *з*: з вами, з нами и т. д.

Прл. 45а, фалебность ЗБ. 26б, балъвофальство ЗБ. 32б, фалебнымъ ЗБ. 47а. 81б, фалебно ib. 82а, фалѣ Ог. 75, уфаленнымъ Ап. 12б, уфаленой Ап. 12б, уфаленые ib. 23а, фатаются Ап. 51а, уфалено ib. 44б, фалити ib. 48б, хвалшъ Ап. 63а (фалшовъ ib. 66а), хва^x^шивы^x^ Ап. 67б, хвалшии ib. 69а, хвалшемъ ib. 71а. 86б, трахвилъ ib. 77а, уфалъ ib. 142а. Этотъ переходъ *ф* въ *хв* и обратно составляющій рѣдкость на сѣверѣ Россіи (Колосовъ—Обзоръ звуков. и форм. особ. 171), встрѣчается въ нарѣчіи бѣлорусскомъ (Карскій, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорус. рѣчи 69, срв. Владимировъ, Докторъ Фр. Скорина, 272), весьма распространенъ въ настоящее время въ южнорусской рѣчи и, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, начало его относится къ довольно раннему времени. Въ виду приведенныхъ примѣровъ нельзя согласиться съ г. Житецкимъ, который говоритъ, что „малорусскіе писатели охотно слѣдовали совѣту М. Смотрицкаго и различали строго *хв* отъ *ф*" [1]). Въ общемъ правописаніе въ этомъ случаѣ—довольно выдержанное, но строгаго различенія мы не находимъ, и черты народнаго говора прорываются и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ.

2) Такъ какъ *ф*, какъ звукъ иноязычный, встрѣчается лишь въ весьма немногихъ словахъ, преимущественно заимствованныхъ изъ чужихъ языковъ, то онъ весьма охотно замѣняется въ памятникахъ другими звуками, преимущественно *п*: траплены Ог. 13, трапите Мес. 48б, трапилъ Мес. 172б, трапити Мес. 204а, люципера Мес 123а. КР. 239б. Ог. 53.

3) Знакъ *ѳ* употребляется въ памятникахъ по преданію. Формы: Афтанасія Об. 35а и Саваоѳта Прл. 89б показываютъ, что вмѣсто древняго *ѳ* явился слитный согласный—зубно-губной, приблизительно такого же характера, съ какимъ онъ является въ настоящее время.

4) Въ словахъ: суптельнѣйше Прл. 130б, суптелностю ib. 165а, апсурда Ап. 64а, Дулѣпа — Дулѣпяне Син.

---

[1]) Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія, 94.

21 видимъ переходъ *б* въ *п*, а въ словѣ башей Спп. 203, башею ib., башами ib 201—обратный переходъ.

Гортанные. 1) Въ отдѣлѣ гортанныхъ прежде всего нужно отмѣтить появленіе новаго письменнаго знака ґ [1]) для обозначенія мгновеннаго звука *г*; чаще всего такой знакъ употребляется въ написаніи словъ иностранныхъ: ґаґана Спп. 205, теоліоґове Прл. 52а, 53а, ґоґа ib. 138б, оґона ib. 141а, ґиґантовъ КР. 40б, омеґа ib. 19б. По своему звуковому значенію это ґ отвѣчаетъ *кг*, употреблявшемуся въ памятникахъ западно-русской письменности, а оттуда перешедшему и въ наши памятники, какъ нпр. розкга Ап. 152а, кгды КР. 22а. 27б (негды ib. 38а. 46б), 62б. Каз. 12б. 142б и т. д., кгмаху (нѣм. gemach) Ап. 90а, некгречный (пол. niegrzeczny) Ап. 122а. Употребляется онъ въ южнорусскихъ памятникахъ рѣдко.

2) Случаевъ взаимнаго перехода одного изъ гортанныхъ въ другой въ памятникахъ — немного, именно: а) *г* вмѣсто *х* находимъ въ словѣ чигалъ Ог. 1007 (два раза), *г* вмѣсто *к* въ словѣ башмагъ Спп. 131

б) *Х* вмѣсто *г* представляютъ: ланцухъ Ог. 106 (теперь—ланцугъ или ланцюгъ Шевченко 333 по изданію Іогансона), ланцухами Прл. 101а. 157а, ланцухи Прл. 110а (пол. łańcuch), вообще, слово это во всѣхъ памятникахъ представляетъ всегда *х*, а не *г*, уменьшит. отъ него—ланцушки Ог. 1123, Олехъ—Олеха КР. 138б, Махометъ Ап. 128а (Магаметъ Сб. № 13) махометяны Спп 57.

в) Ґ вмѣсто *к* въ словѣ ґаґана Спп. 205.

г) *К* вмѣсто *х* въ словахъ: Генрика Ап. 22б, Коревъ (или Хоревъ) Спп. 19, клопоты Ап. 123б. Мес. 184б. (срв. стр. 51).

д) *К* вмѣсто *г* въ словахъ: розка Прл. 115а, розки ЗБ. 48а (розкга Ап. 152а), мозку ЗБ. 21б. Ап. 99б. Впрочемъ, здѣсь можно видѣть и не фонетическое явленіе, а образованіе словъ посредствомъ суфф. *к* = древ-

[1]) Въ текстѣ работы онъ обозн. посред. мал. церк. слав. ґ.

нему *гк*, какъ предполагаетъ Карскій относительно подобной формы этихъ словъ въ бѣлорусскомъ [1]).

с) *X* вмѣсто *к* представляетъ мѣстоименіе хто ЗБ. 66б и др. Въ этомъ словѣ *х* уже очень рано вытѣснило *к* (по Шахматову—не позже XIV в. [2]). Изъ приведеннаго перечня видно, что разсматриваемое фонетическое явленіе имѣетъ спорадическій характеръ и не можетъ быть подведено подъ дѣйствіе общаго звукового закона. Неясна также и причина этого перехода, кромѣ случаевъ, представляющихъ взаимную мѣну *х* и *г*, которые могутъ быть объясняемы свойствомъ *г*, смѣшиваемаго въ выговорѣ съ *х*, какъ это и теперь наблюдается въ нѣкоторыхъ западныхъ окраинахъ Россіи и какъ показываютъ случаи опущенія *г*, стоящаго между двумя гласными.

Зубные. Въ разрядѣ зубныхъ несвистящихъ составляетъ правило переходъ *т* въ *д* въ предлогѣ *от*: одтяти Мес. 60б, одповидѣла ib. 79а, одогнали ib. 134б, од'кинулъ ib. 151а, одпочивати ib. 235а и т. д. Въ другихъ словахъ такой переходъ имѣетъ характеръ явленія спорадическаго: допчетъ КР. 72б. 154а, 153б. Ог. 33, доптати Каз. 116б, подоптовалъ ЗБ. 32а, подоптаный Ог. 18. 19, подоптали Ог. 971, вообще, этотъ глаголъ въ разсмотрѣнныхъ нами памятникахъ весьма рѣдко имѣетъ *т*, какъ напр. топчетъ ЗБ. 18а. 33б. Какъ на вѣроятную причину перехода въ немъ *т* въ *д*, можно указать на польскую форму этого глагола—deptać. Этимъ же, по всей вѣроятности, объясняется одинаковая форма этого корня и въ бѣлорусскихъ памятникахъ (Владимировъ, Скорина 273). Въ настоящее время *д* вмѣсто *т* слышится въ этомъ глаголѣ въ говорѣ русскихъ крестьянъ Сѣдлецкой и Люблинской губерніи. Кромѣ приведенныхъ словъ, *т* стоитъ вмѣсто употребляемаго теперь *д* въ словѣ талмутъ

---

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 71.

[2]) Въ разсматриваемое время оно не составляетъ исключительной собственности южнорусскаго: хто Кот. 90, нихто ib. 140.

Ап. 66б. Мес. 427а, талмутѣ Ап. 66а, талмуту Мес. 427а.

Изъ другихъ случаевъ перехода одного изъ согласныхъ въ другой укажемъ на:

1) весьма характерный для южнорусскаго нарѣчія переходъ *л*, стоящаго послѣ гласнаго и передъ согласнымъ, *въ в*: заблудивъ Прл. 3б, подавъ ib. 4а, вилявъ ib. 115б, повенъ КР. 59а. Каз. 124а, повно КР. 81а. 98а. 140б; повный КР. 105а. Каз. 137б, повная КР. 173а, 220б, в'повнѣ КР. 154а, жовтый КР. 139а, вовняная ib. 148б, вовна ib. 149а, вовняную ib. 152б. 251а, умовкло КР. 139а, недовго Каз. 77б; бив' ЗБ. 6а, замовчати Ап. 119а, Жовтобрухъ Ап. 86а, мовчу ib. 140б. и мн. др. Звукъ, появляющійся въ данномъ мѣстѣ вмѣсто *л*, всегда въ памятникахъ выражается черезъ *в* и никогда черезъ *у*. Очевидно, что *в* считалось наиболѣе подходящимъ письменнымъ знакомъ для изображенія слышимаго въ этомъ сочетаніи согласнаго звука. Многочисленность примѣровъ этого рода свидѣтельствуетъ о томъ, что разсматриваемый переходъ составлялъ въ это время уже вполнѣ законченное звуковое явленіе, начало котораго, повидимому, относится къ болѣе раннему времени.

2) Переходъ *м* въ *н*: арнянове Прл 8а, арнянскимъ ib. 10а, сунцѣ ib. 119а (два раза), 121б (три раза), сунки Прл. 119б. 121б, сунками ib. 120а [1]), ревне (=тепер. ревмя) КР. 49а. 234а, цинбалахъ КР. 92а (здѣсь же и цимбалахъ), 198б, ѳvмïа" ЗБ. 62а (фимияна Стг. 99), женчугъ Каз. 5.

3) *н* въ *м*: Миколая Об. 19а, 49а, Миколай ib. 36а, Микула Снп. 160.

4) *л* въ *н*: Рахинъ вм. Рахиль Ев. 9а.

---

[1]) Появленіе здѣсь *н* позволительно объяснить сближеніемъ корня этого существительнаго съ корнемъ глагола *сун-у-ть*.

5) *п* въ *к*: кулѣ огнистые Ог. 52, кулею КР. 52а, куля Каз. 141а (срв. нѣм. kugel, пол. kula).

6) *ч* въ *ж*: паралѣжемъ КР. 39а. 41б. Каз. 13а, паралижемъ Мес. 212а (корень этого существительнаго, очевидно, заимствованъ отъ глагола лежать).

Иногда появленіе одного согласнаго вмѣсто другого объясняется дѣйствіемъ народной этимологіи, что́ возможно сказать и о нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ (сунка и парализъ). Этой же причиной объясняется появленіе формы Урванъ (отъ глагола у-рва-ть) вм. собств. имени Урбанъ, (въ Апокризисѣ 70а. 174а), клебаномъ Ап. 165а, клебана — клебани Ап. 190а и б. Такъ появилась и форма митро*пилатъ* вмѣсто митрополитъ (въ Апокризисѣ 58а. 64а и т. д).

Вставка и выпаденіе согласныхъ.

Вставочныхъ звуковъ наши памятники представляютъ немного. Чаще другихъ согласныхъ приставляется *н* въ формахъ третье-личнаго мѣстоименія въ тѣхъ случаяхъ, когда оно употребляется безъ предлога: нею Прл. Предм. 2а. Прл. 39б. ЗБ. 7б, нимъ Прл. 78а. 81а. 168а. КР. 40а. КР. 40б. 198а, ними КР. 58а. ЗБ. 54а. Современному южнорусскому нарѣчію, сходно съ польскимъ, весьма свойственна постановка *н* въ этихъ случаяхъ.

2) Приставочное *в* находимъ въ словахъ: в' во̑даныо, Ап. 156а, вбольше, в'коло Мес. 115а.

3) *Т* и *д* вставляются между глухимъ и плавнымъ согласнымъ, что встрѣчается теперь во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка: стрѣтеніе Прл. 64а. 67б. Каз. 125б. 132б. Ог. 351, стрѣчаютъ Прл. 127б, стрѣчаемо КР. 42б, раздрѣшении Ном. 86, раздрѣшается Ном. 100.

4) *Н* вставляется въ словѣ Андрияна Об. 38а.

5) *К* вставлено въ словѣ очкнулся КР. 152а, очкнулася Каз. 147а, очкнувшися Каз. 90а. 135б. 143б.

6) Къ случаямъ вставки согласныхъ возможно причислить и такого рода случаи, въ которыхъ въ южнорусскомъ сохраняется коренной звукъ при опущеніи его въ другихъ нарѣчіяхъ русскаго языка: потягнули Ог. 93. КР. 226б, стогнала Прл. 133б, стогнуть Об. 55а, стогнаня ЗБ. 42а, стогнанямъ ib. 56б, тягнулъ Каз. 142б, тягнетъ ЗБ. 5б, одегнувъ Прл. 2а, одегнена ЗБ. 31б, одеглися ib. 54а и т. д. Сюда также можно отнести и сохраненіе *г* въ словахъ иноязычныхъ: герархіи Прл. 30а. 40а. 41а, геретиковъ Прл. 165а, герезія Прл. 225а, гисторіи ib. 246б. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ *г*, кажется, жило только въ книгахъ, а не въ устахъ народа.

Случаи выпаденія согласныхъ. 1) *Д* выпадаетъ въ словахъ: безнахъ Прл. 15а, безно ib. 16а. 22а; серце Ог. 95, серъце ЗБ. 57а, серца Ап. 52б. Об. 42а. 54б; семая КР. 39а. 159а. Ап. 10а, семый КР. 169б, семое КР. 224б, семую Каз. 137а, османацятъ Каз. 143б. освѣчаетъ (= освѣдчаетъ) ЗБ. 12б, ено́ Ог. 973, щере^х Прл 159а.

2) *Т* и *д* выпадаетъ въ случаяхъ, когда ему приходится стоять между согласными *з* или *с* и слѣдующими за ними *н* или *л*: жалосно Прл. Предм. 1б, исности Прл. 30а. 30б, радосній Прл. 81а, жалосный ib. 84а, жалосно ib. 94а. 101б, прелесной Прл. 105б, щасливіи КР. 34б, злосливому Прл. 20а, злосливыи ib. 85б. 125а, празнословили Каз. 122а, празнуютъ ib. 125а, празники Ап. 185а, празнуемъ ЗБ. 28а, учасниками Ап. 190а, щасливою ЗБ. 51а, щасливое Ог. 11, познѣй Ап. 43а, намѣсники Ап. 65б, чесной Ап. 183а, склу Ап. 193б, шкло Мес. 85б, слали Ап. 209а и т. д. Выпаденіе *д* и *т* въ указанномъ сочетаніи было весьма распространено въ тогдашнее время, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные примѣры, встрѣчаемые въ памятникахъ.

3) *В* выпадаетъ въ словахъ: першая Прл. 2а, першомъ Прл. 126а, першого ib. 142а, перше КР. 61б.

165а и вообще во всѣхъ памятникахъ это числительное пишется безъ *в*; написаніе съ *в* является орѳографическимъ архаизмомъ; берно Ев. 15, люби (предл. пад.) Прл. 83б, леда Прл. 119а. 120а. 121б. Ап. 66а. 82б (ледва Ап. 8а), обетшаютъ КР. 19б, обертает'ся КР. 116б, обертаетъ КР. 154а. Каз. 65б, обернулися КР. 158а, обязуетъ ЗБ. 52а, обернѣмъ Ог. 112б, обернется Ог. 55 [1]).

4) *К* выпадаетъ въ словѣ мякы Ев. 22б (мяккіи шаты Каз. 70а, мякчила Мес. 203б).

5) *Г* выпадаетъ въ словахъ иноязычныхъ: физелоици ЗБ. 13б, діоенеса Ог. 9а, силоизму Ап. 97б, еографовъ ib. 100б, Онорій ib. 116а, траедія ib. 124б.

6) *Н* выпадаетъ: фудаменъта ЗБ. 9а, фудаменъту ib. 74б, фудаменътохъ ib. 66б, фудаменътовъ ib. 67а.

7) *Л* выпадаетъ въ муж. родѣ прошед. времени, если ему приходится стоять послѣ согласныхъ: могъ Ап. 22а, поприсягъ ib. 23а, знѣсъ ib. 25б, прибѣгъ ib. 112а.

8) Въ этомъ же отдѣлѣ приведемъ слова, которыя въ разсмотрѣнныхъ нами памятникахъ употребляются безъ *в*, которое хотя и не принадлежитъ корню или приставкѣ, но обыкновенно въ современномъ языкѣ употребляется въ нихъ—всегда или иногда: честуетъ—честовати Каз. 55а, честуютъ Прл. 115а (въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ это слово встрѣчается также съ *в* и безъ него Miklosich. Lexicon-polaeoslovenicum s. v.); участовати Ог. 47а, спомнѣ Прл. 20б, споминаетъ ib. 67а. КР. 19б, 23б. 24а. 29а. 164б и т. д; озмѣте Прл. 53б, озми ib. 87а, озме ib. 142б, озметъ ib. 139а КР. 15а, озмемъ Каз. 7б. 62а и т. д. Безъ приставочнаго *в* встрѣчается также въ памятникахъ и числительное восемь, которое теперь всегда имѣетъ въ началѣ *в*. Не лишено интереса и то, что вмѣсто употребляемаго теперь въ качествѣ пред-

---

[1]) *В* выпадаетъ передъ *л* и въ словахъ, заимствованныхъ изъ польскаго: злаща Ап. 41а. 41б. 59б, Ладислава ib. 168а,

лога слова вмѣсто въ памятникахъ гораздо чаще встрѣчается одно существительное — безъ предлога; въ такомъ видѣ оно встрѣчается въ Ключѣ разумѣнія, Казаняхъ и Зерцалѣ богословіи, напр. мѣсто лютнѣ Каз. 76а, мѣсто скипетра Прл. 85б, мѣсто дожчу КР. 88а. 209 (но также— вмѣсто огона КР. 141а [1]).

---

[1]) Примѣры употребленія этого слова въ Стоглавѣ: во отецъ твоихъ мѣсто быша Стг. 103, въ него мѣсто ib. 117, въ себе мѣсто прикажешъ судити ib. 262, въ свое мѣсто повелитъ судити ib. 298, въ свое мѣсто присылали слугъ ib. 301.

IV. МОРФОЛОГІЯ.

Склоненіе существительныхъ.

Старинное склоненіе именъ существительныхъ къ этому времени должно было подвергнуться весьма значительнымъ измѣненіямъ. Этому способствовали во 1-хъ, измѣненія въ области звуковъ гласныхъ (переходъ древняго *ѣ* въ *и*, совпаденіе въ одномъ звукѣ *ы* и *и*, отвердѣніе *е*), во 2-хъ, дѣйствіе аналогіи, повлекшее за собой смѣшеніе различныхъ именныхъ основъ, а вслѣдствіе этого и смѣшеніе падежныхъ флексій; въ 3-хъ, измѣненіе въ области звуковъ согласныхъ (отвердѣніе согласныхъ, способъ сочетанія ихъ съ гласными); въ 4-хъ, законы благозвучія въ это время значительно разнились отъ законовъ, господствовавшихъ въ болѣе раннее время.

Приступая къ перечню особенностей въ склоненіи существительныхъ по падежамъ, отмѣтимъ прежде всего, что 1) существительныя на *енъ*, представляющія въ теперешней живой рѣчи бѣглый гласный, въ разсматриваемое время не выбрасываютъ *е* въ косвенныхъ падежахъ: на камени КР. 24б. 53а. 123б, каменемъ Ог. 7. 640, камени—ня Ог. 55, при камени Ог. 649, при каменю ib. 679, каменей ib., каменемъ - каменю Об. 52а; перстеня[x] КР. 107а, перстенѣ Ог. 36, на перстеню Ог. 353, перстенемъ ib. 357, 360, перстеня ib. 679[1]); при корени КР. 171а, степени Ог. 982. *Е* выбрасывается въ одномъ только су-

[1]) У Котошихина—перпстми золотыми съ каменьемъ, 14.

ществительномъ — степню род. ед. Ап. 182б (но иншого степени Ап. 116б. 118б), по степняхъ ЗБ. 51б; по всей вѣроятности, бѣглость гласнаго въ этомъ существительномъ вызвана польской огласовкой этого слова — stopień — stopnia, весьма часто употребляемаго въ памятникахъ, нпр. на якимъ стопню Ап. 37б и др.

2) Имена съ согласными основами образовали склоненія по образу именъ съ основами на звукъ гласный. Изъ различныхъ падежныхъ формъ такихъ существительныхъ приведемъ слѣдующія замѣчательныя: хоруговъ им. ед. Ог. 96, кровъ Мес. 227б, церковъ Снп. 63, любвы Прл. 26б. 48а, цр҃квы КР. 170б, дочъки ЗБ. 43б, маткѣ род ед. Ап. 13б, сѣмены Мес. 87б, дитям тв. ед. КР. 190а. 204б. 250б, звѣрямъ то-же КР. 212б, сѣмям҄ то-же Мес. 27б, цр҃квою Прл. 32а. КР. 203а, хоругвою Ап. 156а, любовою Каз. 124б, цр҃ковою Ог. 112, уха Прл. 53б. 115б. 118б. ЗБ. 13а 40а, кола Прл. 142б. Каз. 112б (но колеса КР. 219а, въ ко́леси КР. 138а), чуда КР. 155а. 217б. Каз. 33б, чудоᵐ дат. мн. Каз. 149а, колами Ог. 19, ухъ Прл. 156а, очей КР. 88а, чудовъ КР. 217б. 225б. Каз. 68а, цр҃квами Ап. 159а, церквахъ Снп. 63. Оборона же склоняетъ церковь во множ. чис. всегда мягко: церквямъ Об. 35а, церквями ib. 11б. 40б.

Зват. пад.—до́чко ЗБ. 35б.

3. Двойственное число сохранилось лишь въ весьма незначительныхъ остаткахъ: крилома Прл. 12б. 28б, рукама Прл. 155б, очима Прл. 40а. 113б. КР. 25б. Ог. 82. Ап. 79а, ушима КР. 25б, очу Ап. 106б, встрѣчается и двома́ крылами КР. 189б. Равнымъ образомъ и при числительныхъ два, обадва, три, четыре, поставленныхъ въ именительномъ или винительномъ падежѣ, существительныя могутъ стоять въ формѣ, соотвѣтствующей древней формѣ двойствен. числа: на обѣ странѣ Прл. 9а. 22а. 24а, двѣ дорозѣ Прл. 119б, двѣ птици Ев. 21б, двѣ медведици КР. 76б, двѣ крилѣ ЗБ. 59б, двѣ лептѣ Ог. 4, двѣ натурѣ Мес. 27а, двѣ натури Мес. 107б, три дузѣ

КР. 125а, двѣ шатѣ ib. 146б, три царѣ КР. 150а, три каменѣ Каз. 117а, три м҃цѣ Каз. 135б, два пѣнязѣ ib. 149б, двѣ пръсонѣ ЗБ. 15б, два варяга Снп. 44, двѣ крылѣ КР. 188б. Но встрѣчаются въ памятникахъ довольно многочисленные случаи, представляющіе послѣ указанныхъ числительныхъ постановку множ. часла: обѣдвѣ тыи натуры КР. 8б, обѣдвѣ ру́ки КР. 72б, обидвѣ ру́ки ib. 177б, обадва законы КР. 132б. Каз. 114а, обидвѣ тыи части КР. 139а, двѣ ваги Каз. 105б, на обидвѣ ноги Каз. 130б, за чтыри край Каз. 132а, два елементы ЗБ. 12а, четыры роги Ог. 640, двѣ натуры Мес. 25б. 27а, чтыри посты, чтыри разы КР. 46а. Иногда даже при такомъ сочетаніи неправильно употребляется родъ числительныхъ: обѣдвѣ тыи имена Мес. 80а, двѣ поколѣня КР. 160а, двѣ дерева Каз. 108б, тые двѣ словѣ Ап. 121б. Множественное число при другихъ падежахъ этихъ числительныхъ составляетъ правило: двома початками Прл. 8б. съ двѣма персонами ib. 30а, трохъ младенцовъ ib. 42б, между двѣма разбойниками ib. 92б, передъ трема роки Об. 6б, двохъ сыновъ Снп. 42, по двохъ лѣтехъ Каз. 118а, по трохъ днехъ ib. 134а, межи тыми двѣма станы Ап. 187б. Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что довольно отдаленное отъ насъ время представляетъ такія же явленія въ этой области, какъ и современное малорусское нарѣчіе [1]) и бѣлорусское [2]).

4. Весьма немногочисленныя имена муж рода на *й* образовали падежныя окончанія по образцу польскаго склоненія: Юрему (= Юрію) Ап. 35а, Леонтему (= Ле-

---

[1]) Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ Ф. Миклошича въ переводѣ Н. В. Шлякова стр. 342—343. Данныя объ употребленіи двойственнаго числа находятся также въ разныхъ мѣстахъ Очерка русской діалектологіи III. проф. Соболевскаго.

[2]) Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи 98—99. Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи въ Р. Ф. В. 1890 г., IV. стр. 215.

онтію) ib. 36а, Игнатего (= Игнатія) Об. 38б (два раза). Сомнительно однако, чтобы такія формы были свойственны живой народной рѣчи: система склоненій того времени отличается полной самобытностью.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній приведемъ данныя памятниковъ, характеризующія измѣненія существительныхъ по падежамъ, причемъ замѣтимъ, что не представляется необходимости распредѣлять существительныя по склоненіямъ, хотя бы по дѣленію Миклошича: такого рода изложеніе по необходимости повело бы къ частымъ повтореніямъ.

Имен. пад ед. ч. муж. р. иногда имѣетъ флексію *о* или *е* вмѣсто *ъ* или *ій*. Григоріе Прл. 9а. Ном. 125. ЗБ. 17а, (Григорій ЗБ. 28а, Григорый Мес. 117б), Василіе Ном. 2. 8. 17. 18. ЗБ. 16а. 28а, Аѳанасіе Ном. 78, Македоніе Ном. 94, Николае Ном. 99. Каз. 21б, Антоніе Ном. 126, Ное КР. 50а. 94а. 101б. Ог. 984. 985, Диописие ЗБ. 6б, Марко Ог. 94. Мес. 37б. 4а, Данило Снп. 180, Кирило Об. 51б, Михайло Об. 41б, Гурко (или Гуро́къ — богъ Мамая) Снп 166. Такого рода именительные падежи, сходные по своей флексіи съ древними звательными (хотя и не тожественные съ ними), вызываютъ различныя объясненія [1]), а нѣкоторыя изъ приведенныхъ формъ, въ родѣ Василіе, Антоніе, проф. Соболевскій склонилъ считать не чисто русскими, а средне-болгарскими (Лекціи [2] 176). Дѣйствительно, принимая во вниманіе данныя современной рѣчи, возможно усумниться въ ихъ народномъ характерѣ; но слова въ родѣ Марко, Данило, существующія и теперь въ живой рѣчи, не вызываютъ сомнѣній относительно своей принадлежности южнорусскому нарѣчію. Считать ихъ звательными падежами едва ли возможно, такъ-какъ и самая ихъ форма мѣшаетъ дѣлать это, хотя съ синтактической точки зрѣнія и нѣтъ препят-

---

[1]) Archiv für slavische philologie VII, 60 — 61. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка [2] 175 — 176. Ягичъ. Критическія замѣтки по исторіи рус. яз., 105.

ствій [1]). Возможно, какъ намъ кажется, происхожденіе ихъ объяснить чисто фонетическими причинами: древнее нпр. Маркъ, очевидно, было неблагозвучно и требовало вставочнаго гласнаго, какимъ и явился по общему правилу *о*,—появилась форма Марокъ Об. 45 (въ польской формѣ Марекъ ib. 48), существующая въ памятникахъ рядомъ и на такомъ же основаніи, какъ Гурко́, Александеръ при Александро҃; вліяніе же косвенныхъ падежей и словъ ср. р. способствовало появленію *о* и въ именит. п.

Въ род. пад. ед. ч. муж. р. чаще употребляется *у*, чѣмъ *а* [2]): початку Прл. 9а. смѣху—плачу ib. 10а, ѳченашу ib. 12а, вѣку ib. 39а, случаю, часу ЗБ. 15а, посагу ib. 52б, Въ сущ. одушевленныхъ является *а — я*: збавителя Мес. 104а. Прл. 25а, тво́рца Прл. 41а, чл҃вка КР. 6б. Но и одушевленныя, особенно собирательныя, охотно принимаютъ въ этомъ падежѣ окончаніе *у*: народу Ап. 25б, синоду ib. 44а. 115б, люду посполитого ib. 73а.

Въ существительныхъ жен. р. съ тематическимъ *а* въ мягкомъ склоненіи всегда употребляется *ѣ* или *и*: земли Ев. 11б, зневолѣ Прл. 6б. Ог. 3, душѣ Прл. 9а, овци ib. 28б, голубици ib. 76а, птицѣ Ном. 56, землѣ КР. 94а. ЗБ. 13а. Ог. 7, до каплици КР. 190а. Ог. 46, овчарнѣ ЗБ. 58а. Въ среднемъ родѣ и женскомъ съ твердымъ окончаніемъ родительный падежъ имѣетъ такія же окончанія, какъ и теперь.

Дательный пад. сущ. муж. р. отдаетъ рѣшительное предпочтеніе окончаніямъ *ови* и *еви* передъ *у* и *ю*: помощ-

---

[1]) Потебня. Изъ записокъ по русской грамматикѣ [2], стр. 93—96. Формы им. п. на *о* вм. *ъ* встрѣчаются и въ великорусскомъ, не знающемъ зват. п.: Михайло Ѳеодоровичъ Кот. 4, (два раза), 142.

[2]) Въ Стоглавѣ также читаемъ формы: чину, роду 45, причту 50, прохладу 54, выходу, отпуску 96, зазору 107, входу, приносу 141. У Котошихина: выходу, покою 34, роду 47, указу 67, збору 97, выкупу 98, пожару 102, досмотру, пріему, росходу 113 и т. д.

никови Прл. предм. 2а, Іоаннови іb. 42б, збавителеви іb. 59б, учителеви іb. 92а, Іосифови и Никодимови іb. 95а, презрителеви Ном. 86, Каѣнови КР. 42а, Вакхеовѣ КР. 61а, цареви КР. 76а, простакови ЗБ. 6а, купцеви Каз. 19а, цесарови Каз. 60б. Какъ и теперь, въ дат. п. можетъ быть и ёви: концови — концеви Мес. 56а, Констанціови Ап. 112а. Встрѣчаются, конечно, въ этомъ падежѣ и окончанія *у—ю*, но почти только въ случаяхъ, гдѣ рѣчь памятника не заключаетъ въ себѣ словъ и оборотовъ народной рѣчи.

Въ женскомъ родѣ съ основами на *а — я* находимъ обыкновенно *ѣ* или *и* съ обычнымъ смягченіемъ предшествующихъ согласныхъ: матцѣ КР. 216а, повазѣ ЗБ. 11б, слузѣ Ап. 155б, Луцѣ Мес. 188б, послузѣ Ап. 61а, перестрозѣ Ап. 119б, Олзѣ Снп. 29, стрѣсѣ Снп. 33. Мягкое склоненіе подражаетъ твердому: облюбеници Прл. 102б. 103а, души Прл. 103а, таемници Ог. 340, лвици — медведици Мес. 124б. Изрѣдка, подъ вліяніемъ иноязычнымъ, встрѣчается здѣсь необычное для южнорусскаго смягченіе согласныхъ: патріарше Ап. 95б (но правильно — патріарсѣ Ап. 130а), патриярше Об. 61б.

Винительный падежъ не представляетъ особенностей сравнительно съ современными формами; у одушевленныхъ муж. р. онъ равенъ родительному.

Звательный падежъ въ сущ. муж. р. представляетъ двѣ формы: онъ или унаслѣдовалъ окончаніе отъ старины, или образуется посредствомъ *у* (послѣ гортанныхъ); въ первомъ случаѣ гортанные подлежатъ смягченію, во второмъ они остаются безъ измѣненія; стремленіемъ сохранить безъ измѣненія тематическій гласный и объясняется образованіе этого падежа посредствомъ *у*. Примѣры: слухаче Прл. 4б, брате Прл. 56а, чловѣче Прл. 84а, жените ЗБ. 40б, чителнику Прл. 1а, простаку іb. 9б, страннику іb. 28а, Антіоху КР. 181а, грѣшнику—роскошнику ЗБ. 41б. Въ существительныхъ жен. р. звательный падежъ образуется

правильно —по старинѣ: сыло Прл. 34б, обронцо іb. 66б, безно іb. 102б, голубице іb. 159а, дочко ЗБ. 35б, соломо Ог. 644 и т. д.

Творительный падежъ въ сущ. муж. рода представляетъ замѣну древнихъ окончаній *ѣмъ — ъмъ* (*ъ* на концѣ утерянъ, какъ сказано выше); въ женскомъ родѣ древній *юсъ* перешелъ по общему правилу въ *ю*, а предшествующій ему *i* обратился въ мягкій знакъ, (ь), слившійся потомъ съ согласнымъ, поэтому и получились формы: роскошу Прл. 54а, похотю Прл. 111а, солю КР. 39а, помочу Каз. 41б, терьпеливостю ЗБ. 57б, радостю Прл. 36б, вѣдомостю іb. 46а, свѣтлостю іb. 58б. Двойного согласнаго въ этомъ падежѣ памятники не пишутъ, равно какъ не встрѣчаемъ надъ согласными и надстрочнаго знака.

Предложный падежъ, какъ и звательный, представляетъ также двоякое окончаніе: въ немъ мы находимъ или *и* — намѣстникъ древняго *ѣ* — и подравненіе формъ мягкаго склоненія къ формамъ склоненія твердаго, или же въ муж. и ср. р. встрѣчаемъ новое окончаніе *у — ю*, вызванное желаніемъ сохранить при гортанныхъ тематическій согласный безъ измѣненія: при боку Прл. 28б, въ патерику Снп. 88, о Богу Прл. 8а, въ Изборску Снп. 24, о Осколду и Диру Снп. 24, у самовластїю Прл. 4а, при казаню Прл. 8а, вдобромъ здоровю Прл. 64а, на дожчу Каз. 13б, на мору ЗБ. 55а, при гетману Їоанну Самойловичу Снп. 203 [1]). Или же: на Ердани Прл. 11а, въ темници іb. 19б, в'мори іb. 42а, по воли іb. 43а, о ласцѣ Мес. 151б, на версѣ

---

[1]) Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ предл. пад. въ разсматриваемое время *у* встрѣчается чаще, чѣмъ теперь, и въ памятникахъ великорусскихъ: о сыску измѣнниковъ Кот. 114, во всемъ священническомъ сану Стг. 86. 101. 111, о второмъ браку іb. 116, о четвертомъ браку іb. 117, о церковномъ чину іb. 141. 158, въ нынѣшнемъ послѣднемъ роду іb. 232. 250, о всякомъ причту церковномъ іb. 50, указъ о звону іb. 83. Во Стоглавѣ приведенныя формы, по всей вѣроятности, новгородскаго происхожденія.

Снп. 89, о Мономасѣ Снп. 95, въ кождой души Прл. 76б, у правици и лѣвици ib. 77б, 149а, на олтари КР. 13а. 160б, на мори КР. 195а, в' монастыри Каз. 105а, о Лазари Каз. 105б, при лици ЗБ. 3а, в' колысцѣ КР. 214а, въ огни ЗБ. 10а, при цари ЗБ. 22а, на дорозѣ Ог. 65б, в' лодце Ог. 348. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ въ этомъ падежѣ смягченіе согласныхъ не въ духѣ русской фонетики: о потѣше Ап. 124б (напотѣсе ib. 177а), а въ одномъ случаѣ согласный не смягчается: в' шкатулкѣ КР. 80б.

Какъ въ предложномъ, такъ и въ дат. пад. возможно встрѣтить въ памятникахъ и окончаніе *цы* вмѣсто *ци*: столицы дат. ед. Об. 1б. 19а, на улицы КР. 50а, въ працы Ог. 3а и др. Такого рода написанія не служатъ отраженіемъ народнаго выговора этихъ словъ, а являются слѣдствіемъ иноязычнаго вліянія [1]).

Имен.—винит. пад. въ муж. р. въ твердомъ склоненіи имѣетъ одно окончаніе, такъ какъ древніе *ы* и *и* совпали въ одномъ звукѣ: смради брыдкіи вин. п. Прл. 2, врозмаитіи грѣхи Прл. 6а, рабы вѣчныи им. п. Прл. 15б, долги нашѣ вин. Прл. 19а, между Чехи и Ляхи Снп. 84, за други ЗБ. 26а, учинки добріи вин. ЗБ. 62б, за подвиги и выслугы ЗБ. 66а. Иногда имен. падежъ, представляя форму винительнаго по флексіи, въ то же время имѣетъ смягченный согласный; такъ, рядомъ съ жыды им. п. КР. 89б, звѣры им. п. КР. 40а, червы им. Прл. 110а встрѣчаемъ формы именит. падежа: вразы Прл. 117а. 159б, облацы ib. 161а.

Въ мягкомъ склоненіи весьма обычной флексіей имен.—вин. падежа является *ѣ* [2]): вязнѣ им. п. Прл. 29а. ЗБ. 26а, дѣ-

---

[1]) Въ теперешней рѣчи формы въ родѣ на речцы (Соболевскій. Очеркъ русской діалектологіи, III. 21)—рѣдки.

[2]) Нѣсколько соображеній о процессѣ совпаденія имен. и вин. падежей высказано проф. Брандтомъ въ Сравнительной морфологіи славянскихъ языковъ, стр. 348.

лателѣ — обывателѣ Прл. 40б, родичѣ Прл. 91б. ЗБ. 3б, конѣ вин. Прл. 114а, мучителѣ ЗБ. 4б, межи обывателѣ ЗБ. 6а, пожигателѣ ЗБ. 3б. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, названія одушевленныхъ предметовъ въ вин. пад. могутъ принимать ту же флексію, что и названія предметовъ неодушевленныхъ; иногда же въ нихъ винит. падежъ = родительному; но это не составляетъ правила, напр. волы́, ко́злы, бараны́, о́вцы, голубы́, воробѣ вин. п. Мес. 224а.

Кромѣ приведенныхъ флексій, въ имен. пад. муж. р. встрѣчаются и другія: 1) *е*, въ существительныхъ, оканчивающихся въ ед. числѣ на *инъ*: люде (отъ древняго людинъ) ЗБ. 35б. Ап. 14б. 112б. 205б, погане (отъ поганинъ— погани́на Мес. 157б) Ог. 19. Снп. 18. Мес. 143б, мѣщане Прл. 47а. Впрочемъ, существительныя этой категоріи охотно принимаютъ и общераспространенные въ этомъ падежѣ окончаніе ᵫ: махометяны Снп. 57, люди Ап. 9а. 51б [1]).

2) *Ове* и *еве*: умове—чинове ЗБ. 3б, зубреве ib. 16б, ѳеоліо́гове Мес. 227б, герцѣрове Прл. 114а, Астроліо́гове Каз. 22а и т. д. Въ настоящее время это окончаніе употребляется весьма рѣдко, а въ нѣкоторыхъ говорахъ и совсѣмъ не употребляется.

3) *А* встрѣтилось только одинъ разъ въ словѣ мѣстнаго происхожденія: слуха вашѣ ЗБ. 73б. Въ словахъ латинскихъ, заимствованныхъ черезъ посредство польскаго, *а* встрѣчается довольно часто, напр.: иншіи елемента Каз. 22а, чтыри елемента КР. 39б, всѣ сакрамента КР. 33б,

---

[1]) Въ памятникахъ великорусской письменности *е* въ этихъ существительныхъ употребляется послѣдовательнѣе: боляре Стг. 31. бояре ib. 53; крестьяне ib. 75, миряне ib. 76. 166. 193, уличане ib. 176, прихожане ib. 177. У Котошихина такія слова иногда принимаютъ форму собирательныхъ: дворяня Кот. 46 (дворяне ib.), татаровя, греченя 98, любченя 120, съ ними срв. Чувашу, Черемису 140.

но и здѣсь не рѣдко встрѣчается окончаніе свое: два елементы ЗБ. 12а и т. д. [1]).

Въ твердомъ женскомъ склоненіи съ основой на *а* имен. вин. представляетъ звукъ правильно соотвѣтствующій древнему *ы*, а въ мягкомъ — вмѣсто древняго *юса* находимъ *ѣ* или *и*: дочки ЗБ. 62а, выслугы ЗБ. 66а, улици злотыи КР. 99а, сукнѣ вин. КР. 81а, на шіѣ КР. 240а, ноздрѣ ЗБ. 13а.

Такимъ образомъ, память о родовомъ окончаніи въ именит. пад. множ. ч. въ разсматриваемыхъ памятникахъ уже не сохранилась, и имена муж. р. принимаютъ такое же окончаніе, какъ и имена рода женскаго.

Въ род. пад. муж. рода находимъ окончанія:

1) *увъ*: поганувъ ЗБ. 5а. 33а, народувъ ib. 24а, хорувъ ib. 27а и т. д.

2) *овъ* и *евъ*: неволниковъ Прл. 6б, катовъ ib. 7а, родичовъ ЗБ. 3б, друговъ Прл. 22а. 71б. 106а, волосовъ Каз. 104б, злодѣевъ Прл. 7а, зміевъ и скоропіевъ ib. 97а, приходневъ КР. 58а, обывателевъ ЗБ. 38а.

3) *ёвъ*: обычаі҃овъ КР. 83а, краі҃овъ ib. 86б, пріятелі҃овъ ib. 211а, краі҃овъ ib. 232б, напоі҃овъ Каз. 71а, круловъ ЗБ. 24а.

4) *ей*: мытарей—гонителей Прл. 29а, непріятелей ЗБ. 26а, людей Ном. 73. КР. 243б, грошей Каз. 37а, каменей Ог. 679, мѣсяцей Ог. 378. Ап. 36б, козарей Снп. 25. 38.

5) *ій* (графическая замѣна *ей*): разій Ог. 90, грошій Каз. 28б, людій ЗБ. 2а, коній ЗБ. 24а.

---

[1]) Окончаніе *ы* для именъ средняго рода, встрѣчаемое у Котошихина (и въ бѣлорусскомъ — Карскій Р. Ф. В. XXX. 41), напр. подъ Казанское и Астараханское и Сибирское царствы Кот. 1. Иверское, Карталинское, Грузинское государствы лежатъ подъ властью ib. 43, въ томъ приказѣ вѣдомо Казанское и Астараханское царствы ib. 102, царствы Казанское, Астараханское... княжствы Смоленское, Полотцкое ib. 139, въ нашихъ памятникахъ не встрѣчаются,

6) *ъ—з*: локотъ Каз. 56аб. 99б. Изъ приведенныхъ формъ первая легко можетъ быть приписана польскому вліянію, а вторая представляетъ, по всей вѣроятности, книжный архаизмъ; остальныя четыре были свойственны живому народному говору, при чемъ окончаніе *ей* было въ старину гораздо болѣе распространено, чѣмъ теперь.

Въ среднемъ родѣ рядомъ съ обычными формами, какъ напр.: дѣтокъ ЗБ. 34б, мѣстецъ Ап. 106б, мѣсте́чокъ Ог. 1007, яечо́къ Ог. 35 (яечко́ ib. 38) встрѣчаемъ и такіе архаизмы, какъ поль Снп. 19 (уполь Стг. 180 [1]).

Женскій родъ существительныхъ съ основами на *а* принимаетъ въ род. пад. обычное окончаніе *з* или *ъ*, при чемъ по требованію благозвучія вставляются гласные *о* и *е*: овечо́къ Прл. 66б. Ап. 19б, поховъ КР. 142б. Ог. 380, мл҃товъ Каз. 145а, гривенъ Пат. 14а, овчарень Ап. 113а, плетокъ Ап. 122б. 146б. Имена съ основами на *ъ* принимаютъ окончаніе *ей*, какъ и теперь; иногда, по ихъ образцу, принимаютъ это окончаніе и существительныя съ основами на *а*: мышей Ном. 89, костей КР. 98а, 107б, роскошей КР. 169б. 187б. Каз. 31б, трудностей ЗБ. 2а, бытностей ib. 15а. 19б, тисяцши ЗБ. 6б. Встрѣчающееся здѣсь *ий* объясняется такъ же, какъ и въ мужескомъ родѣ.

Въ дат. пад. муж. и ср. р. самымъ обычнымъ окончаніемъ является *омъ—емъ*: родичомъ ЗБ. 4а, властелемъ ib. 6а, неволникомъ Ог. 106, телесникомъ ЗБ. 46а, очомъ Ог. 10, ушомъ Ог. 1125, вожемъ Ап. 179б, княземъ Снп. 158, людемъ КР 33б. 46а. Встрѣчаются и окончанія *умъ—юмъ*: бг҃ословцумъ Прл. 50а, крулюмъ Прл. 118а, смѣхотворцумъ Прл. 118а, діяволумъ ib. 143а, згордителюмъ ib. 151б. Окончаніе *амъ*, которое на сѣверѣ Россіи встрѣчается уже до 1308 г. [2]), въ нашихъ па-

---

[1]) У Котошихина: а приходъ бываетъ тому хлѣбу... съ поль, что сѣется на царя, 90.

[2]) А. Шахматовъ. Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ, 196.

мятникахъ встрѣчается весьма рѣдко: словамъ Прл. 151а, покусамъ КР. 29б. Сомнительно, чтобы живому говору было свойственно окончаніе *овомъ*, изрѣдка попадающееся въ памятникахъ; такія формы, какъ бѣсовомъ ЗБ. 8а, гласовомъ Ном. 134, дх҃овомъ КР. 225б Каз. 102а, образованы были книжниками и въ книжной рѣчи только и употреблялись.

Въ творит падежѣ преобладаетъ древнее окончаніе *ьми*, при чемъ ь или умягчаетъ предшествующій согласный, или не оставляетъ послѣ себя никакого слѣда: люд'ми ЗБ. 27а, злостьми ib., свирил'ми Каз. 34б, сыньми Ап. 186б, звѣрмы КР. 56а, смертми Ог. 1007, камѣнми Каз. 78б, добродѣтелми Ог. 680, выкрутачми Ап. 8б, кухарми Ап. 104б, товаришми Ап. 9б. 13а. Нерѣдко находимъ здѣсь женское окончаніе — *ами*: поляками Снп. 100, полями Снп. 123, звѣрами Прл. 147б, ланцухами Прл. 157а. КР. 85а. 138б, пріятелями КР. 11б, рогами КР. 10а, олѣйками КР. 29а, дожчами КР. 59б, ощѣпами Прл. 76б. Гораздо рѣже встрѣчается творит. пад. съ окончаніемъ *ы/и*: ногты ЗБ. 21б, тыми словы Ап. 26б, 198а, ср҃цы Каз. 7б, съ грѣшники Прл. 26б. Мес. 205б, межи тымѝ двѣма станы Ап. 187б, зубы скрегочи Прл 9а, передъ трема роки Об. 6б.

Предложный падежъ представляетъ три окончанія: 1) древнее *ѣхъ = ихъ*: херувимѣхъ Прл. 58б, в' тыхъ лѣтихъ ЗБ. 4а, о примѣтихъ Снп. 153 (судя по формѣ *примѣтовъ* Снп. 154 приводимое слово было не женскаго рода или же не только женскаго), по килка лѣтехъ Мес. 156б, дѣлехъ Прл. 29а [1]). Подъ вліяніемъ иноязычнымъ явились такія формы, какъ *во волошехъ* Об. 7б (ве влошехъ Ап. 107б), представляющія вмѣсто свистящаго — шипящій.

---

[1]) *ехъ* явилось здѣсь, какъ и въ бѣлорусскихъ памятникахъ, подъ вліяніемъ основъ на ъ.

2) Окончаніе *ахъ—яхъ*: срдцахъ Мес. 201б, о добродѣйствахъ Прл. 25б, припадкахъ Прл. 33б, о словахъ Прл. 150б, ЗБ. 51б. перфумахъ КР. 58б, по степняхъ ЗБ. 51б.

3) Окончаніе *охъ*: о звѣрохъ КР. 246б, въ устохъ ЗБ. 23а; особенно часто *охъ* встрѣчается въ памятникахъ, изобилующихъ бѣлоруссизмами: при пастырохъ Ап. 16б. 64а, о праздникохъ ib. 49а, о такихъ ляикохъ ib. 55б, о иереохъ ib. 63а, о докторохъ ib. 83б. и т. д.

Такимъ образомъ, окончанія дат., твор., предл. пад. *амъ—ямъ*, *ами—ями*, *ахъ—яхъ* въ прежнее время были гораздо менѣе распространены, чѣмъ теперь; рѣже всего въ памятникахъ употребляется *амъ—ямъ*.

Приведемъ своеобразныя формы въ склоненіи слова пани Каз. 124а, род. п. у панеи своеи Каз. 145б (панее Сб. № 7. 22, панямъ № 28), дат. п.—паней Каз 137б, панюи своюй ib., вин. п. за панюю КР.218а. Каз. 137б, твор. п. панею КР. 206а.

Слѣдуетъ отмѣтить, кромѣ того, что нѣкоторыя существительныя въ памятникахъ имѣютъ не тотъ родъ, какой они имѣютъ въ теперешнемъ языкѣ; такъ, степень (пол. stopień—nia) м. р.: нѣякогось степени Ог. 982, нижшого степню Ап. 182б, срв. свой погубитъ степень Стг. 267; обувъ (пол. obuwie—ср. р.): обувъ подраный Каз. 92а, обувъ единъ Мес. 12б; иншыи цель Ог. 73 (пол. cel—муж. р.), незносный боль КР. 75б, з'болемъ КР. 208б [1]), див то не малый Прл. 58а, жалю ЗБ. 56б, оболокъ муж. р. Мес. 72а; здѣсь же можно помѣстить упомянутое раньше примѣтовъ Снп. 154, о примѣтихъ Снп. 153.

Нѣкоторыя существительныя имѣютъ по два рода; такъ, кôпіею Мес. 423а. КР. 70. 121а, кôпіемъ КР. 70. 121а; перлу многоцѣнную Каз. 27б, перлою Ог. 74, неошацованую перлу Ог. 4; существительнымъ женскаго рода это слово считается и въ Лексиконѣ П. Берынды, Перло ср. р.—названіе книги.

---

[1]) боля для, кболю Стг. 422. 423.

Склоненіе прилагательныхъ и мѣстоименій.

Въ склоненіи прилагательныхъ въ нѣкоторыхъ косвенныхъ падежахъ ед. числа замѣтно отразилось вліяніе древняго мѣстоименія *тъ*, которое, въ свою очередь, переняло нѣкоторыя членныя формы отъ прилагательныхъ. Кромѣ того, тематическій согласный остается безъ измѣненія во всѣхъ косвенныхъ падежахъ, не смягчаясь передъ мягкими гласными, что составляетъ правило при склоненіи существительныхъ; это, очевидно, обусловливается вліяніемъ формъ твердаго склоненія и тѣхъ падежей, въ которыхъ согласный не измѣняется.

Именит. (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и винительный) пад. представляетъ обычныя окончанія *ый—ая—ое* или соотвѣтствующія имъ мягкія: неситый ЗБ. 29а, желѣзній вин. п. Ог. 72, дорогій Ог. 344, щаслившая Ог. 990, третяя Прл. 164б, окружнѣе (посланіе) Ном. 95, коротшое КР. 22б.

Родит. пад. муж. и ср. р. представляетъ такія же окончанія, какія встрѣчаются въ памятникахъ бѣлорусскихъ и великорусскихъ [1])—*ого*, *его*, *ёго*: горкого, сѣрчаного Прл. 7а, меншого КР. 75б, мѣдяного іb. 238б, домашнего Прл. 20б, верхнего, нижнего КР. 44а, вѣтрнего КР. 119б, ближнего 131а, остатнїого Мес. 421б, третого Каз. 51б. Мес. 425б (послѣднее, конечно, могло произноситься не иначе, какъ третёго).

Попадаются и формы на *аго*, какъ найдолгшаго Ог. 40, будущаго Прл. 25а, рожшаго Ог. 115 и др., но они составляютъ достояніе языка церковно-славянскаго и играютъ роль орѳографическихъ архаизмовъ. Въ женскомъ родѣ самымъ распространеннымъ окончаніемъ является *ои*,

---

[1]) Владимировъ. Докторъ Фр. Скорина, 285. Въ памятникахъ великорусскихъ рядомъ съ окончаніями *ого—его* встрѣчаются уже *ово—ево*, равно какъ и третьеличное мѣстоименіе имѣетъ въ родител. пад. форму *ево*—Кот. 31. 49. 50. 67. 69. 70 и т. д.; другово Кот. 53. 56. 75.

смѣнившее древнѣйшее *оъ*: студенои воды Ог. 5, чартовскои неволѣ Прл. 52а, таковои ласки ЗБ 18б, зеленои травы Ог. 21, иншои фамѣліи Мес. 90а, дорожшеи Ог. 341, воли бозкои Прл. 2б, мовы людскои Прл. 8а, таковои вѣры Прл. 9а, землѣ волынскои Ап. 34а. 21а, енералнои ib. 22б, релѣй гре́ческой ib. 16а. Нерѣдко попадаются формы съ окончаніемъ *ой*: тоей неволѣ вашой Мес. 39б, невымовной красоты ЗБ. 18б, болшей Ог. 342, едной стороны Ог. 651, таковой вѣры Прл. 9б, власной правдивои вѣры Прл. 10а, ледаякой вѣры Ап. 67а, до тоей матнѣ Ап. 13б. Окончаніе *ое — ее*, весьма распространенное въ памятникахъ западно-русской письменности этого времени, въ южнорусскихъ памятникахъ встрѣчается рѣдко — въ качествѣ элемента заноснаго: вѣдомости досконалое ЗБ. 2б, речи посполитое Ап. 35б, нашее род. ж. р. ib. 50б и т. д. Существующія теперь формы род. п: *ои—ой* не могутъ быть возводимы къ этому *ое, ее*, которое, очевидно, не было свойственно живой рѣчи и въ разсматриваемое время.

Въ дат. п. муж. и ср. р. находимъ обычное и теперь окончаніе *ому*, *ему*: лютому и немилостивому кату, діяволу гнѣвливому и злосливому, скваплывому Прл. 20, шестолѣтному Ном. 131, наймилшему ЗБ. 2а.

Въ женскомъ родѣ этотъ падежъ, какъ и предложный, оканчивается на *ой*; послѣдній можетъ оканчиваться и на *ои*: о третои КР. 26а, въ доброти своей невымовный ЗБ. 1а, на недозримой высокости Прл. 31а, о одинадцятой КР. 26а, в' постатѣ голубинои КР. 29а, в' земли ческой Мес. 167б, хотящой Ог. 68, въ угорской земли Ап 50б. пошостной личбѣ Ап. 53. Стяженія гласнаго въ окончаніи этихъ падежей не находимъ.

Винительный падежъ въ жен. р. представляетъ обычныя и для теперешняго времени окончанія: ласку бозкую Прл. 5а, у двоякую ересь ib. 10б, окрывавленную КР. 5б. пошарпаную ib. Одинъ разъ встрѣтилась форма—злость неукротимою Прл. 48б.

Въ мужескомъ родѣ онъ = именительному или родительному, а въ среднемъ — именительному.

Въ творительномъ падежѣ древнее окончаніе *ъимъ*, *ымъ* должно было бы перейти въ $^{ы}_{и}$мъ, а въ предложномъ *ѣмъ* органически должно было бы дать *имъ*; оба падежа должны бы отличаться качествомъ гласнаго; но въ памятникахъ весьма часто рядомъ съ органическими формами встрѣчаемъ формы, развившіяся подъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія или представляющія замѣну одного падежа другимъ; такъ, рядомъ съ формами въ мору геенскомъ Прл. 4а, всякомъ пяницкомъ сосудѣ Ог. 6, на томъ розбойническомъ съборѣ Ап. 43б, о премыскомъ ib. 51а, у пресвѣтломъ тѣлѣ Прл. 7а, у двоякомъ прироженю ib. 9б, о станѣ малженскомъ Ог. 1120 встрѣчаемъ формы: в' писмѣ своимъ Ап. 64а, на римскимъ синодѣ Ап. 70а, в' смиренскимъ костелѣ Ап. 99б, на мѣсцу своимъ Ап. 142б (на своемъ мѣсци ib. 125а), въ свѣтѣ неприступнимъ Прл. 15а, на други^{м} мѣстцу КР. 16а, въ еврейскимъ языку КР. 20а. Приведенные примѣры, равно какъ и формы предл. пад. жен. рода на *ой*, показываютъ, что *имъ* предлож. пад. образовалось изъ мѣстоименнаго *омъ*, которое появилось на мѣстѣ древняго *ѣмъ*. Слѣдующія формы показываютъ, что памятники смѣшиваютъ падежъ творительный и предложный въ муж. и ср. родѣ: в' которым КР. 242а, в' дитинным вѣку КР. 249б, в' подлымъ одѣню Каз. 27а, в' золоты^{м} кірису Каз. 85б, на пляцу марсовы^{м} КР. 25а, в' еднымъ пусты^{м} дому Каз. 135б, в' духу пресвѣтлымъ ЗБ. 10а, при иншымъ царскимъ убіору Ог. 356, на сеймѣ головномъ варшавскимъ Ап. 30а, въ женскимъ слабымъ сосудѣ Ог. 669, въ градѣ, нарыцаемымъ Мес. 252б, о титуле, данымъ Ап. 104б. в листѣ, писанымъ Ап. 132а [1]).

---

[1]) Въ западнорусскихъ памятникахъ также встрѣчаемъ смѣшеніе творит. и предлож. п. Карскій. Два памятника стараго западнорусскаго нарѣчія въ Журн. Мин. Нар. Просв.

Творительный падежъ въ жен. родѣ представляетъ такія же окончанія, какъ и въ теперешней народной рѣчи: людскою персонною Прл. 2а, боязню бж̃ею выхованою ib. 4а, подвижною речу ib. 4б, вѣчною смертю ib. 7а, земною свѣтлостю бозкою ib.

Множественное число. Въ именительно-винительномъ падежѣ множ. числа, какъ и въ именахъ существительныхъ, родовое окончаніе утеряно, и всѣ три рода имѣютъ одно и то же окончаніе — *ыи, ые, іи, іе*: злыи ангелове, зазросливыи и непокорйвыи воли бозкои Прл. 2б, видимыи речи того свѣта и невидимыи Прл. 2б, иныи дивовиска Прл. 2а; звѣрове кроткіи Прл. 3б, в розмаитіи грѣхи Прл. 6а, даровáно таковыи бозкіи дáры... за таковыи добродѣйства Прл. 7а, на мѣста скалистіи ЗБ. 15а, муры камяные ЗБ. 46а, шаты бѣлыи и бѣлые ЗБ. 64а. 64б, нáболшіе годности Ог. 54, в' шаты скуряные КР. 4б,—шпетныи ib. 5б, слова тыѣ КР. 28б, людъскіи противности Ап. 2а, якіи люде Ап. 14б. и т. д.

Окончанія остальныхъ падежей не представляютъ особенностей сравнительно съ современными и одинаковы для всѣхъ трехъ родовъ. Приведемъ для полноты данныя, характеризующія склоненіе прилагательныхъ во множ. ч.

Род. п. оканчивается на *ыхъ—ихъ*: которихъ ЗБ. 5а. 6а. 21а, добрихъ ib. 7а, поважнихъ Прл. 1а, прекраснихъ и любимыхъ друговъ моихъ Прл. 22а, безъ твоихъ початковъ зловѣрныхъ Прл. 9б, своволныхъ людии ЗБ. 26а, теолоичныхъ Ог. 678.

Дат. п. *ымъ—имъ* восточнимъ Ап. 131б, къ заблудшимъ овцамъ Прл. 28б, вашимъ милостямъ Прл. 59б, чистимъ ЗБ. 16б, ласкамъ вашымъ КР. 9а, найвышшымъ КР. 29а.

Творит. пад. *ыми — ими*: землю розмаитыми свѣти украшаетъ, а море мглами темними покриваетъ Прл. 36б, многими Ог. 374, скрытими ib. 681, щасливыми ib. 990,

---

CCLXXXVIII. 420, 422. Мнѣ только кажется, что нѣтъ необходимости прибѣгать къ вліянію существительныхъ.

найученъшими Ап. 126б, которими ЗБ. 14б, великыми ib. 24б, пышними ib. 40а, козѣми скурками КР. 4б, удовими ЗБ. 25а.

Предлож. пад.—*ыхъ—ихъ*, какъ и родительный: в дарехъ дивнихъ Прл. 40а, в тыхъ свѣтлостяхъ ib. 39б, в злыхъ припадкахъ ib. 33б, на высокихъ Ог. 116.

Не безынтересно отмѣтить тотъ фактъ, что звукъ *ё* въ окончаніяхъ прилагательныхъ встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ окончаніяхъ существительныхъ, какъ показываютъ приведенные примѣры. Суженіе гласныхъ *е* и *о* и появленіе на мѣстѣ ихъ *и* встрѣчаемъ лишь въ предложномъ падежѣ муж. р. и сред.; въ формахъ женскаго рода оно не попадается (встрѣчается лишь форма—въ ній Ог. 1104); равнымъ образомъ не знаютъ стяженія формы дат. пад. ед. ч. жен. р. *У* или *ю* вмѣсто основныхъ *о* и *е* прилагательныя не знаютъ; *ё* въ этомъ положеніи намъ встрѣтилось всего одинъ разъ— в' черевѣ рыбіомъ Мес. 256а (по суботнимъ дню ib. 256б). Должно полагать, что переходъ основныхъ *е* и *о* въ *ё* и сжатіе ихъ началось раньше въ склоненіи существительныхъ и притяжательныхъ мѣстоименій, чѣмъ въ склоненіи прилагательныхъ. Укажемъ также и на то, что памятники представляютъ слишкомъ мало примѣровъ склоненія прилагательныхъ, употребляемыхъ въ качествѣ опредѣленій, по именному склоненію; рѣшительно возобладало склоненіе мѣстоименное, членное, и такихъ формъ, какъ третя Прл. 76б, повенъ мѣхъ, полну бочку КР. 59а, повен' засѣк' Каз. 124а, добре вм. добрее Каз. 64а, встрѣчается весьма немного. Всего чаще прилагательныя склоняются по именному склоненію въ томъ случаѣ, когда опускаются при нихъ существительныя, напр., то неподобна (подраз. рѣчъ) Ог. 375, то ди^вна Ог. 72, што есть неподобна Ап. 59а, хотя и въ этомъ случаѣ употребительны формы членныя: то неподобная Ог. 1005, неможная речь естъ Мес. 131а, неподобная речъ Мес. 236б.

Растяженныя формы прилагательныхъ съ окончаніями *ыихъ, ыимъ, ыими, оей, оему* и т. п., весьма часто встрѣ-

чающіяся въ памятникахъ русской народной поэзіи, въ памятникахъ южнорусскихъ совсѣмъ не употребляются.

Въ склоненіи мѣстоименій, кромѣ приведенныхъ раньше формъ, приведемъ еще нѣкоторыя характерныя для даннаго времени. Взаимодѣйствіе между прилагательными и мѣстоименіемъ (древнимъ) *тъ* было причиной того, что послѣднее въ един. числѣ приняло всѣ окончанія членнаго прилагательнаго и начало склоняться такъ: Им. п. той. Прл. 6а. 75а, тая Прл. 3а. ЗБ. 1б, тое Прл. 3а. 6а. Ап. 48а.

Род. п. того Прл. 5а, той Прл. 10б, той Прл. предм. 1б, Прл. 24б, тоей матнѣ Ап. 202б (ф. тоее части Ап. 189б—бѣлоруссизмъ).

Вин. п. жен. рода—тую Прл. 45б. 89а.

Творит. пад. тимъ Прл. 77б, тымъ ib. 5а, 35б, тоѣю Кяз. 40б, КР. 44б.

Предл. пад. —о тимъ. Прл. 56б, о тымъ КР. 1а, на тымъ ЗБ. 15б, в' тымъ КР. 123а.

Множ. число—тыи Прл. 60а. 46а.

Род. п.—тыхъ Прл. 139а. 144б.

Дат. п.—тымъ КР. 19а.

Твор. п.—тими КР. 51б, тыми КР. 157б.

Предл. п.—при тихъ Прл. 119б, при тыхъ ib. 58а. 120а.

Вопросительно-относительныя мѣстоименія кто, что склоняются такъ:

Им. п.—хто Прл. 5б. 119а, що Прл. 3б. 10а.

Род. п.—кого Ог. 65, ѿ никого Ап. 170а, чого́ Прл. 115б. КР. 61б, Ог. 44, для чого ЗБ. 6а, нѣчого КР. 49б.

Дат. п. кому—КР. 56б, Прл. 63б, чому Ап. 8б. 19а.

Творит. п.—кимъ, чимъ Ог. 43, Прл. 8б.

Предл. п.—в' кимъ КР. 103б, с кимъ Каз. 95а, Снп. 37, о чимъ КР. 4б. 172а. за чимъ КР. 13б. 14а, о чымъ КР. 174б.

Вслѣдствіе того взаимодѣйствія, которое мы видимъ въ склоненіи членныхъ прилагательныхъ и родовыхъ мѣстоименій, естественно полагать, что и формы род. пад. ед. ч. жен. р. мѣстоименій притяжательныхъ *мой* (в часъ смерти мои крѣпкая заслона Прл. 39а), *свой* (не оставѣте грѣшной душѣ *мои*, но покрийте ю крилома ласки *свои* Прл. 44а; маестатъ славы *свои* Прл. 58б, въ глубынѣ покоры *свой* ib. 59а), *твой* (неограничéнной державы твой Прл. 68б; свѣты славы твой Прл. 72б, свѣтомъ правды твой просвѣщены Прл. 78б), равно какъ и формы муж. рода: твогó Каз. 125б, свогó ib. 128б, образовались не посредствомъ слитія гласныхъ, а представляютъ образованія морфологическаго характера, развились подъ вліяніемъ склоненія мѣстоименія *той — того* и прилагательныхъ. Это тѣмъ естественнѣе полагать, что большинство памятниковъ ставитъ удареніе подъ *е*, хотя и попадаются формы съ удареніемъ надъ *о*, напр. свóего Прл. 39а, 63а; мóего ib. 54а.

Личныя мѣстоименія не представляютъ въ своемъ склоненіи отличій отъ формъ, употребляемыхъ въ настоящее время. Можно указать лишь на то, что формы род. вин. пад. въ сложеніи съ предлогомъ сохраняютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а не переносятъ его на первый, какъ это дѣляется теперь: ѿ тебé Мес. 89б, на себé Мес. 86б, до себé Ог. 33, до менé Ап. 19а.

Въ дат. и предл. пад. мѣстоименіе 2 л. и возвратное имѣютъ *о*; тобѣ, собѣ, о тобѣ, о собѣ (примѣры выше), а мѣст. *я* представляетъ ф. минѣ (= мини) Мес. 421б. 68б.

Относительно образованія мѣстоименій укажемъ на роль мѣст. *съ*, приставка котораго къ мѣст. относительно—вопросительнымъ придаетъ имъ характеръ мѣстоим. неопредѣленныхъ; такое же значеніе имѣетъ *съ* и въ сложеніи съ неизмѣняемыми частями рѣчи: яковысь початки Прл. 8б, якійсь Каз. 136б, якіись чары Каз. 145б, нѣяковуюсь ЗБ. 12а, чтось Ог. 106, ктось ib. 107, нѣякіесь Ог. 641, знѣщого штось Ап. 104б, сеймикъ якійсь Об. 59.

Мѣстоименіе *что, що*, приставленное къ существительному, указываетъ на повторяемость дѣйствія: что раз Ог. 3а, что день Ог. 109, што в пять лѣтъ Ап. 195б. (срв. что годъ передъ годомъ Кот. 64).

Числительныя.

Въ отдѣлѣ числительныхъ заслуживаетъ указанія употребленіе *тъ* вм. *ть* въ коренныхъ числительныхъ, начиная съ девяти: чтырна^д^цатъ Мес. 10б, десятъ ib. 124б, дванадцятъ Ог. 640, КР. 99. 186а, девятъ Ог. 378, единáдцятъ Ог. 679, двадцятъ Мес. 140б (двадцять ib.).

Въ склоненіи числительныхъ замѣчательно распространеніе флексіи *ма* на всѣ почти коренныя числительныя, при чемъ передъ *ма* либо является *о*, либо умягчается предшествующій согласный, поэтому находимъ формы: двома КР. 81а. 189б. Каз. 41б. 46б. 101а (форма двѣма Прл. 30а. 92б. и др.—славянизмъ), обома КР. 72б, трема Об. 6б, трома КР. 25а. 76б. 128а, чтерма Ог. 681, чтырма — чотырма КР. 110а, пятьма ЗБ. 20а, пятма ib. 20б. Каз. 130б, шестьма Ап. 175б, з' сема КР. 188б, десят^ь^ма КР. 188б. Каз. 11б, двана^д^цятма КР. 99а. 99б. Аналогіи числит. *два*, измѣнившаго свое древнее склоненіе и, въ свою очередь, заимствовавшаго нѣкоторыя формы отъ другихъ числительныхъ, слѣдуютъ остальныя числительныя не только въ творит. падежѣ, но и въ другихъ, вслѣдствіе чего склоненіе ихъ значительно разнится отъ древняго. Вотъ нѣкоторыя встрѣтившіяся въ памятникахъ формы этого склоненія:

Род. п.—двохъ Прл. 9б. КР. 127б, обохъ КР. 63б. 81б, трохъ Прл. 42б КР. 237б, чотырохъ КР. 218а.

Дат. п —двомъ КР. 218б. 224а, тромъ Прл. 8а, обомъ Ап. 26а, шест^о^мъ КР. 237б.

Предл. п.—на двохъ КР. 205б, на трохъ ЗБ. 25б, по трохъ Каз. 134а, въ трохъ Прл. 8а. 11а, при чотирохъ Каз. 22б.

Числит. *оба* и *два* могутъ сливаться, и обѣ составныя части при склоненіи измѣняются: обадва законы КР. 132б. Каз. 114а, обадва владыкове Об. 6а, обидвѣ тыи части КР. 139а, обидвѣ руки КР. 177б, обѣдвѣ КР. 8б. 72б.

Обудвухъ Ап. 25б, обудвох Ап. 27а.

Обудвумъ Ап. 26а.

На обѣдвѣ ноги Каз. 130б.

По обудвухъ сторонахъ Каз. 135а.

Числительныя родовыя склоняются совершенно такъ, какъ прилагательныя.

Глаголъ.

Глаголъ вспомогательный въ настоящемъ времени употребляется въ памятникахъ весьма рѣдко въ качествѣ такъ называемой связки. Въ нѣкоторыхъ изъ памятниковъ онъ тѣсно примкнулъ къ глагольнымъ формамъ и составляетъ съ ними одно нераздѣльное цѣлое, какъ въ польскомъ языкѣ. Однако живой народной рѣчи, судя по явленіямъ современнымъ и характеру памятниковъ, въ которыхъ такія формы встрѣчаются, были чужды формы наст. врем. этого глагола; до сихъ поръ онѣ сохранились лишь въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ польскими или подвергшихся сильному польскому вліянію вслѣдствіе условій исторической жизни. Такое утвержденіе опирается на данныя памятниковъ, показывающихъ, что формы наст. врем. вспомогательнаго глагола, внѣ случаевъ слитія ихъ съ формами прошед. врем. спрягаемаго глагола, употребляются лишь какъ достояніе старины, формальное значеніе которой неясно для употребляющаго ихъ; таковы формы: вы естъ камень Об. 52а, я естъ воротами Об. 53а, бось ты естъ опока Об. 27б. Ясно, что писатель въ данномъ мѣстѣ совершенно не различалъ формальнаго значенія употребляемыхъ имъ формъ. Вслѣдствіе этой же причины въ нѣкоторыхъ памятникахъ употребляются польскія формы этого глагола, образованныя отъ формы 3 л. ед. ч.; напр.:

славянское выраженіе, *я есмъ, иже есмъ* переводится— *я естемъ, который естемъ* КР. 16а, или же—не естемъ жаднымъ богомъ Каз. 5б. Вообще, въ памятникахъ весьма часто встрѣчаются формы вспомог. глагола въ наст. врем. въ польской формѣ; каковы же были эти формы *свои*, не заимствованныя, мы не можемъ судить по памятникамъ, кромѣ формъ 3 л. ед. ч. и 1 — 2 лл. мн. ч. (есть, есмó, естé).

Система спряженія, въ зависимости отчасти отъ фонетическихъ причинъ, отчасти и внѣ ихъ вліянія, представляетъ формы, не тожественныя съ формами, употреблявшимися въ старину. Характерной особенностью спряженія этого времени является стремленіе къ нафлексивному ударенію въ 1 и 2 лл. мн. ч., особенно въ дву- и трехсложныхъ глагольныхъ формахъ, и вновь образованныя формы будущаго времени. Такого разнообразія въ формахъ прош. врем., какое мы находимъ въ древнеславянскомъ, отчасти и въ древнерусскомъ языкахъ, въ южнорусскомъ нарѣчіи въ это время уже не было; простыя и сложныя формы прошедшаго времени употребляются безъ различія въ семазіологическомъ отношеніи.

Въ настоящемъ времени глаголы представляютъ слѣдующее спряженіе: 1 л. ед. ч.—розмовлю Прл. 4а, мушу Прл. 9а, дбаю іb., показую іb. 10а, благодару іb. 22а.

2 л. ед. ч. оканчивается на *ш* вслѣдствіе отвердѣнія шипящихъ: даруешъ, готуешъ Прл. 13б, згажаешъ—згожаешъ Ап. 164а, познаваешъ, познаешъ Прл. 2б.

3 л. ед. ч. либо представляетъ чистую основу, либо къ ней прибавляется флексія *тъ* или даже *ть*, такъ что одинъ и тотъ же памятникъ представляетъ иногда всѣ эти три формы; безъ всякой флексіи образуютъ 3 л. ед. ч. чаще всего глаголы, спрягаемые съ помощью соединительнаго гласнаго *е*; спрягаемые же безъ этого гласнаго, а также глаголы архаическіе прибѣгаютъ къ помощи *ть* или *тъ*; присутствіе флексіи или ея отсутствіе иногда обу-

словливается также количествомъ слоговъ данной глагольной формы. Примѣры: 1) живе Ев. 26а, може Прл. предм. 2б, принесе Прл. 3б, искидае, играе, въюе, готуе Прл. 20б, смущае, роспаляе и подущае ib. 21а, не докаже ЗБ. 21а, пасе ib. 22а, преможе ib. 28б, покаже ib. 36а, рассыпá ib. 36б, расъсыпа ib. 38б. 2) дасться Прл. 161б, подасть ib. 162б, продасть ЗБ. 8б, ѿповѣсть ЗБ. 46а, дасть Ог. 990. Ап. 150а, просить Прл. 81а, подносить Ог. 101; 3) идетъ ЗБ. 2а. 6а, тягнетъ ib. 14а, рассужаетъ ib. 20а. 24а, поймуетъ ib. 20б, позискуетъ ib. 51а, кудкудачетъ Ог. 39, розсѣваетъ, буритъ Прл. 21а, даже—*нѣстъ* Ог. 7.

Живой народной рѣчи были свойственны, надо полагать, всѣ эти три окончанія, такъ какъ и теперь всѣ они употребляются безразлично въ одной и той же мѣстности, и одинъ и тотъ же глаголъ то принимаетъ флексію, то обходится безъ нея [1]). По своей древности, повидимому, ни одна изъ этихъ формъ не уступаетъ другой; по крайней мѣрѣ, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, писанныхъ на югѣ Руси, всѣ онѣ встрѣчаются рядомъ.

1 лицо множ. ч. оканчивается на *мо* — ударяемое или безударное: даемó Каз. 118а 130а, стаемó Каз. 130б, чтимó Ог. 54, идемó Ог. 34, терпимó Ап. 210а, КР. 45б, беремó Ап. 5а, ѣмó КР. 192а, есмо Ап. 77б, топимó Мес. 223а, тремó ib. 237а. Зы́чимо Прл. 59б, зажіемо Каз. 93а, хочемо ЗБ. 11а, жалуемо Каз. 83б, óзмемó Ог. 78. 343, мѣрпмо Ап. 4б. Должно думать, что нафлексивное удареніе въ этомъ окончаніи восходитъ къ раннему времени, такъ какъ присутствіемъ ударенія обусловливается здѣсь сохраненіе древняго окончанія, а формы съ окончаніемъ *мо* встрѣчаются въ южнорусскихъ памят-

---

[1]) Въ Черниговской губ. 3 л. ед. ч. оканчивается на *тъ*; ближе къ Кіеву *тъ* опускается даже въ глаголахъ съ тематическимъ *и*; въ Полтавскомъ и Кобеляцкомъ уѣздахъ Полт. г. *тъ* въ 3 л. ед. ч. употребляется чаще, чѣмъ *тъ*; формы безъ флексіи употребляются рядомъ съ формами, имѣющими флексію.

никахъ довольно рано (XIII в.). Окончаніе *мо* въ этомъ лицѣ является преобладающимъ въ памятникахъ; оно вытѣснило другія окончанія; формы въ родѣ не вѣмы ЗБ. 6б, въ это время едва ли были извѣстны живой народной рѣчи.

2 л. мн. ч. представляетъ флексію — *те* — ударяемую или безударную: есте́ Прл. 49а, рече́те Ог. 44, живете́, предстоите́ Прл. 49а, терпите́ Мес. 43б, лжете́ Мес. 45б. Справуете Прл. 49а, палаете ib. 51а, визволяете ib. 52а, маете, избавляете ib. 53б, узрыте Мес. 41а.

3 л. мн. ч. отдаетъ предпочтеніе *тъ*: бютъ КР. 50б, б'ютъ Ог. 1123, обыймутъ Прл. 164а, зыйдутся Каз. 21б, зыйдутъ ЗБ. 10а, переворочаютъ ib. 14а, трафляютъ ib. 15, даже сутъ ЗБ. 5б. Ог. 978 (суть Мес. 38б). *ть* въ этомъ лицѣ встрѣчается значительно рѣже: творать Ев. 5а, грѣшать Прл. 9а, спѣвають Ог. 103, ходять Ог. 63, верать Об. 52а. Формы безъ той или другой флексіи совсѣмъ не встрѣчаются.

Повелительное наклоненіе либо окончивается на *и*, если удареніе падаетъ на флексію, либо, въ случаѣ неударяемости флексіи, это *и* послѣ гласныхъ переходитъ въ *й*, а послѣ согласныхъ сокращается въ *ь*; послѣдній или умягчаетъ предшествующій согласный, или же, если передъ примѣтой наклоненія стоитъ согласный губной или шипящій, совершенно исчезаетъ; во множ. числѣ или удерживается древняя примѣта, или же по примѣру единств. числа она исчезаетъ, даже не умягчая предшествующаго согласнаго, подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго слога. 3-е лицо въ обоихъ числахъ образуется описательно — посредствомъ приставки слова нехай (отъ гл. хаити). Примѣры: изыйди КР. 57а, одыйди Каз. 134а, порази — положи Прл. 20а, беры Об 55а, накормы Прл. 18а, прости ib. 19а, обвий Прл. 96а, пробий ib. 100б, съкрій ib. 104б, добудь КР. 244а, допровадь Прл. 27б, мовъ КР. 249б. Ог. 979, мовже КР. 211б, выбавъ Прл. 18а, справже Ог. 649, утѣшъ Прл. 21б.

Нехай знаеть, нехай покладае Прл. 32б, нехай буде[т] Каз. 105б, нехай припомнить Ог. 47.

Множ. ч. 1-е л. — виходѣмо Прл. 64а, послужѣмо, положѣмо ib. 76а, обернѣмо КР. 75а, просѣмо КР. 161а, выперѣмо КР. 186а, наворочайможъся КР. 22б, выстеригаймося КР. 23а, буд'мо жъ Каз. 121а (будмо КР. 250б), уважмо Ог. 994, в'гляньмо Ап. 41б, нехай будемо Прл. 15б.

2-е л.—озмѣте Прл. 53б, уведѣте ib., пріймѣте Прл. 55а, обратѣте Прл. 86а, розбійте ЗБ. 41а, бійте ib. 72а, бачте — плачте Прл. 86а, бавтеся ЗБ. 77а, уважте Ог. 660.

3-е л.—Нехай невонтпятъ Каз. 105б.

Неопредѣленное наклоненіе обыкновенно оканчивается на *ти*, причемъ на *ти* падаетъ удареніе въ нѣкоторыхъ такихъ глаголахъ, въ которыхъ въ настоящее время ударенія на этой примѣтѣ нѣтъ: вѣдати Мес. 16а, быты Мес. 99б, поиднати ib. 123б, шукати Ог. 28, баламутити Ап. 45б, стерегти́ КР. 64а, умерти́ КР. 45б. 58б [1]), пожерти́ КР. 77а. Формы неопредѣленнаго наклоненія на *тъ* или *тъ* встрѣчаются лишь въ Оборонѣ: заразить Об. 1б, чинить ib. 5б, привлашчать ib. 10а, заразитъ н. н. ib. 21а, видетъ ib. 41а.

Прошедшее время имѣетъ двѣ формы — простую сложную; та и другая образуется посредствомъ примѣты *л*, который въ мужескомъ родѣ по общему правилу переходитъ въ *в*: не вѣмъ, що за духъ научивъ васъ Прл. 9б, сътворивъ Прл. 3а, привѣлъ Мес. 218а, пробився Каз. 131б, одыйшовъ Каз. 124а, запрягъ КР. 109б, поприсягъ Ап. 23б, прибѣгъ КР. 78а, облѣг[ъ] КР. 202б, иссохъ Каз. 20б, усхла́ КР. 82а, розбивала Ог. 3, розмовляли КР. 45б, роздала́ КР. 48б, згинула КР. 64а, поже́рла КР. 76б, померли́ КР. 85б. Сложныя формы по значенію не отличаются отъ простыхъ: в'шолъ былъ КР. 20а, была в'лѣзла трѣска КР. 78а, пожерла была

---

[1]) Срв. круты — ни верты, а тра (изъ треба) вмерты́ (въ Волын. губ.).

ib. 86б. 96а, была спала ib. 237а, были утонули ib., была дозрѣла Каз. 17а, были пришли Каз. 72б, звыкли были Каз. 38б, заслонили были ЗБ. 12б, былъ пробитый КР. 76б.

Сослагательное наклоненіе составляется такъ же, какъ и теперь—изъ прошедшаго времени и частицы *бы*: пилно ся о то лукавый стараетъ, якобы душѣ нашѣ гладомъ уморивъ и въ тмѣ грѣха, яко въ гробѣ, утопивъ Прл. 17б, заживай тыхъ даровъ, абысь въ нихъ не заблудивъ Прл. 3б. Иногда при этомъ вспомогательный глаголъ принимаетъ сокращенную форму и составляетъ одно цѣлое съ частицей *бы*; объ этомъ рѣчь — ниже.

Будущее время образуется посредствомъ сложенія глагола *иму* (йму, му) съ неопред. накл. спрягаемаго глагола: причинятимуся Каз. 137а, проситимешъ КР. 247а, обѣцатиме[ш] КР. 243а, мовитиметъ КР. 139б. 140а. 170а, искушатиметъ Ог. 980, разитиме[т] ib., видѣтиму[т] КР. 139б, бачитиму[т] КР. 140а.

Причастій и дѣепричастій въ разсматриваемое время было столько же, сколько и теперь, при чемъ заслуживаетъ вниманія то, что 1) причастіе наст. вр. дѣйств. зал. отдаетъ рѣшительное предпочтеніе *ч* передъ *щ*, которое употребляется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приводятся выдержки изъ книгъ духовнаго содержанія; 2) дѣепричастіе наст. врем. того же залога, оканчиваясь на *учи—ючи, ачи—ячи*, въ громадномъ большинствѣ случаевъ ставитъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, 3) дѣепричастіе прошед. врем. дѣйств. зал., окончиваясь на *ши*, въ своемъ образованіи тѣсно примыкаетъ къ формамъ прошед. времени изъявит. наклоненія, 4) причастіе прош. врем. страд. зал., употребляется ли оно въ членной формѣ или безчленной, охотно довольствуется однимъ *н* (хотя есть случаи, представляющіе и два *н*) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ по своему значенію настолько тѣсно примыкаетъ къ прилагательнымъ, что имѣетъ даже степени сравненія. Приводимъ примѣры причастныхъ и дѣепричастныхъ формъ.

Причастіе наст. вр. дѣйств. зал. оканчивается на *учій—ючій, ачій—ячій*: держачую Каз. 85б, молячомуся Каз. 110а, порожнюючіи Каз. 123, мовячого КР. 46²а. 90а, палаючой КР. 121а, всемогучій КР. 130б, роснучую, чуючую и розумѣючую КР. 125а, грѣшачого Ог. 988, одоймуючого Ап. 96а, тонучіи Ап. 121б, тягнучой ib. 149б, нехотячому ib. 157а, не имучая ib. 178а, не даючая ib. 178б, волокучій ib. 184а. Формы съ *щ*, какъ инокующихъ Каз. 72а, работающего Ап. 170а, рѣдки и нигдѣ, кромѣ книгъ, не существовали.

Дѣепричастія: не могучи́ Каз. 149а, идучи́ КР. 45б, сѣдячи́ КР. 48б, просячи́ КР. 67а, нехотячи́ КР. 130а, стогнучи́ Мес. 66а, жиючи́ Ог. 72. 666, несучи́ Каз. 98б, волочачи́ Ап. 202а, волокучи́ Ап. 68а, любячи́ Мес. 195б, живучи́ Ог. 373, хотячи́ Ап. 32а, терпячи́ Ог. 80. Рядомъ съ приведенными формами встрѣчаются и такія, въ которыхъ удареніе не стоитъ на послѣднемъ слогѣ: жі́ючи Ог. 359, ѣдна́ючи Мес. 149а, по́стячи Каз. 149а (по́стила КР. 201б), ганячи Каз. 77а, шидячи Каз. 77б, играючи Каз. 121а, выгожаючи КР. 202а [1]).

Причастія прош. врем. дѣйств. зал.: погибшаго Прл. 6б, заблудшимъ Прл. 28б, въсᵉкршшимъ Ог. 27 и т. д.

Дѣепричастія: зышовши Каз. 37а, подышовши ib. 42б, пришовши ib. 105а, одышовши ib. 122а, не найшовши Ог. 24, вывѣвши Ог. 35, трапивши ib. 66 (трафивши ib. 62), отославши Ап. 9б.

---

[1]) Съ такимъ окончаніемъ дѣепричастіе это встрѣчается и въ памятникахъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ, причемъ въ послѣднихъ находимъ обычное перегласованіе *я* въ *е*: хва лечи, чинечи. У Котошихина посредствомъ *чи* образуются и дѣепричастія прошедшія: ѣтчи и пивъ чины розъѣдутца Кот. 14, счотчи впередъ въ восмой день ib. 17, пойдучи ib. 34, пивъ здоровья и ѣтчи, столникъ поѣдетъ ib. 70, приведчи въ городъ, собралося ихъ воровъ ib. 115, покрадчи и ограбя бояръ своихъ, уходятъ на Донъ 152.

Причастіе наст. врем. страд. зал. особенностей не представляетъ и образуется посредствомъ *м*: недозримая, непостыжимая Прл. 22а, невидимыи Прл. 29б., и т. д.

Причастіе прошед. врем. страд. зал. представляетъ примѣты *н* или *т*: прирожоній Мес. 201а, была названая КР. 109а, заплаченый Каз. 117б, створоный Прл. 5а, неограничонои Прл. 15а. 31б, незаслужонымъ Прл. 58а, замѣроный Прл. 64б, назначоныи Ап. 6б, поошчреніи Прл. 48а, выритый Каз. 116б, ненарушоный Каз. 147б, поколóта КР. 69а [1]), пробитый КР. 76б, закрытый ib. 84а. Въ одномъ и томъ же памятникѣ попадаются формы съ однимъ *н* и съ двумя, напр. тайны збавенныи, съкровенныи, утаенніи Прл. 31б, невичерпаній, небраній, незровнаній ib. 32а. Вообще, случаи написанія двухъ *н* въ этомъ причастіи не рѣдки, они, конечно, свидѣтельствуютъ, что въ народной рѣчи такія слова были произносимы и съ удвоеннымъ *н*; встрѣчаются даже такія написанія, какъ очищенъна ЗБ. 50а.

Формы — ученьшими Об. 44б, найученшіи Мес. 194б, найкоханшихъ Ог. 1002 представляютъ примѣръ употребленія причастій въ значеніи прилагательныхъ.

Въ числѣ встрѣченныхъ нами особенностей спряженія укажемъ на 1) органическое смягченіе въ формахъ бг҃ословленный Прл. 21б (бл҃гословенній ib. 29а), преполовленіе КР. 22б [2]), ламлетъ КР. 50а. 135а. Мес. 204б, храмлете, храмлютъ Мес. 258б и неорганическое въ словѣ куплютъ ЗБ. 70а.

2) Формы: роптаютъ, роптая Ев. у. 21б.

3) Суффиксъ *ув — а* вмѣсто *ов — а*, иногда являющійся въ глаголахъ и заимствовавшій свое *у* отчасти изъ

---

[1]) Приводимая форма причастія, мнѣ кажется, не даетъ права сомнѣваться въ народномъ характерѣ формы муж. р. — исколóтъ. (Сравнит. морф. слав. языковъ 388).

[2]) Употребляемыя въ современномъ литературномъ языкѣ формы — *преполовеніе, благословеніе, трьзвеніе* явились подъ вліяніемъ болгарской фонетики.

основы наст. времени, отчасти подъ вліяніемъ такихъ глаголовъ, какъ почувати ЗБ. 39а, напр. усмотрувала Ог. 3 [1]).

4) Смягченіе согласнаго въ *спуштошоньй* Ап. 151б и отсутствіе его въ *обезчестени* ib. 163б.

5) Формы глагола хотѣть: 2 л. ед. ч. хочъ вм. хочешъ Каз. 128б; 1 л. мн. ч. хочемо Ап. 34а, хочете Ог. 4. 363, хочутъ Об. 58б. Ап. 175а (хотять Об 59а).

6) Причастныя формы *виноваными* вм. виноваты Ап. 161а и *упитóна* ЗБ. 48б.

7) Сохраненіе стариннаго подъема гласныхъ при образованіи глаголовъ длительныхъ, нпр. помагати Ап. 17а, 148а, помагали Ап. 121б, выгажаючи КР. 202а, згажаются Каз. 97б, догажала Ог. 106, покаряются ЗБ. 28б, притачати Ап. 9б. 22а, храмали Мес. 258б, выганяете Каз. 73б. Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ тѣ же памятники рядомъ съ приведенными формами представляютъ и такія, въ которыхъ корневой гласный остается безъ измѣненія: выгожаючи КР. 202а, згожаются Каз. 96а. 97б, приточати Ап. 6б. 55б, и т. д.

Неизмѣняемыя части рѣчи.

Изъ нихъ приводятся лишь тѣ, которыя интересны въ словарномъ отношеніи и несходны съ частицами, употреблявшимися въ старину: межъ Прл. 84б, межи ЗБ. 28а. Ог. 81, засъ ЗБ. 14а. КР. 17б. 20а, засъ Ап. 101б (изъ зася ЗБ. 14а и др.), змежи ЗБ. 43а, óто ЗБ. 41б. Ап. 4б. 93а. 133б, КР. 155б; отожъ КР. 69а, ѿвсюды ЗБ. 15б, всѣгды ЗБ. 27б, завсѣгды ЗБ. 89а; завсегды Ап. 128а.

---

[1]) Этотъ глаголъ, кромѣ приведенной формы, можетъ имѣть и другія: усмóтр*ова*лисмы Ап. 14а и присмотр*ива*лъ Ог. 60. Такимъ образомъ, въ Огородкѣ здѣсь мы видимъ суффиксы *ува* и *ива*. Говорить въ этомъ случаѣ о мѣнѣ *у* на *и* нѣтъ необходимости. Въ памятникахъ намъ встрѣтился лишь одинъ примѣръ такой мѣны: маршуровалъ Сн п. 87.

148б, всюгды Ап. 141б, всюды Ап. 189б. ЗБ. 45а. Мес. 35б. Об. 23б; иногды Ап. 144а, тогды Ап. 146б, нигды—тогды Об. 51б, инуды ЗБ. 69б, нѣбы Ог. 10, ледво Ог. 11, леда Ап. 200б. Прл. 120а. 123б, ледва Ап. 80а. пóки—поты Ог. 13, покú—поты КР. 105б, троха Ог. 18. 29, хочай Ог. 35. 106, колись Ог. 74, якось ib. 649, гдесь Ап. 97б, чи КР. 177а. 188а, чили Ог. 80. 85. 90, нѣжъ Ап. 123а, нижъ ib. 159б; нѣжли Ог. 105, нижли ib. 354. Авжежъ Ап. 42а, увезде ib. 49б. Ешче Об. 5б, где инъдей Об. 54а, особъ Снп. 27. Ревне КР. 234а, презъ Ог. 378 (отъ него образовались: оперезалъ КР. 217а, оперѣзовалися ib. 147а), окромъ Прл. 5б. Ап. 146а, кромъ Ап. 77а. ЗБ. 44б, опрочъ Ог. 653. 993, нужъ Ог. 1003. Ажъ ib. Мес. 150а, сподъ Прл. 65б, гараздъ Ап. 123б, ели = еле Снп. 41, хиба Мес. 131б. 155б. Нѣкоторыя другія неизмѣняемыя части рѣчи приведены выше, въ отдѣлѣ о суженіи гласныхъ.

V. ПОЛЬСКОЕ ВЛІЯНІЕ.

У насъ нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы говорить о вліяніи польскаго языка въ разсматриваемое время на чисто народное южнорусское нарѣчіе; объ этомъ вліяніи мы можемъ говорить лишь настолько, насколько оно отразилось въ дошедшихъ до нашего времени литературныхъ памятникахъ и оставило свои слѣды въ современномъ нарѣчіи. Очевидно, наши выводы относительно этого предмета могутъ имѣть лишь значеніе положеній, опирающихся на данныя аналогіи.

Что касается польскаго вліянія на языкъ разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ, то степень его далеко не всегда и не вездѣ одинакова, хотя качество и способъ его проявленія одинъ и тотъ же. Система склоненій и спряженій развивалась въ южнорусскомъ нарѣчіи внѣ всякихъ иноязычныхъ вліяній, формы склоненій и спряженій являются такими, какими онѣ должны явиться по дѣйствію звуковыхъ законовъ, свойственныхъ южнорусскому нарѣчію. Равнымъ образомъ различнаго рода явленія въ области фонетики развились въ громадномъ большинствѣ случаевъ на родной почвѣ и не были занесены извнѣ. Нѣкоторые изъ писателей того времени (конечно, не всѣ—даже изъ выдающихся) хорошо понимали свойства народной рѣчи и старались даже словамъ, заимствованнымъ изъ польскаго языка, придать народный характеръ,—употреблять ихъ въ духѣ народной фонетики, поэтому мы встрѣчаемъ формы: з'текавостю Мес. 204б (пол. z ciekawością), Матеевъскому

Об. 15а (пол. Maciejewskiemu, Матей, Матеевая Сб. № 23), Радивила Об. 19а (пол. Radziwił), Келестина Ап. 118б. 131б, Маркелина ib. 146а, Гракїана ib. 129б. Ясно, что въ приведенныхъ случаяхъ дѣлается строгое различеніе между обоими нарѣчіями, и латино-польскимъ словамъ придается русскій обликъ. Слѣдуетъ замѣтить также и то, что въ заимствованныхъ словахъ ставится такое удареніе, какое для русскаго уха казалось цѣлесообразнымъ поставить, и система удареній въ XVI—XVII вв. осталась совершенно свободной отъ иноязычнаго вліянія. Но была одна сторона вліянія, которой не избѣжали даже самые выдающіеся писатели того времени—заимствованіе польскихъ словъ и оборотовъ, употребленіе формъ въ полупольскомъ, полународномъ обликѣ рядомъ съ формами, образованными въ духѣ чисто народной фонетики. Заимствованіе словъ, цѣлыхъ оборотовъ, даже началъ словоизмѣненія и словообразованія наложило на произведенія нѣкоторыхъ писателей печать такой безобразной пестроты въ языкѣ, что иногда даже трудно бываетъ сказать, на какомъ языкѣ они написаны. Произведенія нѣкоторыхъ писателей, произносившихъ проповѣди съ церковной кафедры и старавшихся блеснутъ своимъ схоластическомъ образованіемъ, до такой степени переполнены иностранными словами—полонизмами, германизмами, латинизмами и славянизмами, что духъ народной рѣчи и ея характеръ совершенно не замѣтны До какой степени доходили въ этомъ отношеніи нѣкоторые писатели, показываетъ простое математическое вычисленіе употребленныхъ ими иностранныхъ словъ; такъ напр. въ Перлѣ многоцѣнномъ слова польскія употребляются около 388 разъ, слова латинскія и греческія, перешедшія въ русскій языкъ черезъ посредство польскаго,—около 134 разъ, слова нѣмецкія, заимствованныя такимъ же путемъ,—около 102 разъ. Это количество окажется гораздо значительнѣе, если мы прибавимъ, что одно и то же слово употребляется по нѣскольку разъ, такъ напр. пол. союзъ гды совершенно вытѣснилъ соотвѣт-

ствующій ему союзъ русскій и употребляется въ Церлѣ около 20 разъ. Въ Ключѣ разумѣнія польскія слова употреблены около 680 разъ, латинскія и греческія около 240 разъ, нѣмецкія—около 185 разъ. Слова латинскія, греческія и нѣмецкія употребляются большею частью не въ той фонетической формѣ, которая обусловливается законами родного языка, а въ формѣ, искалѣченной вліяніемъ польской фонетики, поэтому являются формы: пожегнане КР. 247а, пережегналъ ib. 233а (нѣм. segnen, пол. żegnać), кшталтѣ КР. 226а (нѣм. die gestalt), на даху КР. 137а (нѣм. dach), жолнѣръ КР. 71а (нѣм. d. soldner, пол. żołnierz), ратунку Прл. 6б 20а и т. д. (нѣм. d. rettung), рахунокъ Ог. 543 (нѣм. d. rechnung [1]). Впрочемъ, нѣкоторыя слова передѣлываются въ духѣ народной фонетики, напр. мусѣлъ Прл. 4б. 10а (нѣм. müssen, пол. musiał), вѣншуемъ Прл. 59б (нѣм. wünschen, пол. winszować), лѣхтарѣ КР. 13б (нѣм. liuhtaere—XV в.; теп. leuchter, пол. lichtarz). Если къ количеству употребляемыхъ писателями польскихъ словъ прибавимъ то, что зачастую русскія слова принимаютъ польскія флексіи (какъ бываетъ и наоборотъ), что разстановка словъ и синтактическія особенности въ памятникахъ нерѣдко заимствуются изъ польскаго языка, то получится довольно ясный обликъ той безобразной разноязычной смѣси, которая называется южнорусскимъ литературнымъ языкомъ и которою старались блеснуть тогдашніе проповѣдники и писатели, считая ее доказательствомъ своей учености. Обычай уснащать рѣчь

[1]) Н. Ѳ. Сумцовъ (Иннокентій Гизель 2, оттискъ изъ Кіевской старины) напрасно думаетъ, что лексическій составъ современнаго малорусскаго языка доказываетъ о существованіи въ XVI и XVII вв. въ Малороссіи нѣмецкихъ поселеній: нѣмецкія слова попадали въ языкъ инымъ путемъ, какъ доказываетъ ихъ звуковой обликъ. Нельзя также согласиться и съ тѣмъ, будто нѣм. слова составляютъ въ южнорусскомъ значительный процентъ: они относятся лишь къ быту политическому и общественному. Остальныя стороны жизни складывались болѣе или менѣе самостоятельно.

полонизмами не былъ чуждъ даже составителямъ словарей; такъ, въ Лексиконѣ Памвы Берынды слова русскія по составу своему, совершенно понятныя для русскаго читателя, зачастую объясняются словами польскими,—очевидно, по воззрѣнію книжниковъ того времени, послѣднія должны быть извѣстны для каждаго болѣе или менѣе образованнаго читателя (о значеніи польскаго языка въ средѣ тогдашнихъ южнорусскихъ писателей говорится въ книгѣ Житецкаго Очеркъ литер. исторіи малорус. нарѣчія въ XVII и XVIII в. стр. 43—46). Изъ книгъ и устъ людей ученыхъ слова иностранныя переходили въ уста простого народа, узаконенныя авторитетомъ лицъ, употреблявшихъ ихъ. Но нѣтъ возможности утверждать, что все то поражающее количество польскихъ словъ, которое мы находимъ въ памятникахъ, было вызвано бѣдностью языка, отсутствіемъ въ немъ словъ, необходимыхъ для выраженія новыхъ понятій, явившихся вслѣдствіе знакомства русскихъ съ такъ называемой схоластической наукой: предметъ этой науки и темы, которыя избирали писатели для своихъ проповѣдей или другого рода литературныхъ произведеній, не были новы, и въ языкѣ народномъ было вполнѣ достаточно словъ для выраженія всѣхъ понятій, составлявшихъ кругозоръ тогдашней мысли. Лучшимъ доказательствомъ справедливости этого положенія является употребленіе рядомъ съ иностранными и русскихъ однозначащихъ словъ, что встрѣчаются памятники, въ которыхъ всѣ иностранныя слова на поляхъ объясняются русскими, напр. Апокризисъ; ясно, что иностранныя слова являются лишь для украшенія рѣчи и для доказательства знакомства писателя съ современной ему ученой литературой. Вліяніе польской рѣчи, весьма искаженной въ то время латинизмами и германизмами [1]), не ограничивалось указанной стороной, хотя,

[1]) Общій, довольно впрочемъ поверхностный, обзоръ вліяній, которымъ подвергался польскій языкъ, находится въ трудѣ Г. Корбута „Wyrazy niemieckie w języku polskim pod względem językowym i cywilizacyjnym,“ помѣщ. въ журн.

правда, и самой чувствительной и существенной. Польскому вліянію слѣдуетъ приписать слѣдующія фонетическія и морфологическія особенности, отразившіяся въ составѣ живой народной рѣчи:

1) Неразличеніе мягкаго и твердаго *р*.

2) Появленіе на мѣстѣ древнихъ *о* и *е* звуковъ *у* и *ю* въ корняхъ и флексіяхъ словъ

3) Этому же вліянію обязаны своимъ появленіемъ весьма многія формы предложнаго падежа на *у—ю*.

4) Несмягченіе губныхъ посредствомъ л передъ ётованными гласными: заправяли Прл. предм 1б, заробяла Прл. 2а, збавеня Прл. 14а. КР. 2а, збавенную Прл. 45б, Римяне Прл. 63а, умертвяймо КР. 92а.

5) Появленіе вставочнаго *й* вмѣсто *н* или и безъ этого условія: прейзреню Прл. 3а, пойзру ib. 31а, вийграна ib. 48б. 63а, пойзренямъ Прл. 102б, ознаймуе ib. 111а, пойзритъ ib. 1-5а, вчерайшій КР. 23а.

6) Появленіе свистящаго *ц* вмѣсто *ч*: въ моци Прл. 4а. 73а. 78а. 91а. 118а и т. д (отъ него образовалось употребляемое теперь міцный = крѣпкій), обецуетъ Прл. 7б, моцно Прл. 48б. 147б; *ци* вмѣсто *чи* Прл. 99а. 145а,

„Prace filologiczne“ т. IV, вып. II стр. 353—356. Относительно заимствованія иностранныхъ словъ авторъ сходится съ мнѣніемъ Тоблера, который говоритъ: „Fremdwörter geborgt zu haben und zu gebrauchen, ist weder Schaden, noch Schande, sondern Vorteil und Ehre, kein eitler Luxus, sondern wirkliches Bedürfniss,... nicht ein Zeugniss von Armut, sondern von Reichtum“ (Prace fil. стр. 352). Этотъ взглядъ однако совершенно противорѣчитъ дѣйствительности и опровергается самимъ Корбутомъ въ названномъ его трудѣ.

Вліяніе польскаго языка на книжный южнорусскій XVI—XVII в. требуетъ тщательныхъ изысканій и представляетъ весьма обильный матеріалъ для изслѣдователя. Къ счастью, книгами это вліяніе въ огромномъ большинствѣ случаевъ и ограничивалось и не касалось грамм. строя живой народной рѣчи,—за исключеніемъ мѣстностей, пограничныхъ съ польск. рѣчью.

а также появленіе *ц* вмѣсто *т*: кароцами злоцѣстыми КР. 62а, хотя въ разсмотрѣнныхъ нами памятникахъ приведенный примѣръ—единственный.

7) Сложеніе вспомогательнаго глагола быть съ формами прошедшаго времени спрягаемаго глагола, при чемъ первый можетъ примыкать и не непосредственно къ спрягаемой формѣ: показалесся Ог. 80, стоялесъ Ог. 81, уродилемся Ог. 106, приготовалемся Ог. 116, далесь Прл. 24а, естесте готови—позвани Прл. 47а. 47б, слышалемъ Прл 57б, абысмо царствовали ib. 67а, абысь въ нихъ не заблудивъ въ тму грѣха ib. 3б, если бысмо не были самовластными, тогда бысмо неподвижною речу Прл. 4б, которых'емъ внеслъ Ог. 3б; въ Апокризисѣ вмѣсто *смо* находимъ *хмо*, какъ и въ бѣлорусскомъ Сб. № 5, 6, 8, 11, 14, 16 и др.: естехмо Ап. 185б, здалихмося ib. 183а, напоминалихмо Ап. 204б, седѣлихмо ib. 206б. Появленіе *хмо* вмѣсто *смо* мы объясняемъ тѣмъ, что такого рода сложныя формы были чужды народной рѣчи, и это прошедшее время было отожествлено авторомъ Апокризиса съ формами древняго аориста, изъ котораго онъ и внесъ сюда *х* вмѣсто *с*. Польское вліяніе сказалось въ данномъ случаѣ въ способѣ образованія этой формы, нѣкоторыя же окончанія польскія передѣланы по образцу другихъ глагольныхъ формъ. Внѣ случаевъ сложенія съ формами спрягаемаго глагола вспомогательный глаголъ не имѣетъ такихъ формъ, кромѣ 2 л. ед. ч. *есъ* Ап. 191б, употребляемой, впрочемъ, въ такомъ видѣ въ качествѣ формы 3 л. ед. ч.: якіе есь то фалши Ап. 141а.

8) Употребленіе предлога *вы* въ формахъ, въ которыхъ въ русскомъ языкѣ употребляется *изъ*: выбавилесь Прл. 17а, выбавъ ib. 18а. 109а, выполнилося ib. 72б.

9) Употребленіе *дз* вмѣсто *з* въ словѣ дзвонъ Снп. 122.

Въ синтактическомъ отношеніи вліяніе польское, а черезъ посредство его вліяніе и другихъ языковъ, выразилось въ употребленіи писателями цѣлаго ряда оборотовъ, несвойственныхъ русскому языку. Подвести подъ общее

правило все это громадное количество неправильныхъ оборотовъ нѣтъ никакой возможности; мы укажемъ лишь на выдающіеся и наиболѣе часто встрѣчающіеся въ памятникахъ, при томъ такіе, которые отразились въ современной намъ рѣчи.

1) Употребленіе творительнаго падежа вмѣсто именительнаго въ качествѣ сказуемаго при вспомогательномъ глаголѣ: самовластіе есть свѣдкомъ Прл. 5б, Богъ не естъ самъ собѣ початкомъ ib. 9б, тая бытность естъ правдивымъ бгомъ ib. 10а, миръ естъ такъ векикою речу ib. 11а, которая естъ виною ib. 91а и весьма мн. др.

2) Употребленіе предлога *для* при обозначеніи причины вмѣсто *по*, изъ-за и др.: для двохъ поважныхъ причинъ Прл. предм. 1а и т. д.

3) Употребленіе въ безличныхъ оборотахъ глагола *нимашъ*: нѣмашъ таковой вѣри Прл. 9б, нѣмашъ покаанія ЗБ. 7б; нѣмашъ КР. 11а. Ог. 7, нимашъ Ап. 14б и т. д. Вообще, этотъ глаголъ въ приведенномъ значеніи употребляется весьма часто въ памятникахъ.

Приведенныя черты иноязычнаго вліянія въ большей или меньшей степени отразились въ современномъ народномъ южнорусскомъ нарѣчіи, а нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ живутъ въ ней безъ измѣненія. Многочисленные же случаи искаженія народной рѣчи, выразившіеся въ употребленіи писателями латино-нѣмецко-польскихъ оборотовъ, не менѣе многочисленные случаи искаженія народной формы словъ въ фонетическомъ и морфологическомъ отношеніи не приводятся здѣсь потому, что они не усвоены народной рѣчью и составляютъ лишь книжное достояніе. Совершенно свободнымъ отъ польскаго вліянія осталось удареніе, хотя и отличающееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ по мѣсту своего нахожденія отъ современнаго, но не подчинившееся правиламъ польской просодіи. Теперь, какъ извѣстно, только у однихъ лемковъ удареніе ставится на польскій ладъ.

VI. ОБЩІЕ ВЫВОДЫ.

На основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ, и современнаго состоянія южнорусскаго нарѣчія естественными являются слѣдующія общія предположенія: 1) Въ XVI—XVII вв. южнорусское нарѣчіе представляло тѣ же фонетическія и морфологическія особенности, что и въ настоящее время, именно: а) древній *ѣ* въ немъ произносился уже во всѣхъ случаяхъ, какъ мягкое *и*.

б) древніе *о* и *е* въ слогахъ закрытыхъ перешли также въ мягкое *и*.

в) *л* переходилъ въ *в* при тѣхъ же условіяхъ, которыя остаются въ силѣ и по настоящее время.

г) Первичный *ф* былъ звукомъ, занесеннымъ извнѣ, и замѣнялся въ живомъ говорѣ преимущественно черезъ *п*, а также и черезъ *хв*, которое, въ свою очередь, замѣнялось также черезъ *ф*.

д) Древніе *и* и *е* измѣнили уже свой мягкій характеръ и произносились твердо.

е) Древній *г* звучалъ какъ латин. *h*.

ж) Звуки *у* и *в* взаимно мѣнялись.

з) Вмѣсто древняго сочетанія *жд* явился сложный согласный звукъ, который въ памятникахъ выражался черезъ *жджъ*, *жч*, *щ*.

и) Гортанные въ соединеніи съ *и* произносились твердо, какъ и въ древнеславянскомъ яз.

і) Звуки шипящіе произносились твердо, а свистящій *ц*—мягко.

к) Смягчались тѣ же согласные звуки, которые смягчаются и теперь, и при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ происходитъ смягченіе и въ настоящее время.

л) Древнія родовыя окончанія во множественномъ числѣ утеряны, и имена употребляютъ эти окончанія безразлично.

м) Система древняго склоненія и спряженія совершенно измѣнилась въ зависимости отъ дѣйствія звуковыхъ законовъ и вліянія аналогіи.

н) Двойственное число сохранилось лишь въ весьма незначительныхъ остаткахъ, при томъ только въ соединеніи съ имен.—вин. падежемъ числительныхъ: оба, два, три, четыре; въ остальныхъ случаяхъ оно замѣнилось множественнымъ числомъ

о) Система консонантизма отличалась твердостью и устойчивостью, вслѣдствіе чего переходъ согласныхъ звучныхъ въ отзвучные въ концѣ и срединѣ словъ не былъ распространенъ.

п) Звуковъ двугласныхъ и долгихъ въ немъ не было; въ противовѣсъ встрѣчающимся въ памятникахъ формамъ въ родѣ вообьця приведемъ вовторокъ и вувторокъ (срв. стр. 17 и 33; бѣлорусскія: на овторокъ. ув овторокъ Карскій, къ Исторіи и проч. 224).

Всѣ указанныя черты въ разсматриваемое время имѣли характеръ явленій, уже вполнѣ установившихся и нашедшихъ отраженіе въ памятникахъ письменности. Однѣ изъ нихъ южнорусское нарѣчіе раздѣляло съ бѣлорусскимъ. а другія были свойственны исключительно ему одному.

2) Польское и вообще иноязычное вліяніе выразилось главнымъ образомъ въ заимствованіи иностранныхъ словъ и лишь въ немногихъ случаяхъ коснулось звукового облика словъ и формъ. Степень этого вліянія прямо пропорціональна близости извѣстной области къ мѣстностямъ, въ которыхъ польскій языкъ былъ разговорной рѣчью; она обу-

словливалась также степенью польскаго вліянія въ разныхъ отрасляхъ народной жизни. Этими же обстоятельствами обусловливается и качество иноязычнаго вліянія.

3) Путь, по которому совершалось естественное развитіе звуковъ и формъ южнорусскаго нарѣчія, совершенно тотъ же, по которому шло развитіе сѣверно- и западнорусскихъ нарѣчій, поэтому-то мы находимъ много общаго въ характерѣ лексическаго и морфологическаго строя всѣхъ этихъ русскихъ нарѣчій, каковы напр. потеря родовыхъ окончаній во множ. числѣ, формы причастій и дѣепричастій, система склоненій и спряженій; даже такія фонетическія явленія, какъ переходъ *хв* въ *ф* и обратно, переходъ *ф* въ *п* и т. п. не являются исключительнымъ достояніемъ южнорусскаго нарѣчія, но встрѣчаются и въ различныхъ областяхъ распространенія сѣверно- и западнорусскаго нарѣчія.

4) Получивъ возможность самостоятельнаго развитія, примкнувъ тѣсно и въ литературномъ отношеніи къ корню, отъ котораго оно было отторгнуто историческими условіями, южно-русское нарѣчіе освободилось отъ иноязычнаго вліянія, и съ тѣхъ поръ начинается его развитіе въ чисто-русскомъ народномъ духѣ: слова иностранныя мало-по-малу совершенно исчезаютъ изъ языка, и ихъ мѣсто занимаютъ слова съ русскими корнями; отъ неправильностей въ синтактическомъ отношеніи не осталось уже и слѣда въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя имѣютъ возможность развивать свою рѣчь параллельно развитію ея въ другихъ областяхъ, не подвергавшихся иноязычному вліянію; чѣмъ ранѣе извѣстная область была присоединена къ общерусской территоріи, тѣмъ языкъ ея чище въ лексическомъ отношеніи; области, присоединенныя гораздо позже и позже другихъ принявшія участіе въ общерусскомъ литературномъ развитіи, и до настоящаго времени не свободны отъ многихъ недостатковъ въ ихъ языкѣ, недостатковъ, явившихся естественнымъ слѣдствіемъ ихъ обособленнаго умственнаго развитія, оторванности отъ родного корня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
25	15 снизу	рѣчъ	речъ (въ обоихъ случаяхъ)
46	3 сверху	по этому	поэтому
77	2 снизу	тоьлко	только

1p 50k